

НИКОЛАС СПАРКС

Новинка!

*Каждый
вдох*

НИКОЛАС СПАРКС

Новинка!

*Каждый
вдох*

Николас Спаркс

Каждый вдох

Nicholas Sparks
Every Breath

© Willow Holdings, Inc., 2018

© Перевод. О. А. Мышакова, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

* * *

Виктории Водар

Благодарности

У меня процесс создания книги несколько ассоциируется с родами (в том виде, какими они мне представляются): ожидание, страх, изнурительные попытки и наконец ликование (к счастью, мне не придется проверять точность этого сравнения на личном опыте). На всех этапах – от зачатия до первого крика «новорожденного» – рядом находилась мой литературный агент Тереза Парк, не только женщина редкого ума и таланта, но и вот уже четверть века мой близкий друг. Команда «Парк литерари и медиа» бесспорно самая солидная, компетентная и стратегически дальновидная в этом бизнесе: Абигейл Кунс и Блэр Уилсон стали архитекторами моей международной карьеры; Андреа Май продолжает находить все новые способы сотрудничества с розничными распространителями – «Таргетом», «Уолмартом», «Амазоном» и «Барнс энд Ноблом»; Эмили Свит обеспечивает техническую составляющую моего присутствия в соцсетях, занимается также лицензированием и брендингом; Александра Грин берет на себя юридическую поддержку и разрабатывает стратегию, а Пит Кнапп и Эмили Кладжетт делают все, чтобы мои книги не теряли своей актуальности у весьма изменчивой читательской аудитории.

В издательстве, куда я отношу все свои сочинения после «Дневника памяти», за несколько десятилетий произошли существенные изменения, но я счастлив, что в последние годы мои книги продвигает исполнительный директор «Хэчетт бук груп» Майкл Пьеш. Издатель из «Гранд сентрал паблишинг» Бен Севьер и главный редактор Карен Костолник пришли в коллектив недавно, но очень удачно, привнесли в работу новые идеи и энергию. Мне будет не хватать вице-президента «Гранд сентрал паблишинг» Дейва Эпштейна, который вместе с боссом Крисом Мерфи и Андреа Май из управления проектами сформировал стратегию розничных продаж для недавно вышедших романов (Дейв, желаю тебе мирной рыбалки на пенсии). Флэг и Энн Туми, прекрасные и неизменно качественные обложки моих книг – ваша заслуга. Брайана Мак-Лендона и моего нечеловечески терпеливого рекламного агента Кейтлин Малруни-Лиски хочу поблагодарить за организацию маркетинговой и рекламной кампании моих книг. Аманде Прицкер я искренне благодарен за внимательность и эффективное сотрудничество с командой «Парк

литерари».

Кэтрин Олим – мой давний рекламный агент в «Пи-эм-кей – Би-эн-си» и моя бесстрашная защитница и незаменимая советчица (я очень дорожу ее рекомендациями). Гуру соцсетей Лакиш «Кью» Райт и Молли Смит помогают мне не терять связь с читателями и, кроме того, убедили меня обрести собственный голос в постоянно меняющемся мире виртуального общения. Спасибо за неизменную поддержку и помощь на протяжении стольких лет!

В попытках кино- и телеэкранизаций моих романов мне посчастливилось работать с не менее замечательной командой, ориентированной на аудиторию 20+: Хови Сандерс (перешла в отдел анонимного контента), Кейей Хайятиан из Объединенного агентства по подбору актеров и Скоттом Швиммером, моим юристом, специализирующимся на индустрии развлечений и влюбленным в свою работу (надеюсь, Скотти, тебе понравится твой тезка из «Каждого вдоха»!). Любой автор будет счастлив отдать свой голливудский проект в руки этих первоклассных специалистов!

И наконец, спасибо моей «домашней» команде – Дженни Арментраут, моей помощнице Тии Скотт, Майклу Смиту, моему брату Мике Спарксу, Кристи Боначчи, Эрику Коллинзу, Тодду Лэнману, Мике Саймону, Грею Цюрбруеггу, Дэвиду Страуду, Дуайту Карблону, Дэвиду Вэнгу, моим бухгалтерам Пэм Поуп и Оскаре Стревик, Энди Соммерс, Ханне Менш, Дэвиду Геффену, Джеффу ван Ви, Джиму Тайлеру, Дэвиду Шара, Пат и Билли Миллсам, Майку и Кристи Мак-Аденам; старым друзьям, среди которых Крис Маттео, Пол Дювэр, Боб Джейкоб, Рик Мюнч, Пит Деклер и Джо Вестмейер; моей большой семье, в том числе Монти, Гейл, Диане, Чаку, Дэну, Сэнди, Джеку, Майку, Парнеллу; всем моим двоюродным братьям и сестрам, племянникам и племянницам и наконец моим детям – Майлсу, Райану, Лэндону, Лекси и Саванне. Я каждый день благодарю Бога молитвой и «каждым вдохом» за то, что вы у меня есть.

Родственные души

Существуют истории, которые появляются таинственно, буквально из ниоткуда, а есть сюжеты, которые нам кто-то подарил. К последним относится и мой рассказ. В холодный ветреный день конца весны 2016 года я ехал в Сансет-Бич, Северная Каролина, один из маленьких островов на границе между Уилмингтоном и Южной Каролиной. Оставив пикап у пирса, я пошел по берегу к Берд-Айленд, безлюдному прибрежному заповеднику. Местные жители уверяли, что я обязательно увижу там то, что мне сразу захочется описать в одной из своих книг. Мне сказали искать американский флаг: как увижу его, значит, я уже близко.

Заметив флаг, я стал смотреть внимательнее – меня предупредили, что нужно искать почтовый ящик под названием «Родственные души». Ящик на шесте из старого плавника стоит здесь с 1983 года и принадлежит всем и никому. Любой может оставить в нем письмо или открытку, а другие прохожие прочитают то, что находится в почтовом ящике. Каждый год это делают тысячи людей, и постепенно ящик «Родственные души» превратился в хранилище надежд и мечтаний в письменной форме. Разумеется, не обходится и без любовных историй.

На пляже никого не было. Подойдя к одинокому почтовому ящику на пустом берегу, я заметил рядом деревянную скамью – аванпост размышлений, идеальное место для отдыха.

В ящике нашлись две открытки, несколько распечатанных писем, рецепт брауншвейгского рагу, дневник, написанный по-немецки, и толстый коричневый конверт. Еще имелись ручки, пачка чистой бумаги и конверты – видимо, для того, кто вдохновится и поделится своей историей. Присев на скамью, я просмотрел открытки и рецепт, а потом взялся за письма. Почти сразу я обратил внимание на отсутствие фамилий; в некоторых письмах были имена, в других – инициалы, а третьи – вообще анонимные, что только добавляло таинственности.

Однако анонимность способствовала откровенности. Я прочел о женщине, которая, понемногу оправляясь после борьбы с раком, встретила мужчину своей мечты в магазине христианских книг, но беспокоилась, что недостаточно хороша для него. Я читал сочинение ребенка, который надеется стать космонавтом. Было письмо молодого человека, собравшегося сделать предложение своей любимой на

воздушном шаре, а другой мужчина мечтал пригласить соседку на свидание, но боялся получить отказ. Попалось и письмо человека, недавно вышедшего из тюрьмы, у которого была единственная мечта – начать новую жизнь. Последнее письмо оказалось от хозяина пса Тедди, которому недавно пришлось усыпить любимого питомца. Автор был безутешен и даже вложил в конверт фотографию черного лабрадора с добрыми глазами и седеющей мордой. Человек подписался А.К., и я поймал себя на мысли – хоть бы он нашел способ заполнить пустоту, образовавшуюся после ухода Тедди.

Тем временем ветер усилился, надвигались тучи. Собирался дождь. Я убрал рецепт рагу, открытки и письма обратно в ящик и засомневался: открывать ли большой конверт. Его толщина означала солидное количество страниц, а мне меньше всего хотелось промокнуть по пути к машине. Перевернув конверт, я увидел, что на нем кто-то написал: «Самая поразительная в мире история!»

Попытка снискать признание или вызов? Надпись сделана автором или одним из прочитавших до меня? Этого я не знал, и любопытство пересилило.

Я открыл конверт. Внутри оказалось около десятка листов, ксерокопии нескольких писем и рисунок мужчины и женщины, явно влюбленных друг в друга. Это я отложил и полез в конверт за самой историей. Прочитав первую строчку, я остановился:

«Предназначение, больше всего волнующее людей, касается любви».

Тон повествования заметно отличался от остальных писем, обещая нечто серьезное и незаурядное. Я начал читать. Спустя страницу любопытство переросло в жгучий интерес, а еще через несколько страниц я уже не мог оторваться. Примерно полчаса я то смеялся, то проглатывал ком в горле, не обращая внимания на сильный ветер, вырывающий листья из рук, и свинцовые тучи. Раскаты грома и проблески молний уже достигли конечности острова, когда я дочитал последние слова с ощущением свершившегося чуда.

Мне бы в тот момент следовало уйти – я видел, как пелена дождя приближается по водной глади, но я стал перечитывать. На этот раз уже ясно слышались голоса персонажей. Когда я наскоро просмотрел письма и рисунки, зародившийся во мне замысел обрел очертания: разыскать автора и договориться об использовании этого сюжета для создания романа.

Но поиски представлялись нелегкой задачей. Большинство описанных событий произошло более четверти века назад, а вместо имен стояли инициалы – даже в письмах имена замазали корректирующей жидкостью, прежде чем отправить на ксерокс. Ничто не указывало на личность автора или возможного иллюстратора.

Однако кое-что все же нашлось. В записях, датированных 1990 годом, упоминался ресторан с открытой верандой и камином, на одной из полок в котором красовалось пушечное ядро, якобы поднятое с затонувшего корабля Черной Бороды. Еще упоминался коттедж на одном из островов у побережья Северной Каролины – от коттеджа до ресторана можно было дойти пешком. А на недавно заполненных страницах автор говорил о стройке, развернувшейся возле бунгало, причем совершенно на другом острове. Я понятия не имел, закончилось строительство или еще нет, но нужно было с чего-то начинать. Прошло много лет, но я надеялся узнать героев повести по рисункам. И конечно, оставался еще почтовый ящик «Родственные души», сыгравший едва ли не основную роль в этой истории.

К тому моменту небо совсем почернело, и я понял, что времени у меня нет. Сунув листы обратно в конверт, я положил его в почтовый ящик и побежал к машине. И едва успел – еще несколько минут и вымок бы насквозь. Дворники работали на пределе, и все равно стекло заливало водой. Я приехал домой и с запозданием пообедал, глядя в окно и думая о судьбе влюбленных, о которых узнал из толстого конверта. К вечеру я понял, что должен вернуться к «Родственным душам» и перечитать историю еще раз, но прогноз погоды и образовавшаяся деловая поездка отсрочили возвращение примерно на неделю.

Когда я наконец выбрался, рецепт, другие письма и немецкий дневник были на месте, но большой коричневый конверт исчез. Я понятия не имел, что с ним случилось. Неужели какого-нибудь прохожего так тронули эти страницы, что он забрал их с собой, или это сделал специальный человек, следящий за почтовым ящиком? Но больше всего я опасался, что это автор передумал рассказывать свою историю и сам пришел за письмом.

Тогда мне еще сильнее захотелось пообщаться с ним, но семейные дела и работа не позволяли освободиться еще примерно месяц, поэтому поиски я начал только в июне. Не стану утомлять вас подробностями, скажу лишь, что это заняло почти неделю: бесчисленные телефонные звонки, визиты в разнообразные торговые палаты и офисы окружных администраций, сотни миль в разъездах. Так как первая часть истории произошла два с половиной десятилетия назад, многие описанные места

давно исчезли. Мне удалось отыскать ресторан, превратившийся в элегантное кафе, с белыми скатертями, где теперь подавали морепродукты; что ж, это и стало отправной точкой. Со списком разрешений на строительство я объезжал острова и во время одной из многочисленных прогулок по берегу наконец услышал звуки молотка и перфоратора. Не такая уж редкость для просоленных и потрепанных непогодой домов на побережье, однако при виде пожилого человека, соорудившего пологий спуск на пляж на склоне дюны, я внутренне вздрогнул: мне вспомнились рисунки в конверте. Даже издалека я узнал одного из героев той повести.

Я подошел и представился. Вблизи я убедился, что это он. Я обратил внимание на спокойный, но пристальный взгляд синих глаз, упомянутых в одном из писем. Произведя несложные математические расчеты, я сообразил, что герою сейчас под семьдесят – на вид возраст совпадал. Обменявшись парой дежурных фраз, я спросил напрямую, не он ли написал историю, которая в конце концов попала в «Родственные души». Отвернувшись к океану, старик добрых две минуты молчал, а потом сказал, что ответит на мои вопросы завтра при условии, что я помогу ему со стройкой.

На следующее утро я надел пояс для инструментов, но они оказались не нужны: старик заставил меня таскать клееную фанеру (два на четыре) и доски с пропиткой от дома на пляж через гребень дюны. Досок была целая гора, тащить их приходилось по песку, что вдвое труднее. Я убил на это занятие большую часть дня, а старик раскрывал рот лишь чтобы сказать, куда что нести. Он целый день сверлил и что-то прикручивал под палящим солнцем. Казалось, его заботит только качество работы, а не мое присутствие.

Вскоре после того как я оттащил последние доски, старик пригласил меня присесть на дюне и открыл сумку-холодильник. Наполнив из термоса пластиковые чашки, он подал мне чай со льдом.

– Да, – наконец ответил старик, – это я написал.

– И все описанное правда?

Он прищурился, будто оценивая меня.

– Ну, отчасти, – признал собеседник с акцентом, который тоже упоминался в рассказе. – Кто-то может оспорить факты, но ведь воспоминания и факты не всегда совпадают.

Я сказал, что, по моему мнению, из этого может получиться интересная книга, и атаковал старика целой серией страстных аргументов. Он молча слушал с непроницаемым видом. Отчего-то мне

вдруг отчаянно захотелось его убедить. После неловкой паузы, словно взвесив мои слова, старик наконец заговорил. Он готов обсудить мое предложение и даже согласиться на него, но с условием, что первым читателем книги станет он сам. Если ему что-то не понравится, я должен буду все исправить. Я возражал как мог – на книгу уходят месяцы, даже годы работы, но собеседник был непреклонен. В конце концов я согласился, мысленно признав его правоту. Поменяйся мы местами, я бы попросил о том же.

Мы пошли в коттедж. Я задавал вопросы и получал ответы. Старик вручил мне копию текста и оригиналы писем и рисунков, отчего прошлое словно ожило.

Разговор шел своим чередом. Мой собеседник оказался прекрасным рассказчиком и поберег самое интересное напоследок. Наступил вечер, когда он показал мне замечательную вещь – труд любви, позволивший мне увидеть далекие события так отчетливо, будто я был их свидетелем. Я уже представлял, как слова появляются на листе: история разворачивалась сама, а моя роль заключалась в том, чтобы ее записать.

Перед моим уходом старик поставил еще условие: реальные имена не называть. У него не было желания прославиться – он считал себя человеком закрытым и к тому же опасался, что история может разбередить старые и новые раны. В конце концов, все произошло не на необитаемом острове, в событиях участвовали вполне реальные люди, и кого-то из них эти разоблачения могут расстроить. Я выполнил все условия, потому что ценность этой истории для меня важнее мелочей, ведь она напоминает нам, что иногда судьба и любовь вступают в борьбу.

Вскоре я начал работать над романом. Если у меня возникали вопросы, я звонил или приезжал. За год я объездил окрестности, по крайней мере те места, которые не были навсегда утрачены. Сидя в архивах, я всматривался в газетные фотографии, сделанные более четверти века назад. Чтобы снабдить повествование красочными деталями, я неделю прожил в прибрежном городке на востоке Северной Каролины и съездил ни много ни мало в Африку. (С этим мне повезло больше – там время течет куда медленнее. Порой мне казалось, что я нечаянно оказался в прошлом.)

Очень полезной стала поездка в Зимбабве. Я еще никогда не бывал в этой стране, и местная природа произвела на меня неизгладимое впечатление. Когда-то Зимбабве называли житницей Африки, но сейчас сельское хозяйство пришло в упадок, а экономику поразили длительный кризис, в основном по политическим причинам. Я бродил по незасеянным

полям, видел разваливающиеся фермерские постройки и представлял, как зеленели здесь посевы, когда начиналась моя история. Три недели я ездил на сафари, жадно впитывая все, что открывалось глазу. Я говорил с гидами, скаутами-разведчиками и наблюдателями об их обучении и жизни и думал, как сложно им создавать семьи, ведь почти все время они пропадают в буше^[1]. Признаюсь, я влюбился в Африку с первого взгляда и навсегда: с того раза меня неудержимо тянет вернуться, и я знаю, что скоро поеду туда снова.

Несмотря на все мои усилия, многое осталось неизвестным: двадцать семь лет все-таки немалый срок, и дословно воспроизвести давний разговор между двумя людьми невозможно. Не получится точно вспомнить и каждый шаг главного героя, и какими были облака, и как именно волны набегали на берег. В этой книге вы увидите максимум моих усилий. Кое-что я изменил из соображений конфиденциальности, поэтому уверенно называю книгу художественным, а не документальным произведением.

Замысел, сбор материалов и процесс написания романа стали одним из самых памятных этапов в моей жизни. До известной степени пережитое изменило мое отношение к любви. Наверное, многим из нас нет-нет да и приходит в голову: а что, если бы я тогда последовал велению сердца? На это нет ответа. Жизнь складывается из маленьких жизней, каждая из которых длится один день, и нам то и дело приходится принимать решения и делать выбор (с соответствующими последствиями). Постепенно наши решения превращают нас в тех, кем мы в итоге становимся. Я запечатлел несколько фрагментов в меру своего таланта, но кто сказал, что картина, сложившаяся из этих фрагментов, – настоящий портрет этой пары?

Когда речь заходит о любви, всегда найдутся сомневающиеся. Влюбиться легко; сохранить любовь, несмотря на превратности судьбы, – недостижимая мечта для многих. Но если вы прочтете эту историю с тем же ощущением чуда, с каким читал ее я, впервые открыв коричневый конверт, ваша вера в сверхъестественное влияние, которым любовь порой обладает над людскими жизнями, обретет второе дыхание. Возможно, вы даже отвезете в «Родственные души» свою историю и она изменит чью-то жизнь так, как вы и подумать не могли.

Николас Спаркс,
2 сентября 2017 года

Часть I

Тру

Утром девятого сентября 1990 года Тру Уоллс вышел из дома и посмотрел на небо, которое пылало огненным цветом на линии горизонта. Земля растрескалась, воздух был абсолютно сухим – дождей не наблюдалось больше двух месяцев. Пыль оседала на высоких ботинках, пока Тру шел к пикапу, на котором ездил уже двадцать лет. Пикап, как и ботинки, был густо покрыт пылью изнутри и снаружи. За забором, поверх которого тянулся провод под напряжением, слон отрывал ветки с рухнувшего ночью дерева. Тру не обратил на него внимания. Это часть его родного ландшафта – предки Тру эмигрировали из Англии более века назад, и сейчас он удивился не больше, чем рыбак, вытаскивающий из моря сеть с уловом и заметивший акулу. Тру был поджарый и темноволосый, вокруг глаз давно появились морщинки от постоянного пребывания на солнце. В свои сорок два года Тру до сих пор не решил: сам он выбрал жизнь в буше или это буш выбрал его.

В лагере было тихо: гиды, в том числе его приятель Роми, рано утром уехали в сафари-лодж, откуда гостей со всего мира повезут в буш. Последние десять лет Тру работал гидом в национальном парке Хванге. До этого его жизнь была почти кочевой: он менял заповедники каждые пару лет, набираясь опыта. Как правило, Тру избегал сафари-парков, где разрешалась охота, чего его дед понимать не желал. По словам деда Тру, которого все называли Полковником, хотя тот в армии никогда не служил, он перестрелял больше трехсот львов и шакалов, защищая скот на крупной семейной ферме возле Хараре, где рос Тру. Отчим и сводные братья были не прочь побить этот рекорд. Помимо разведения скота, семья Тру выращивала различные культуры, собирая больше табака и томатов, чем любая другая ферма в стране. А еще кофе. Прадед Тру начинал с легендарным Сесилем Родсом, алмазным магнатом, политиком и символом британского империализма, прибравшим к рукам землю, деньги и власть.

Полковник унаследовал от отца процветающий семейный бизнес, а после Второй мировой войны в делах и подавно начался невиданный прогресс; в результате семья Уоллсов стала одной из богатейших в стране. Дед не понял желания Тру оставить добропорядочную с виду деловую империю и роскошную жизнь. До своей смерти – Тру тогда было двадцать шесть лет – Полковник успел посетить заповедник, где работал внук. Хотя Тру спал в лодже, а не в лагере, при виде комнаты внука старика едва не

хватил удар. Он оглядел жилище, которое счел не лучше лачуги, – без теплоизоляции и телефона, с керосиновой лампой и мини-холодильником, питавшимся от маленького общего генератора. Все это разительно отличалось от усадьбы на ферме, но Тру вполне устраивала спартанская обстановка, особенно когда наступал вечер и над головой разливался океан звезд. На самом деле в этом охотничьем домике было гораздо лучше, чем в других лагерях, где он работал ранее (в двух из них приходилось спать в палатке): здесь имелся водопровод и душ, который Тру считал чем-то вроде роскоши, пусть даже душевая была общей.

С собой Тру вез гитару в потрепанном чехле, провизию, термос, рисунки, которые он сделал для своего сына Эндрю, и рюкзак с одеждой на несколько дней, туалетными принадлежностями, альбомами, цветными и угольными карандашами и паспортом. Тру планировал отсутствовать примерно неделю, но счел, что больше ему ничего не понадобится.

Пикап стоял под баобабом. Некоторые проводники любили его сухие мясистые плоды и добавляли их в утреннюю овсянку, но Тру так и не привык к этому специфическому вкусу. Бросив рюкзак на переднее сиденье, он заглянул в кузов, чтобы убедиться – красть оттуда нечего. Тру собирался оставить пикап на семейной ферме, но там было больше трех сотен работников, получавших сущие гроши. Хорошие инструменты там просто растворялись в воздухе, даже под бдительным присмотром родственников.

Тру сел за руль и надел темные очки. Прежде чем повернуть ключ зажигания, он проверил, не забыл ли чего. Вещей было немного: помимо рюкзака и гитары, письмо и фотография, полученные из Америки, билеты на самолет и бумажник. На стойке за спиной был заряженный карабин на тот случай, если пикап сломается и Тру придется пешком пробираться по бушу, продолжавшему оставаться одним из самых опасных мест на земле, особенно ночью и даже для такого опытного человека, как он. В бардачке – компас и фонарик. Тру проверил под сиденьем палатку – опять-таки на всякий случай. Палатка была достаточно компактной, чтобы поставить ее прямо в кузове, и хотя против хищников она вряд ли поможет, это лучше, чем спать на земле. Ну, вроде все, подумал Тру.

Вокруг уже стало заметно теплее, а в кабине так просто жарко. Тру пользовался «кондиционером два-двадцать»: два открытых окна и скорость двадцать миль в час. Это, в общем, не спасало, но он давно привык к жаре. Тру закатал рукава рыжевато-коричневой рубашки. Он поехал в своих плотных походных брюках, которые за много лет стали мягкими и удобными. Гости в сафари-лодже, наверное, сейчас сидят у бассейна в

купальниках и шлепанцах, но Тру никогда не ощущал себя комфортно в плавках и босиком. Сапоги и холщовые штаны однажды спасли ему жизнь при встрече с разъяренной черной мамбой: не будь он нормально одет, яд убил бы его меньше чем за полчаса.

Тру посмотрел на часы – начало восьмого. Впереди два долгих дня. Заведя мотор, он задним ходом отъехал от баобаба и развернулся к воротам. Спрыгнув на землю, Тру открыл ворота, выехал и вышел из машины, чтобы запретить въезд: меньше всего гидам захочется обнаружить в лагере львиный прайд^[2], уютно расположившийся на территории. Такое уже случилось не в этом лагере, а в другом, на юго-востоке страны. Поднялась суматоха: никто не знал, что делать, оставалось ждать, пока львы решат, сколько еще они намерены оставаться. К счастью, прайд тем же днем отправился охотиться дальше, но с тех пор Тру всегда проверял ворота. Среди гидов были новички, так что лучше подстраховаться.

Тронувшись с места, Тру старался выбирать участки поровнее. Первую сотню миль предстояло ехать по разбитым щебеночным дорогам, усыпанным выбоинами, – сперва по территории заповедника, затем мимо маленьких деревень. Туда Тру попадет только к середине дня, но он привык быть за рулем и позволил себе почти бездумно рассматривать мир, который называл своим домом.

Солнце пробивалось сквозь легкие облака, плывущие над верхушками деревьев, осветило лиловогрудую сизоворонку, вылетевшую из непролазной чащи узловатых веток слева. Два бородавочника рысцой перебежали дорогу, миновав семейство бабуинов. Тру сотни раз видел этих диких кабанчиков и невольно восхищался их способностью выживать среди стольких хищников. У природы свой страховой полис: чем ниже животное в пищевой цепочке, тем больше у него потомство. Зебры, например, ходят беременные почти круглый год, зато у львиц зачать хотя бы одного детеныша получается лишь с тысячного раза. Эволюционное равновесие, доведенное до совершенства. Хотя Тру видел это каждый день, он не уставал поражаться гениальности природы.

Туристы обычно жаждали интересных историй, и Тру рассказывал, что такое подвергнуться нападению черного носорога или как он однажды видел бешено брыкающуюся самку жирафа, которая не могла разродиться и буквально выстрелила из себя детеныша, немало удивив Тру своим неистовством. Он был свидетелем того, как детеныш ягуара затащил на дерево бородавочника почти вдвое больше себя, всего на несколько дюймов опередив стаю рычащих гиен, учуявших добычу. Видел он гиеновидную собаку, которая, бросив собственную стаю, прибилась к

шакалам – тем самым, на которых гиеновидные собаки охотились. И таких рассказов у него было великое множество.

Есть ли шанс повторить удачное сафари? Ответ: и да, и нет. Можно отправиться в тот же сафари-парк, нанять того же гида, находиться там в то же время и ездить по тем же дорогам в такую же погоду, но животные непременно покажутся в других местах, занятые своими делами. Они будут идти на водопой или с водопоя, наблюдать и прислушиваться, поедать добычу, отдыхать и спариваться, просто проживая очередной день.

Сбоку от дороги Тру увидел стадо антилоп импала. Проводники в шутку называли этих животных «Макдоналдсом» буша, фастфудом в изобилии. Импалы входят в рацион каждого хищника, а туристы обычно перестают фотографировать этих животных после первого сафари – слишком уж их много. Однако Тру поехал медленнее, любуясь, как одна за другой импалы неожиданно высоко и грациозно перепрыгивали через упавшее дерево, точно учились хореографии. По-своему, думал он, импалы не менее замечательные создания, чем «большая африканская пятерка» – лев, леопард, носорог, слон и буйвол – и даже «большая семерка», куда еще входят гепарды и гиены. Именно ради них в основном и приезжают туристы, мечтая увезти редкие фотографии. Но увидеть львов не так уж и сложно, особенно в жару: они спят по восемнадцать – двадцать часов в сутки, растянувшись где-нибудь в тени. Вот лев в движении – большая редкость, такое увидишь разве что в ночное время. Раньше Тру работал в лагерях, где предлагались вечерние сафари. От некоторых поездок кровь стыла в жилах, и почти все буквально ослепляли – представьте себе пыль, поднятую сотней буйволов, антилопами гну или стадом зебр, убегающих от львов! Ничего не видно на расстоянии нескольких дюймов, и Тру вынужден был останавливать пикап. Дважды машина оказывалась между львиной стаей и ее добычей, от чего адреналин, естественно, зашкаливал.

Дорога стала заметно хуже, и Тру сбросил скорость, объезжая ямы, где только мог. Он направлялся в Булавайо, второй по величине город в стране, где жила его бывшая жена Ким с их сыном Эндрю. У Тру в Булавайо был дом, который он купил после развода. Сейчас ему казалось, что они с Ким изначально не очень подходили друг другу. Познакомились лет десять назад в баре в Хараре, куда Тру приезжал в перерывах между двумя работами. Ким потом признавалась, что он поразил ее своей экзотичностью, да и его фамилия пробудила интерес. Ким была на восемь лет моложе Тру, красивая и очаровательная, покладистая, но уверенная в себе. Слово за слово, они понравились друг другу и полтора месяца почти не расставались. Когда Тру снова услышал зов буша и захотел закончить

роман, Ким призналась, что беременна, и они поженились. Тру нашел работу в Хванге, поближе к Булавайо, и в положенный срок на свет появился Эндрю.

Конечно, Ким знала, чем Тру зарабатывает на жизнь, но полагала, что с появлением ребенка он найдет работу, на которой не придется пропадать в буше по несколько недель. Однако муж продолжал работать гидом. В итоге Ким с кем-то познакомилась, и их с Тру брак закончился меньше чем через пять лет. Ни с той ни с другой стороны обид не было. Более того, после развода отношения даже улучшились. Всякий раз, когда Тру заезжал за Эндрю, они с Ким некоторое время сидели за столом и беседовали как старые друзья. Она снова вышла замуж и родила дочь, а недавно по секрету сообщила Тру, что опять беременна. Ее муж Кен работал в финансовом отделе «Зимбабвийских авиалиний», носил костюм и вовремя приходил домой к ужину. Ким о таком всегда мечтала, и Тру был только рад за нее.

Что касается Эндрю...

Сыну уже исполнилось десять лет, и он являлся единственным положительным итогом этого брака. Судьбе было угодно, чтобы Тру вскоре после рождения Эндрю переболел корью, оставшись в итоге бесплодным, но ему никогда и не хотелось второго ребенка. Эндрю ему было более чем достаточно. Именно из-за сына Тру делал крюк до Булавайо, хотя мог сразу отправиться на ферму. Кареглазый блондин Эндрю внешне походил на мать; стены комнаты Тру были оклеены десятками рисунков с портретами сына. Со временем к ним прибавились фотографии: почти при каждой встрече Ким отдавала бывшему мужу увесистый конверт. Разные образы Эндрю, соединяясь в единое целое, смотрелись на стенах совершенно необычно. Хотя бы раз в неделю Тру делал зарисовки увиденного в буше (обычно это было животное), но чаще всего изображал себя и сына, стремясь запечатлеть в памяти очередную встречу.

Совмещать семью и работу было трудно, особенно после развода. По шесть недель, пока Тру находился в буше, Эндрю жил с матерью, и отец в его жизни отсутствовал: ни звонков, ни приездов, ни спонтанного матча в соккер, ни походов в кафе-мороженое. После на две недели Тру забирал сына и исполнял роль примерного родителя. Эндрю жил в его доме в Булавайо, Тру возил его в школу и из школы, собирал ланч, готовил ужин и помогал делать уроки. По выходным они занимались тем, чем хотелось Эндрю. Тру даже удивлялся, как можно так сильно любить своего ребенка, пусть он, отец, и не всегда рядом, чтобы это доказать.

Справа в небе кружили грифы – наверное, ищут остатки ночного пиршества гиен или свежую падаль. В последнее время зверям приходилось туго: страну поразила очередная длительная засуха, и водоемы в этой части заповедника пересохли, что неудивительно: сравнительно близко к западу, в Ботсване, лежит огромная пустыня Калахари. Оттуда пошли легендарные бушмены, язык которых считается самым старым из живых языков и со своими отрывистыми щелкающими звуками кажется чужому уху чем-то инопланетным. Хотя бушмены почти ничего не имеют в материальном плане, они смеются и шутят больше, чем представители других народов. Остается лишь гадать, сколько еще бушмены смогут вести привычный образ жизни. Новые веяния добрались и досюда: правительство Ботсваны готовит закон, обязывающий всех детей в стране, включая маленьких бушменов, обучаться в школах. Тру опасался, что это приведет к утрате уникальной культуры, просуществовавшей не одну тысячу лет.

С другой стороны, Африка постоянно меняется. Тру родился, когда Зимбабве еще была частью британской колонии Родезии, и застал гражданские волнения. Он был подростком, когда Родезия раскололась на две части, ставшие суверенными государствами Зимбабве и Замбия. Как и в ЮАР, которую большинство цивилизованных стран сделали изгоем из-за апартеида, в Зимбабве основная часть природных богатств и земель находится в руках небольшой части населения, в подавляющем большинстве белых. Тру сомневался, что так будет длиться вечно, однако тему политики и социального неравенства он раз и навсегда решил не обсуждать с родственниками. В конце концов, Уоллсы были частью привилегированной верхушки и, как все привилегированные верхушки, полагали, что заслужили и свое богатство, и привилегии, какие бы жестокие способы ни стояли за накоплением первоначального капитала.

Миновав границу заповедника, Тру проезжал первую из маленьких деревушек, где насчитывалась примерно сотня жителей. Как и лагерь гидов, деревня была обнесена высокой изгородью для безопасности людей и домашнего скота. Тру достал термос и сделал глоток, поставив локоть на край окна. Он обогнал женщину на велосипеде, до отказа загруженном ящиками с овощами, затем пешехода, направлявшегося, вероятно, в соседнюю деревню милях в шести. Тру сбросил скорость и остановился; мужчина, ускорив шаг, нагнал пикап и забрался в кабину. Тру знал достаточно слов на местном наречии, чтобы поддержать разговор. Всего он бегло говорил на шести языках – двух туземных и четырех европейских: английском, французском, немецком и испанском – и не в последнюю

очередь благодаря этому был нарасхват у компаний – организаторов сафари.

Высадив попутчика, Тру поехал дальше, выбравшись наконец на асфальтовую дорогу. Вскоре он остановился пообедать – просто съехал на обочину в тень акации, чтобы поесть в кузове пикапа. Солнце стояло высоко, и вокруг было обманчиво тихо. Животных нигде не было видно.

Дальше дело пошло быстрее: деревеньки сменялись поселками, затем начались города, и уже к вечеру Тру въехал в Булавайо. О своем приезде он предупредил Ким письмом, но почта в Зимбабве не отличалась пунктуальностью: письма, как правило, доходили до адресата, но вот со сроками были большие проблемы.

Свернув на улицу, где жила бывшая жена, Тру остановил пикап рядом с машиной Ким, подошел к двери и постучал. Через несколько секунд Ким открыла – его явно ждали. Они обнялись, и Тру услышал из комнаты голос сына. Эндрю вихрем слетел по лестнице и прыгнул в объятия отца. Не за горами время, когда сын сочтет себя слишком взрослым для подобных проявлений любви, поэтому Тру покрепче обнял его, не зная, какая еще радость может с этим сравниться.

– А мама говорит, ты уезжаешь в Америку, – протянул Эндрю, когда вечером они вдвоем сидели на низкой стене, служившей забором между участком Ким и соседским.

– Уезжаю, но ненадолго. На той неделе уже вернусь.

– Вот бы тебе не надо было ехать!

Тру обнял сына за плечи.

– Я тоже буду по тебе скучать.

– Тогда зачем ты уезжаешь?

Хороший вопрос. Почему спустя столько времени ему пришло письмо с приложенными билетами на самолет?

– Мне нужно повидать отца, – помолчав, ответил Тру.

Эндрю прищурился. Его светлые волосы сияли в лунном свете.

– Папу Родни?

– Нет, – ответил Тру, – моего биологического отца. Я никогда с ним не встречался.

– А тебе хочется?

Да, подумал Тру и тут же понял, что не очень.

– Не знаю, – признался он.

– А зачем ты едешь?

– Потому что он написал мне, что умирает.

Попрощавшись с Эндрю, Тру отправился к себе домой. Войдя, он первым делом распахнул окна, впуская свежий ночной воздух, вынул из чехла гитару и примерно с час пел, аккомпанируя себе, прежде чем лечь спать.

На следующее утро Тру выехал рано. Столица не заповедник, здесь за дорогами следили, и все равно он добирался большую часть дня и уже в сумерках увидел огни усадьбы своего отчима Родни, отстроенной после пожара. Рядом находились еще три дома – по одному для каждого из сводных братьев Тру, и солидный особняк, который раньше занимал Полковник. Строго говоря, Тру принадлежал как раз особняк, но он направился к лачуге у самого забора – когда-то здесь жил повар с женой. Тру собственноручно отремонтировал этот домишко еще подростком. Пока Полковник был жив, лачугу поддерживали в порядке, но теперь повсюду лежал слой пыли, и Тру пришлось стряхивать с постели пауков и жуков, прежде чем лечь. Но ему было почти все равно, ведь где только не доводилось ночевать...

Утром он не зашел к родственникам, а попросил Тенгве, старшего над работниками, отвезти его в аэропорт. Тенгве был седой, жилистый и всегда знал, как заставить землю плодоносить даже в самых неблагоприятных условиях. Шестеро детей Тенгве работали на ферме, а жена Ануна готовила для Родни. После смерти матери Тенгве и Ануна стали для Тру ближе, чем даже Полковник, и только по ним он скучал вдали от фермы.

Дорога, ведущая в Хараре, была забита автомобилями, грузовиками, телегами, велосипедами и пешеходами, а в аэропорту творился настоящий хаос. Зарегистрировавшись, Тру сел на самолет, который доставит его сначала в Амстердам, затем в Нью-Йорк и Шарлотт, а уже оттуда в Уилмингтон, Северная Каролина.

Проведя в воздухе почти двадцать один час, Тру впервые в жизни ступил на американскую землю. Когда в Уилмингтоне он вышел в зону получения багажа, то заметил человека, державшего табличку с его именем, а выше значилось название фирмы по прокату лимузинов. Водитель удивился отсутствию багажа и предложил понести футляр с гитарой и рюкзак, но Тру отрицательно покачал головой. В душном влажном воздухе рубашка сразу прилипла к спине, пока он тащился к лимузину.

Доехали без приключений, но мир за окнами машины казался совершенно незнакомым. Куда ни взгляни, всюду тянулась ровная земля, зеленая и цветущая. Тру видел пальмы вперемешку с дубами и соснами и

траву цвета изумруда. Уилмингтон оказался небольшим городком в низине; разнообразные сетевые магазины и офисы вскоре сменились исторической частью, где домам на вид было лет двести. Водитель лимузина показал Тру реку Кейп-Фир – темные спокойные воды были испещрены маленькими, как точки, рыбачьими лодками. На шоссе Тру видел машины, фургоны и минивэны, но никто не лез между рядами, как в Булавайо, объезжая телеги и животных. Никто не ехал на велосипеде, не шел по шоссе пешком, и почти все прохожие на городских тротуарах были белыми. Африка, которую на время покинул Тру, казалась далекой, словно из сна.

Час спустя лимузин пересек плавучий понтонный мост и остановился у трехэтажной виллы рядом с невысокой дюной в местечке Сансет-Бич, прибрежном островке у границы с Южной Каролиной. Тру даже не сразу понял, что весь первый этаж занимает гараж. Особняк казался почти карикатурным по сравнению с соседним простеньким коттеджем, на фасаде которого висело объявление о продаже. Тру даже засомневался, не ошибся ли водитель, но тот сверился с адресом и ответил, что доставил пассажира куда надо. Лимузин отъехал, и в наступившей тишине Тру услышал глубокое, ритмичное дыхание океана, накатывавшего волнами на берег. Поднимаясь на второй этаж, он вспоминал, когда в последний раз слышал шум прибоя, – выходило минимум лет десять назад.

Водитель отдал ему конверт с ключом от входной двери. Через огромный холл Тру прошел в просторную комнату с сосновым полом и деревянными балками под потолком. Интерьер словно готовили к журнальной фотосессии: даже диванные подушки и пледы были разложены с большим вкусом и аккуратностью. Сквозь огромные окна виднелась терраса, заросли солероса и песчаные дюны, тянувшиеся до самого океана. Здесь же располагалась внушительная столовая зона, которая заканчивалась дизайнерской кухней с мебелью на заказ, мраморными столешницами и очевидно дорогой техникой.

В записке на столе сообщалось, что в холодильнике и кладовой достаточно еды и напитков, а если Тру понадобится куда-нибудь съездить, он может вызвать лимузин. Если в нем проснется интерес к океану, доска для серфинга и ящик с рыболовными снастями – в гараже. Ниже отец извинялся и выражал надежду, что сможет приехать в субботу днем, раньше не получится. Никаких объяснений в записке не было. Отложив листок, Тру вдруг подумал, что отец тоже испытывает неоднозначные чувства перед предстоящей встречей. Но тогда возникает вопрос: зачем он прислал билет на самолет? Ладно, скоро все выяснится...

Был только вторник, значит, у Тру неожиданно образовалось несколько дней для себя. Этого он не ожидал, но ничего поделать уже не мог. Какое-то время он бродил по дому, осваиваясь. Из кухни коридор вел в большую спальню – Тру оставил там вещи. Этажом выше были другие спальни и ванны, казавшиеся стерильными, будто ими еще не пользовались. В основной ванной комнате Тру нашел чистые полотенца, мыло, шампунь и бальзам для волос и решил побаловать себя долгим душем, с удовольствием стоя под струями воды.

С мокрыми волосами он вышел на террасу. Нагретый за день воздух еще не остыл, но солнце уже спустилось к горизонту, расцветив небосвод тысячью оттенков желтого и оранжевого. Прищурившись, Тру разглядел в океане стаю дельфинов, играющих на волнах. Калитка, закрывающаяся на щеколду, вела к деревянной лестнице, по которой можно было спуститься к настилу поверх зарослей солероса. Эта дощатая дорожка привела Тру к краю склона, откуда ступеньки уходили вниз, на пляж.

Вокруг было почти безлюдно. Вдалеке он увидел женщину, медленно идущую за маленькой собакой, с другой стороны серферы катались у пирса, врезавшегося в океан, как огромный шип. Тру двинулся к пирсу, ступая по плотному песку у кромки воды. Впервые он услышал о Сансет-Бич всего несколько недель назад, до этого даже как-то не задумывался, где находится Северная Каролина. Тру попытался вспомнить, был ли кто из гостей сафари из Северной Каролины, но так и не вспомнил.

Он поднялся на пирс, дошел до его конца и, поставив локти на перила, долго смотрел на океанскую гладь, тянувшуюся до самого горизонта. Величие и грандиозные размеры океана не укладывались в голове. Неожиданно мелькнула мысль: а ведь целый мир ждет своих первооткрывателей. Любопытно, увидит ли Тру когда-нибудь чужие края? Может, Эндрю подрастет и они отправятся путешествовать вместе?

Дул легкий бриз, и луна медленно появилась на темно-синем небе. Тру решил вернуться в особняк, который, как он предположил, принадлежал отцу. Нельзя, конечно, исключать, что дом съемный, но мебель слишком дорогая, чтобы доверять ее незнакомцам, да и почему бы тогда просто не поселить Тру в гостинице? Ему не давало покоя, что встреча перенеслась на субботу; зачем же авиабилет был взят на понедельник? Если этот человек и в самом деле умирает, причина задержки может оказаться медицинской, и в этом случае никаких гарантий нет и на субботу.

Но что, если отец все-таки приедет? Тру его совсем не знал и одна встреча не изменит ситуацию. Впрочем, в любом случае прояснятся некоторые вопросы – только поэтому Тру и решился приехать.

Вернувшись на виллу, он достал из холодильника стейк. Пришлось открыть несколько шкафов, прежде чем нашлась чугунная сковорода, но плита при всей своей затейливости включалась просто, как та, на которой Тру готовил дома. В холодильнике лежали готовые блюда из непонятного «Мюррейс дели»^[3], и Тру добавил себе на тарелку что-то вроде капустного салата, а затем еще картофельного. Поев, он вымыл тарелку, стакан и нож с вилкой и, захватив гитару, вернулся на террасу. Около часа Тру тихо пел, аккомпанируя себе и глядя, как в небе звезды, падая, на мгновение оставляли за собой светящийся след. Он думал об Эндрю и Ким, о матери и деде. Наконец ему захотелось спать, и Тру лег в постель.

Утром он сделал сотню отжиманий и столько же приседаний и попытался сварить себе кофе, но не смог разобраться, как работает кофемашина – слишком много кнопок и функций, а еще непонятно, куда заливать воду. Тру решил сходить на пляж в надежде найти кафе.

Как и накануне, пляж оказался практически пустым. Тру подумал: как приятно погулять, когда захочется. В Хванге это недоступная роскошь без карабина по крайней мере. Ступив на песок, он глубоко вдохнул, ощутив в воздухе вкус соли и почувствовав себя чужаком.

Сунув руки в карманы, Тру, упиваясь утренней свежестью, шел уже примерно четверть часа, когда на гребне дюны заметил кошку, сидевшую у недостроенного настила – спуск к морю еще не был закончен. На ферме в амбарах жили кошки, но это животное казалось совсем домашним. Мимо Тру промчался маленький белый пес, вспугнувший стаю чаек, которые разлетелись в разные стороны, словно фейерверк. Развернувшись к дюне, пес заметил кошку и рванул с места, как ракета. Кошка запрыгнула на настил, пока пес прыжками поднимался по осыпающейся песчаной дюне, затем оба скрылись из виду, и минуту спустя Тру показалось, что он слышал скрип автомобильных покрышек и собачий визг.

Он огляделся. Примерно посередине пляжа у кромки воды стояла хозяйка пса и смотрела на океан. Тру показалось, что это та самая женщина, которую он видел вчера, но сейчас она находилась слишком далеко, чтобы понять, что случилось.

Недолго думая Тру вскарабкался на дюну, борясь с осыпающимся песком под ногами, и в несколько шагов одолел дощатый настил, ведущий к лестнице, по которой можно было подняться к дому или же спуститься к дороге. Тру сбежал вниз между двух домов, похожих на виллу, где он остановился, перебрался через низкую подпорную стену и пошел вдоль дороги. Машины нигде не было видно, бьющихся в истерике людей и лежащего на асфальте пса тоже. Уже хорошо. По опыту Тру знал, что

раненные животные часто забиваются в укромные места: ими движет природный инстинкт, заставляющий прятаться от хищников, пока они не оправятся и не смогут вновь быстро бегать.

Поэтому, идя вдоль обочины, Тру заглядывал под кусты и деревья. Белой собачки нигде не было. Перейдя на противоположную сторону, Тру направился обратно и наконец заметил пса у забора. Задняя лапа судорожно дергалась, а пес, оказавшийся белым терьером, тяжело дыша, трясся от боли или испуга. Тру подумал спуститься на пляж за хозяйкой животного, но за это время пес мог уковылять неизвестно куда.

Сняв темные очки, Тру присел на корточки и протянул руку.

– Привет, – ровным, спокойным голосом сказал он. – Ты чего это?

Терьер склонил голову набок, и Тру медленно, по дюйму начал приближаться, разговаривая негромко и спокойно. Когда он оказался совсем близко, пес потянулся к нему, попытавшись обнюхать руку, и нерешительно подошел на пару шажков. Убедившись, что незнакомец ничего плохого не сделает, терьер перестал дрожать. Тру погладил его по голове и осмотрел со всех сторон. Крови не было. На ошейнике имелась табличка с надписью: «Скотти».

– Ну, здравствуй, Скотти, – сказал Тру. – Пойдем, что ли, на пляж?

Уговоры заняли некоторое время, но в конце концов пес двинулся за Тру по песчаному склону. Он прихрамывал, но не настолько, чтобы заподозрить перелом. У подпорной стенки Скотти остановился, и тогда Тру нагнулся, подхватил собаку на руки и понес между коттеджей по лестнице до настила на гребне дюны. Осмотрев пляж, он заметил приближавшуюся хозяйку Скотти.

Спустившись с дюны, Тру направился к ней. Утро было ясным и солнечным, но женщина казалась просто ослепительной в желтой безрукавке, трепетавшей на ветру. Расстояние между ними все сокращалось, и Тру как зачарованный не мог оторвать глаз от идущей навстречу незнакомки. Даже в своем замешательстве она была очень красива – с непокорными темно-рыжими волосами и голубыми, точно бирюза, глазами. В груди Тру что-то затрепетало, и ему стало не по себе, как всегда в присутствии привлекательной женщины.

Хоуп

Стараясь не расплескать кофе, Хоуп вышла на заднее крыльцо, откуда тянулся настил через дюну. Скотти, ее шотландский терьер, вырывал поводок, желая побыстрее оказаться на пляже.

– Перестань! – велела ему Хоуп.

Терьер и ухом не повел. Скотти был подарком Джоша, ее бойфренда, с которым она вместе вот уже шесть лет. Даже в лучшие дни терьер почти не слушался хозяйки, но со вчерашнего дня будто с ума сошел. Лапы бешено скребли по занесенным песком ступенькам, пока пес спускался на пляж, и Хоуп твердо решила снова сводить питомца на один из воскресных тренировок по обучению послушанию, хотя и сомневалась, что это чем-то поможет, – его уже выставили с двух занятий. Скотти, прелестнейший пес в мире, благослови Бог его душу, оказался на редкость бестолковым или просто упрямым.

День Труда^[4] уже прошел, поэтому пляж был почти безлюден – большинство элегантных вилл опустели. У самого пирса кто-то бегал трусцой, в другой стороне парочка прогуливалась вдоль кромки воды. Хоуп наклонилась, поставив пластиковую чашку с кофе на песок, и отстегнула Скотти поводок. Пес рванул вперед. Пожалуй, здесь он никому не мешает – вчера Хоуп видела, как две собаки носились без поводка, да и в любом случае людей мало, жаловаться некому.

Она медленно шла вдоль воды, мелкими глотками попивая кофе. За ночь Хоуп не выпалась. Обычно бесконечный рокот прибоя ее убаюкивал, но сегодня она ворочалась и металась в кровати, много раз просыпалась и оставила попытки заснуть, когда первые лучи солнца проникли в комнату.

Зато погода прекрасная: ясное голубое небо и свежо, как в сентябре, а не в августе. Вчера в новостях пообещали дожди на все выходные – Эллен, подруга Хоуп, сходит с ума от беспокойства. В субботу у нее свадьба, и церемонию и банкет планировали провести в Уилмингтонском загородном клубе на поле для гольфа (у последней лунки). Хоуп казалось, что свадьбу прекрасно можно отпраздновать и в здании клуба, но Эллен вчера вечером едва не рыдала в трубку.

Хоуп посочувствовала подруге, хотя это было непросто: увлекшись своими заботами, Эллен даже не спросила, как дела у Хоуп. С одной стороны, так, пожалуй, лучше: Хоуп пока не готова говорить о Джоше. Как прикажете объяснить, что его не будет в числе гостей? Конечно,

неприятно, когда в день свадьбы подводит погода, но в жизни случаются вещи и похуже.

Сейчас Хоуп пребывала на грани нервного срыва, и неделя у моря не помогала. Не только потому, что рядом не было Джоша, но и оттого, что она здесь отдыхает в последний раз: в начале лета родители выставили коттедж на продажу и десять дней назад приняли предложение риелтора. Хоуп понимала, почему они продают коттедж, но ей будет очень не хватать этого дома. Почти каждое лето и все праздники семья проводила здесь – каждый уголок хранит воспоминания. Тут Хоуп отмывала ноги от песка из садового шланга, из кухонного окна наблюдала за грозами, а уж запах рыбы или стейков на решетке-барбекю на веранде за домом! Она помнила, как секретничала с сестрами ночью в общей спальне. И именно здесь, у океана, впервые поцеловалась с мальчиком. Ей было двенадцать лет, мальчика звали Тони, его родители владели летним домиком чуть дальше по улице. Хоуп была влюблена в Тони почти все лето, а когда они разделили на двоих сэндвич с арахисовым маслом и мармеладом, Тони поцеловал ее на кухне, пока мама поливала цветы на веранде.

Невольно улыбнувшись, Хоуп подумала, как поступят с коттеджем новые владельцы. Ей хотелось верить, что они ничего не станут переделывать, но это было наивно. Лет двадцать назад подобных домов на берегу было множество, а теперь их можно пересчитать по пальцам: Сансет-Бич облюбовали богачи, поэтому коттедж, скорее всего, снесут до фундамента и построят нечто крупное, вроде трехэтажного чудовища по соседству. Это жизнь, говорила себе Хоуп, но ей все равно казалось, что вместе с коттеджем будет уничтожена частица ее самой. Она осознавала, что эта мысль из разряда чересчур драматических («увы мне, увы!»), и корила себя за это. Амплуа мученицы не для нее; Хоуп всю жизнь была убеждена, что ее стакан наполовину полон и новый день надо встречать как новую жизнь. Во многих отношениях ей действительно повезло: у нее есть любящие родители и две чудесные старшие сестры, она уже давно тетя трех племянников и двух племянниц – неиссякаемого источника радости и удивления. Учеба давалась Хоуп легко – она блестяще закончила колледж и любила свою работу медсестры в травматологии в медцентре округа Уэйк. Несмотря на пару-тройку лишних килограммов, она здорова, уже шесть лет встречается с хирургом-ортопедом Джошем и любит его! У нее прекрасные подруги и своя квартира в Роли, недалеко от родителей. Со стороны можно было подумать, что Хоуп просто баловень судьбы.

Так почему же у нее все валится из рук и скверно на душе?

Одной из худших проблем в этом и так непростом году стал диагноз

отца. Сокрушительную новость они узнали в апреле. Не удивился только папа: он уже давно подозревал неладное, потому что у него вдруг пропали силы бегать в лесочке за домом.

Отец тренировался там, сколько Хоуп себя помнила. Роли застраивался, но эту часть оставили в качестве зеленой зоны, поэтому родители и купили там дом. На протяжении ряда лет застройщики добивались отмены решения городского совета, суля новые рабочие места и налоги в городской бюджет, однако успеха они не добились – отчасти потому, что отец Хоуп неизменно выступал против них на каждом заседании городского совета.

Отец обожал лес. Он не только каждое утро выходил на пробежку, но и гулял по тропинкам, отработав день в школе. Маленькая Хоуп увязывалась за папой и бегала за бабочками, или бросала прутьики, или ловила рачков в маленькой извилистой речушке, местами подходившей к самой тропинке. Отец преподавал биологию, химию и физику и знал каждый куст и дерево. Когда он рассказывал о различиях между южным красным дубом и черным дубом, разница становилась ясной, как небо, но если Хоуп пыталась повторить этот фокус самостоятельно, она путалась. То же самое происходило с небесными созвездиями: вечерами отец показывал ей Геркулеса, Лиру или Орла, и Хоуп с интересом кивала, а через неделю недоуменно щурилась, вспоминая, где какие звезды.

Очень долго она искренне верила, что папа самый умный в мире. Слушая дочкины уверения, отец всегда смеялся и говорил: будь это правдой, он бы смекнул, как заработать миллион долларов. Мама Хоуп тоже была учительницей, правда, младших классов, и только закончив колледж и начав зарабатывать, Хоуп поняла, насколько же родителям было нелегко поднимать троих детей, пусть и на две зарплаты.

Отец тренировал школьную команду легкоатлетов. Он никогда не повышал голос, но его подопечные стабильно занимали первые места. Хоуп и ее сестры все четыре года старшей школы тоже участвовали в кроссах и легкоатлетических соревнованиях. Спортивный талант ни у одной не открылся, но Хоуп до сих пор выходила на пробежку минимум несколько раз в неделю. Старшие сестры также не отставали, и последние десять лет Хоуп с отцом и сестрами в День благодарения участвовали в традиционной пробежке, чтобы нагулять аппетит, прежде чем сесть за стол. А два года назад отец выиграл забег в своей возрастной группе.

Теперь он уже не побежит...

Началось все с судорожных подергиваний мышц и непроходящей усталости. Сколько это продолжалось, Хоуп не знала, но полагала, что года

два. За двенадцать месяцев пробежки отца в лесу понемногу превратились в прогулки.

Что ж вы хотите – годы, говорила терапевт, и это казалось логичным: отцу было уже под семьдесят. Он вышел на пенсию за четыре года до появления симптомов, страдал артритом бедренных суставов и стоп и, несмотря на многолетнюю дружбу со спортом, вынужден был принимать лекарства от высокого давления. В январе отец приболел – самая банальная простуда, но прошло несколько недель, а ему все еще было трудно дышать.

Хоуп повезла его к врачу. Тот назначил анализы, кровь отправили в лабораторию. Отца направили к другому специалисту, затем к третьему, взяли на биопсию мышечную ткань, и когда пришли результаты, врач предположил неврологическое расстройство. Хоуп впервые почуяла неладное.

Провели новые анализы, и вскоре собравшимся родственникам озвучили диагноз: боковой амиотрофический склероз, болезнь Лу Герига – тот самый недуг, что приковал к инвалидному креслу Стивена Хокинга. При этом заболевании погибают нервные клетки, отвечающие за произвольные мышечные сокращения, объяснил врач. Мышцы постепенно слабеют, больной начинает меньше двигаться, ему становится трудно говорить, глотать, а потом и дышать. Лекарства на сегодняшний день не существует, как и возможности предсказать характер течения болезни.

С апреля отец вроде бы мало изменился физически: он по-прежнему ходил гулять в свой любимый лес, сохранял добродушие и неизменно твердую веру в Бога, держал за руку жену, сидя с ней на диване перед телевизором. У Хоуп теплилась надежда, что у отца не самая агрессивная форма амиотрофического склероза, но она все равно не находила себе места. Сколько еще отец будет на ногах? Долго ли мать сможет справляться без посторонней помощи? Не пора ли пристраивать к крыльцу пандус и делать поручни в ванной? В специализированных заведениях существует очередь; может, надо искать место сейчас и вставать в лист ожидания? Из каких средств это оплачивать? Родители отнюдь не богатые и даже не зажиточные люди. У них имеются скромные сбережения и пенсия, плюс собственный дом и коттедж у моря, и все. Хватит ли этого не только на квалифицированный уход за отцом, но и на безбедную мамину старость? А если не хватит, что тогда делать?

Слишком много вопросов и мало ответов. Родители и сестры вроде бы смирились с неопределенностью перспектив, но Хоуп с детства все привыкла планировать наперед. Ночами она лежала без сна, представляя различные варианты развития событий и придумывая решения на каждый

случай. Ей казалось, что это готовность ко всему, но на деле получалось, что она живет исключительно проблемами. Вспоминая об отце, Хоуп не переставала тревожиться.

Но ему же пока не хуже, убеждала она себя. Отрицательная динамика может не проявляться и три, и пять, и даже десять лет. Два дня назад, прежде чем уехать к морю, Хоуп с отцом даже ходила в лес, как раньше. Правда, прогулка была медленнее и короче, но папа по-прежнему называл все деревья и кусты, делясь с дочерью своими знаниями. Потом он остановился и поднял опавший лист – предвестник осени.

– Знаешь, у листьев много хороших качеств, – сказал он, – но порой они напоминают нам, что нужно жить как можно лучше и как можно дольше, а когда придет время, не держаться за ветку, а с достоинством позволить ветру себя унести...

Хоуп понравились слова отца – в какой-то степени. Он рассматривал упавший лист как обучающий момент, и в его словах были и правда, и ценность, но возможно ли встретить смерть совершенно без страха? Уйти, не теряя достоинства?

Если это кому-то под силу, так в первую очередь папе, самому стабильному, уравновешенному и миролюбивому человеку, которого знала Хоуп. Поэтому-то они с матерью и прожили полвека душа в душу и до сих пор держатся за руки и целуются, когда, как им кажется, дети не видят. Хоуп не понимала, как родители смогли пронести любовь через всю жизнь сознательно и вместе с тем естественно.

Кое-что еще заставляло ее хандрить. Не только беспокойство за родителей, но и Джош. Хоуп любила его, но не могла привыкнуть к постоянным ссорам и примирениям. Сейчас они снова разбежались – поэтому она и приехала к океану в компании Скотти, и в планах у Хоуп были только педикюр и стрижка накануне предсвадебного банкета в пятницу.

На свадьбу они планировали ехать вместе, но по мере приближения торжества Хоуп все больше казалось, что им необходимо побыть наедине. Последние девять месяцев клиника, где работал Джош, безуспешно подыскивала еще двух хирургов-ортопедов, и все это время он, справляясь с наплывом пациентов, работал по семьдесят-восемьдесят часов в неделю и постоянно пропадал на дежурствах. Их графики не всегда совпадали, и с недавних пор Джош все чаще предпочитал расслабляться отдельно. Редкие свободные часы он проводил на яхте с друзьями, катался на водных лыжах или, вдоволь нагулявшись по барам, оставался ночевать в

Шарлотте, вместо того чтобы приехать к Хоуп.

Уже не в первый раз Джош словно забывал про нее. Он был не из тех, кто присылает цветы, и привычная нежность, с которой относились друг к другу родители Хоуп, была ему непонятна. В нем периодически просыпался Питер Пэн, и Хоуп уже не верилось, что Джош когда-нибудь повзрослеет. Его квартира, обставленная мебелью из «ИКЕА» и увешанная бейсбольными вымпелами и киношными постерами, подошла бы скорее студенту (впрочем, этому имелось логическое объяснение – Джош жил там с начала учебы в медицинском). Его приятели, практически все из одного спортзала, были тридцатилетними, холостыми и красивыми. Джош, которому через несколько месяцев стукнет сорок, выглядел моложе своих лет, но Хоуп, хоть убей, не понимала, чем посещение баров в компании приятелей, которые идут туда найти себе девушек, привлекает его. Но что она могла ему сказать? «Перестань общаться с приятелями»? Хоуп ему не жена и не невеста, а Джош с самого начала твердил, что ему нужна спутница жизни, которая не будет пытаться его изменить. Он желает, чтобы его принимали таким, каков он есть.

Последнее Хоуп могла понять – она и сама хотела, чтобы ее любили такой, какая она есть. Но тогда почему ей не все равно, с кем Джош болтается по барам?

«Потому что, – говорил внутренний голос, – официально ты ему никто и пока еще все возможно. Он же не всегда хранит тебе верность во время расставаний.»

Ну, да, вот поэтому ей и не нравилась ситуация с этими барами. Джош уже дважды ей изменил, но оба раза признался сам, объяснив, что те женщины для него ничего не значили, а были чудовищными ошибками, и поклялся, что такого больше не произойдет. Хоуп казалось, они смогут это преодолеть, но вот они снова расстались, и ее опять обуревают прежние страхи. А Джош с приятелями в Лас-Вегасе гуляет по полной и занимается тем, чем обычно занимаются мужчины в Лас-Вегасе. Хоуп не могла бы точно ответить, что входит в комплекс лас-вегасских мужских развлечений, но в первую очередь на ум приходили стриптиз-клубы. Вряд ли приятели Джоша побегут смотреть шоу Зигфрида и Роя: Лас-Вегас не без причины прозвали Городом Греха.

Эта ситуация до сих пор вызывала у нее раздражение не потому, что Джош подвел ее со свадьбой Эллен, а оттого, что им вообще необходимо отдыхать друг от друга. Да, пары ссорятся – так устроена жизнь, но потом люди объясняются, учатся на ошибках, прощают друг друга и живут дальше. Однако Джош этого будто не понимал, и Хоуп все чаще задавалась

вопросом: есть ли у них будущее?

Иногда она спрашивала себя, зачем он ей нужен, но в глубине души знала ответ. Как бы она ни злилась и не расстраивалась из-за определенных качеств его характера, Джош очень умен и так красив, что замирало сердце: даже спустя шесть лет Хоуп таяла под взглядом его темно-синих глаз. Ну и что, ну и ладно, а Джош все равно ее любит. Когда несколько лет назад Хоуп попала в аварию, он примчался с работы и не отходил от нее двое суток. Когда ее отцу понадобилось направление к неврологу, его достал Джош, заслужив благодарность всей семьи. Он заботился о Хоуп, менял в ее машине масло и покрышки, а время от времени удивлял домашним ужином. На семейных обедах и в компании подруг Хоуп Джош помнил, кто чем живет, и обладал замечательной способностью создавать непринужденную атмосферу.

К тому же их объединяли общие интересы. Хоуп и Джош обожали ходить в походы, на концерты, любили одну и ту же музыку. За шесть лет они побывали в Нью-Йорке, Чикаго, Канкуне и на Багамах, и каждая из этих поездок укрепляла решение Хоуп быть с Джошем. Когда отношения развивались более-менее гладко, Хоуп казалось, что больше ей ничего и не нужно, но как только начинались конфликты, все становилось просто ужасным. Она подозревала, что просто привыкла и уже не может обойтись без периодических скандалов, но как это проверить, не знала. Жизнь с Джошем была невыносима, однако Хоуп не могла представить себе жизни без него.

Вдалеке Скотти увлеченно носился по песку, что-то вынюхивал и атаковал крачек, заставляя их отплывать подальше от берега. Вдруг он развернулся и помчался к дюне – зачем, Хоуп разглядеть не могла. По возвращении в коттедж пес, наверное, будет полдня отсыпаться. Ну и слава богу.

Она отпила еще кофе, расстраиваясь, что все так, а не иначе. У родителей брак сложился словно без усилий; старшие сестры соблюдают преемственность, у всех подруг ровные, успешные отношения, и только они с Джошем, как говорится, то целуются, то дерутся. Последнюю ссору даже вспоминать не хочется.

Возвращаясь мыслями к той размолвке, Хоуп думала, что виновата не меньше Джоша. Он устал на работе, она нервничала из-за... кстати, из-за того, как у них сложится будущее, но, вместо того чтобы находить утешение в обществе друг друга, они несколько месяцев копили взаимные претензии; в итоге произошел настоящий скандал. Хоуп даже не помнила, из-за чего они начали спорить; она заговорила о скорой свадьбе Эллен, и

Джош вдруг замолчал. Он явно был чем-то расстроен, но когда Хоуп спросила, бросил, что все нормально.

Нормально.

Хоуп ненавидела это слово. Отвечать «нормально» — это способ заканчивать разговоры, а не начинать. Может, не стоило так настойчиво выпрашивать, но не успела Хоуп опомниться, как невинное упоминание о свадьбе подруги превратилось в ужасную ссору с криками и обидными словами. Джош в гнев выскочил за дверь, переночевал у брата, а на следующий день предложил Хоуп пожить порознь. Спустя пару дней он прислал сообщение, что на неделю уезжает в Лас-Вегас.

Это было почти месяц назад. Они несколько раз созванивались, но это мало помогало, к тому же Джош не звонил уже неделю. Хоуп с радостью перевела бы время назад и начала все сначала, но вместе с тем ей хотелось, чтобы Джошу было так же плохо, как ей, и чтобы он извинился. В том споре Джош реагировал чересчур бурно, с преувеличенной яростью: казалось, ему недостаточно воткнуть нож ей в сердце, нужно еще и жестоко его провернуть. Изменится ли он хоть когда-нибудь? А если нет, с чем останется Хоуп? Со своими тридцатью шестью годами и отсутствием мужа? Меньше всего на свете она хотела бы снова начинать поиски. Даже думать об этом было невыносимо. Ходить по барам и принимать ухаживания таких, как приятели Джоша? Вот уж нет, спасибо! Не может быть, чтобы шесть лет, отданные Джошу, оказались пустой тратой времени. Иногда он доводит ее до белого каления, но ведь в нем столько хорошего...

Хоуп допила кофе. Вдалеке вдоль кромки воды шел какой-то человек. Скотти пронесся мимо него, распугав стаю чаек. Хоуп хотелось позабыть обо всем, уйдя в созерцание океанской глади, мерцавшей золотом в утреннем свете. Океан был величественно спокоен — отец когда-то рассказывал, что такое спокойствие обманчиво и означает надвигающийся шторм, но Хоуп решила не говорить об этом Эллен, если та снова позвонит.

Хоуп провела рукой по волосам, заправив за ухо выбившиеся пряди. Полупрозрачные облачка на горизонте наверняка рассеются, когда солнце поднимется выше. День обещает быть прекрасным для бокала вина с сыром и крекерами, а то и устрицами на половинке раковины. Добавить еще свечи и страстный «ритм-энд-блюз»...

Почему в голову лезут такие мысли?

Со вздохом Хоуп снова посмотрела на океан, вспоминая, как в детстве часами играла в таких небольших волнах — каталась на буги-борде или

подныривала под гребень волны, и вся масса воды проносилась над головой. Часто к купаниям присоединялся отец... От этого воспоминания ей снова стало грустно.

Вряд ли папа еще когда-нибудь войдет в океан.

Рассеянно глядя вдаль, Хоуп напомнила себе, что ей вообще грех жаловаться. Ей не приходится думать о том, где найти пищу или ночлег, она пьет чистую воду, не рискуя подхватить холеру или дизентерию, у нее есть одежда, образование и много чего еще.

Отец со своим надгробным словом опавшему листу не хотел бы, чтобы Хоуп терзалась из-за него, а Джош, скорее всего, вернется. Расставания у них не длились дольше полутора месяцев, и всякий раз Джош первым делал шаг к примирению. Хоуп исповедовала принцип «если любишь, отпусти; если любит, вернется». Здравый смысл подсказывал, что умолять кого-то остаться – почти то же самое, что умолять о любви, а Хоуп была достаточно умна, чтобы понимать – так не бывает.

Отвернувшись, она вновь побрела вдоль берега. Прикрыв глаза ладонью, Хоуп высматривала Скотти, но пса нигде не было. Она оглянулась, удивившись, как это он проскочил мимо, однако Скотти не оказалось и сзади – пляж был совершенно пуст. Хоуп забеспокоилась: на прогулках ей иногда приходилось по несколько секунд искать питомца, но Скотти не из тех собак, которые убегают. Хоуп подумала, что он мог погнаться за птицами по мелководью, и его подхватила отступающая волна, но пес никогда не заходил далеко. Не растворился же он в воздухе, в самом деле!

И тут Хоуп увидела, как кто-то спускается по склону ближайшей дюны. Отца бы возмутило такое отношение к природе: дюны хрупкие, люди должны ходить по деревянным настилам, если им нужно на пляж, но... да и ладно. У нее есть заботы поважнее.

Осмотревшись, Хоуп вновь бросила взгляд на спускающегося человека. Он уже сбежал на берег, и она направилась ему навстречу, чтобы спросить, не видел ли он Скотти. Что еще предпринять, Хоуп не знала. Она рассеянно заметила, что незнакомец что-то несет (ноша сливалась с белой рубашкой), и только через несколько секунд поняла – на руках у него Скотти. Хоуп сразу прибавила шаг.

Незнакомец двигался почти с животной грацией. Он был одет в выцветшие джинсы и белую рубашку, расстегнутую до середины и не скрывающую мускулистую грудь – свидетельство активной жизни и физической работы. У него были темно-синие, как вечернее небо, глаза и

черные волосы, начинавшие седеть на висках. Когда мужчина робко улыбнулся, Хоуп заметила ямочку у него на подбородке. Его лицо неожиданно показалось знакомым, и Хоуп вдруг посетило странное чувство, что они знают друг друга всю жизнь.

Сансет-Бич

Тру не догадывался, о чем думала Хоуп, идя ему навстречу, но отвернуться он не мог. Незнакомка была в выгоревших джинсах, босоножках и желтой блузке без рукавов с глубоким V-образным вырезом. С гладкой, слегка загорелой кожей и темно-рыжими волосами, обрамлявшими высокие скулы, она прямо-таки притягивала взгляд. Голубые глаза расширились, выдавая какое-то душевное движение – облегчение, благодарность, удивление? – когда она остановилась перед ним, затаив дыхание. Словно позабыв все слова, они стояли и смотрели друг на друга, пока Тру не кашлянул.

– Полагаю, это ваша собака? – уточнил он, протягивая девушке пса.

Хоуп уловила акцент, немного напоминавший британский или австралийский. Этого оказалось достаточно, чтобы разрушить чары. Она протянула руки к Скотти.

– А почему вы держите мою собаку?

Передавая пса, Тру объяснил, что случилось. А терьер тут же принялся лизать хозяйке руки, радостно поскуливая.

– Вы хотите сказать, что его сбила машина?! – ахнула Хоуп с паническими нотками в голосе.

– Я знаю только то, что слышал. Когда я нашел его, пес не мог ступить на заднюю лапу и дрожал.

– Но машины вы не видели?

– Нет.

– Странно.

– Может, Скотти задело вскользь, и когда он отскочил, в машине решили, что собака не пострадала.

Тру смотрел, как Хоуп осторожно ощупывает лапы пса. Скотти не скулил, а напротив, даже восторженно заерзал. Тру видел озабоченность на лице девушки, когда она наконец опустила питомца на песок. Пока терьер убежал в сторону, она смотрела ему вслед.

– Не хромает, – отметила Хоуп. Краем глаза она видела, что незнакомец тоже наблюдает за Скотти.

– Вроде бы нет, – согласился Тру.

– Вы считаете, его нужно показать ветеринару?

– Я не знаю.

Скотти заметил впереди новую стаю чаек и рванул к ним. Бросившись

на одну из птиц, он тут же отскочил и свернул широкой дугой, не сбавляя хода. Потом, почти прижавшись носом к песку, пес потрусил в направлении коттеджа.

– Похоже, с ним все в порядке, – пробормотала Хоуп скорее себе, чем собеседнику.

– Да, энергии хоть отбавляй.

«Ты даже представить себе не можешь», – подумала она.

– Спасибо, что поднялись за ним и вернули на пляж.

– Рад был помочь. А вы, случайно, не знаете, где поблизости можно купить чашку кофе?

– В эту сторону только коттеджи. За пирсом есть «Клэнси», ресторан с баром, но он, по-моему, откроется после двенадцати.

Хоуп хорошо понимала обескураженное выражение на лице незнакомца: утро без кофе отвратительно. Будь она волшебницей, постаралась бы, чтобы исчезло само понятие подобного безобразия. Скотти убежал еще дальше, и Хоуп показала на пса:

– Мне, наверное, нужно за ним присмотреть.

– Я тоже шел в эту сторону, – признался Тру и повернулся к ней: – Вы позволите пройти с вами?

Едва он спросил, как Хоуп ощутила незнакомый трепет. Этот взгляд, глубокие переливы голоса, лениво-небрежные, но грациозные движения отзывались в ней некоей вибрацией, как от натянутой струны. От удивления ее первым порывом было отказать. Прежняя Хоуп – та, которой она всегда была, – сделала бы это автоматически и незамедлительно, но сейчас в ней пересилило какое-то новое, совсем незнакомое чувство.

– Безусловно, – ответила Хоуп.

Даже в тот момент она совершенно не понимала, почему согласилась. Не поняла она этого и много лет спустя. Легко было бы списать все на волнения, выбившие ее из колеи, но Хоуп чувствовала – дело не только в этом. В конце концов она пришла к выводу, что, хотя они еще не успели толком познакомиться, Тру пробудил в ней то, чего она в себе не подозревала, – нечто совершенно естественное, но непривычное.

Тру кивнул. Если он и удивился ее ответу, Хоуп этого не почувствовала. Они пошли вдоль берега рядом. Тру держался на некотором расстоянии, но Хоуп было видно, как ветер треплет его густые черные волосы. Впереди Скотти продолжал увлеченно обнюхивать песок. Под ногами хрустели крохотные ракушки. Над задним крыльцом одного из коттеджей бился на ветру голубой флажок. С неба на них лился солнечный свет, жидкий и теплый. На пляже больше никого не было, и их прогулка

казалась чем-то сокровенным, точно они вдвоем остались на пустой сцене.

– Меня, кстати, зовут Тру Уоллс, – наконец сказал незнакомец, стараясь говорить громче, чтобы перекрыть шум прибора.

Хоуп внимательно посмотрела на него и заметила морщинки у глаз, видимо, от долгого пребывания на солнце.

– Тру? Никогда не слышала такого имени.

– Уменьшительное от Труитт.

– Рада познакомиться, Тру. Хоуп Андерсон.

– Я вас, кажется, вчера видел.

– Возможно. В Сансет-Бич я гуляю со Скотти несколько раз в день. Но я вас не видела.

Тру кивком показал на пирс.

– Я шел в другом направлении. Нужно было размять ноги: перелет был долгим.

– А откуда прилетели?

– Из Зимбабве.

– Вы там живете? – на лице Хоуп отразилось удивление.

– Всю жизнь.

– Простите мое невежество, – начала она. – Зимбабве в какой части Африки?

– На юге. Граничит с Южно-Африканской Республикой, Ботсваной, Замбией и Мозамбиком.

Южно-Африканская Республика часто мелькала в новостях, но остальные страны Хоуп знала только по названию.

– Далеко же вы забрались!

– Да.

– Впервые в Сансет-Бич?

– Впервые в США. Здесь совсем другой мир.

– В каком смысле?

– Все другое: дороги, инфраструктура, Уилмингтон, машины, люди... Никак не привыкну, сколько здесь зелени...

Хоуп не с чем было сравнивать, поэтому она лишь кивнула, следя, как Тру сунул руку в карман.

– А вы? – спросил он. – Мне показалось, вы тоже сюда приехали?

Она кивнула:

– Я живу в Роли, – спохватившись, что собеседник, вероятно, не знает, где это, Хоуп добавила: – Это в двух часах езды на северо-запад. На материке. Еще больше зелени и никакого пляжа.

– А рельеф там тоже такой плоский?

– Нет, совсем нет, там холмы. Роли довольно большой город, там много жителей и разных развлечений. А здесь, как вы, наверное, заметили, очень тихо.

– Я ожидал увидеть на пляже больше людей.

– Летом так и есть. Сегодня попозже тоже кто-нибудь появится. Но в это время года здесь практически безлюдно. Место курортное, сейчас остались только местные жители.

Хоуп откинула волосы назад, чтобы пряди не лезли в лицо, но без резинки это было бесполезно. Краем глаза она заметила на запястье Тру кожаный браслет – потертый, изношенный, с выцветшими стежками, ставшими уже неразличимым узором. Ей отчего-то показалось, что браслет ему идет.

– В жизни не встречала никого из Зимбабве, – щурясь от солнца, она посмотрела на собеседника: – Вы сюда в отпуск?

Он прошел несколько шагов, не отвечая, удивительно грациозный даже на сыпучем песке.

– Нет, я приехал на встречу.

– А-а...

Хоуп сразу подумала, что встреча у него с женщиной, и хотя ей это было безразлично, она неожиданно почувствовала разочарование. «Это просто нелепо», – подумала Хоуп, отогнав странную мысль.

– А вы? – спросил Тру, приподняв бровь. – Что привело вас сюда?

– У моей подруги в субботу свадьба в Уилмингтоне, я одна из подружек невесты.

– Значит, у вас впереди прекрасный уик-энд?

«Ну, если не считать того, что Джош улетел в Лас-Вегас, мне теперь не с кем танцевать, меня будут допрашивать расспросами, что опять произошло, а я не хочу говорить на эту тему, даже если бы у меня и были ответы...»

– Да, настоящий праздник, – согласилась Хоуп. – А можно вас спросить?

– Пожалуйста.

– Как там в Зимбабве? Я никогда не была в Африке.

– Это смотря где в Зимбабве.

– Похоже на Америку?

– Из того, что я видел – нисколько.

Хоуп улыбнулась. Конечно, непохоже.

– Может, вопрос покажется вам глупым, но... а вы льва видели?

– Почти каждый день вижу.

– Что, в окно? – глаза Хоуп расширились.

– Я гид в одном из заповедников, где устраивают сафари.
– Ой, я всегда хотела поехать на сафари!
– Многие туристы, которых я сопровождал, уверяли, что это лучшая поездка в их жизни.

Хоуп попыталась себе это представить, но не смогла. Если пойти по лесу, животные, наверное, попрячутся, как в зоопарке.

– А как вы поступили туда на работу?

– Существует определенный порядок. Сначала специальные курсы, потом экзамены, стажировка и наконец лицензия. Начинаешь наблюдателем, а уже потом постепенно становишься гидом.

– А чем занимается наблюдатель?

– Многие животные очень хорошо маскируются, их нелегко заметить. Наблюдатель высматривает зверей, чтобы гид мог спокойно вести машину и отвечать на вопросы.

Хоуп кивнула, глядя на него с возрастающим любопытством.

– А давно вы этим занимаетесь?

– Давно, – ответил Тру и с улыбкой добавил: – Больше двадцати лет.

– И все на одном месте?

– Нет, в разных заповедниках.

– Чем же они отличаются?

– Почти всем. Одни – дорогие, другие – подешевле. Разная концентрация животных, исходя из местности. Есть места засушливые, а есть с водоемами; все это влияет на численность и миграцию зверей. Некоторые сафари-лоджи позиционируют себя организаторами люксовых туров и предлагают великолепную кухню, в других условия самые примитивные – спальные места в палатках и готовые обеды в целлофане. В одних лагерях управляющие лучше, в других похуже...

– А сейчас вы в каком лагере работаете?

– Класа люкс. Прекрасные условия и питание, хорошая организация сафари, разнообразие животных.

– То есть вы его рекомендуете?

– Безусловно.

– Как же интересно наблюдать за дикими животными! Но вы, наверное, давно привыкли и ничему не удивляетесь?

– Вовсе нет, каждый день несет что-то новое, – Тру смотрел на нее своими темно-синими глазами, пронизательными, но добрыми. – А вы? Где вы работаете?

Отчего-то Хоуп не ожидала этого вопроса.

– Я медсестра в травматологии в больнице.

– К вам привозят подстреленных?

– Иногда, – согласилась Хоуп. – Но больше после автомобильных аварий.

Они уже подходили к дому, где временно поселился Тру, и он начал держаться ближе к дюне, оставляя позади плотный влажный песок у самой воды.

– Я живу в коттедже родителей, – Хоуп указала на домик рядом с трехэтажной виллой. – А вы?

– А я ваш сосед. Я вон в том большом, трехэтажном.

– Оу, – осеклась Хоуп.

– Какие-то проблемы?

– Очень... огромный у вас дом.

– О да, – засмеялся Тру. – Но дом не мой. Человек, с которым я должен встретиться, разрешил мне там пожить. По моим предположениям, дом принадлежит ему.

Значит, он приехал встретиться с мужчиной, отметила Хоуп. Ей сразу стало легче, хотя она напомнила себе, что должна быть совершенно равнодушна к его встречам.

– Дом закрывает нам солнце, – объяснила Хоуп. – А для папы он и вовсе большая мозоль.

– Вы знакомы с владельцем?

– Ни разу не видела, – призналась она. – А вы разве с ним незнакомы?

– Нет. Я впервые узнал о нем несколько недель назад.

Хоуп стало любопытно, но она решила, что у Тру есть причины отвечать уклончиво. Оглядевшись, Хоуп заметила, что Скотти вынюхивает что-то у самой дюны, возле деревянных ступенек. Как всегда, пес был весь в песке.

Тру замедлил шаг и остановился у лестницы в свой особняк.

– Наверное, здесь мы расстанемся?

– Спасибо вам еще раз за Скотти. Я так счастлива, что с ним все в порядке.

– Я тоже, хотя по-прежнему огорчен отсутствием кофе в этой местности, – он улыбнулся уголком губ.

Прошло уже немало времени с тех пор, как Хоуп вела подобные разговоры, да еще с незнакомым человеком, но при этом легко и непринужденно, без всяких ожиданий. Чувствуя, что ей не хочется расставаться, она кивнула на свой коттедж:

– Я перед прогулкой сварила полную кофеварку. Будете чашечку?

– Мне не хотелось бы вторгаться без приглашения...

– Пустяки. В коттедже только я, и оставшийся кофе, скорее всего, отправится на помойку. К тому же вы спасли мою собаку!

– В таком случае я с удовольствием выпью чашечку.

– Идемте, – сказала Хоуп.

Она первой стала подниматься по лестнице и прошла по деревянному настилу до калитки. Скотти уже ждал там, виляя хвостом; едва калитку открыли, он в три прыжка оказался на крыльце. Тру незаметно оглянулся на виллу и подумал, что Хоуп права: особняк действительно раздражал. А от этого коттеджа веяло уютом: белые стены, синие ставни, вазон с цветами. На веранде деревянный стол, окруженный пятью стульями, под окном два кресла-качалки, а между ними маленький, выдавший виды столик. Хотя дожди, ветра и морская соль сделали свое дело, веранда казалась очень привлекательной.

Хоуп прошла внутрь, сказав:

– Я принесу вам кофе, но Скотти пока должен побыть на веранде. Его нужно обтереть, иначе до вечера буду бегать со щеткой. Присаживайтесь, не стесняйтесь. Я сейчас вернусь.

За ней захлопнулась сетчатая дверь. Тру присел у стола. Рядом переливался океан, спокойный и манящий. Может, днем сходить поплавать...

Через окно виднелась кухня. Хоуп появилась там с полотенцем на плече и достала из шкафчика две чашки. Она вызывала у Тру живой интерес. Несомненно, эта девушка очень красива, но дело не только в этом. В улыбке Хоуп сквозили беззащитность и одиночество, будто она боролась с постоянной тревогой, причем сразу по нескольким поводам.

Тру поерзал на стуле, напомнив себе, что это не его дело. Ему через несколько дней уезжать, они практически незнакомы и максимум помашут друг другу с крыльца на прощание. Может, сейчас он в последний раз видит Хоуп и говорит с ней.

В дверь постучали изнутри. Сквозь сетчатый экран Тру увидел Хоуп, выжидательно стоявшую с чашками в руках. Поднявшись, он открыл дверь. Хоуп прошла мимо него и поставила чашки на стол.

– Вам молока или сахару?

– Нет, спасибо, ничего не надо, – отозвался Тру.

– Ладно. Не ждите меня, пейте. Мне нужно заняться собакой.

Стянув полотенце с плеча, она присела на корточки и начала вытирать Скотти.

– Вы не поверите, сколько песка в его шерсти, – приговаривала Хоуп. – Протягивает он его, что ли...

– Наверное, с ним не соскучишься.

– Скотти хороший пес, – сказала она, целуя собаку в морду. Терьер тут же облизал хозяйке лицо в знак признательности.

– Сколько ему?

– Четыре года. Мне его купил мой бойфренд, Джош.

Тру кивнул. Нужно было сразу понять, что у нее кто-то есть. Он взял свою чашку, не зная, что сказать, и решил больше не задавать вопросов. Сделав глоток, Тру отметил, что кофе на вкус отличается от того сорта, какой выращивает его семья, – более резкий и насыщенный, что ли. Но кофе был крепким и горячим, а больше Тру ничего и не требовалось.

Закончив со Скотти, Хоуп повесила полотенце сохнуть на перила и вернулась к столу. Когда она присела, ее лицо оказалось в тени, что придавало ей некоторую загадочность. Она осторожно подула в чашку, прежде чем отпить, – отчего-то Тру смотрел на это с замиранием сердца.

– Расскажите мне о свадьбе, – попросил он.

– О господи... Да просто свадьба, и все.

– Вы сказали, замуж выходит ваша подруга?

– Мы с Эллен дружим с самого колледжа, в одном женском клубе были. У вас в Зимбабве есть женские клубы? – Заметив на лице Тру озадаченное выражение, она продолжила: – Ну, это чисто женские организации в университетах и колледжах, где девушки вместе учатся и тесно общаются. Другие подружки невесты тоже из нашего клуба, так что заодно получится маленькая встреча выпускников. А в остальном это самая обычная свадьба: фотосессия, торт, оркестр, бросание подвязки с ноги невесты и тому подобное. Вы же знаете, какие бывают свадьбы.

– Помимо собственной, я ни на одной не был.

– Так вы женаты?

– В разводе. Но у нас была совсем не такая свадьба, как принято в Америке. Нас расписал сотрудник городского суда, и мы сразу поехали в аэропорт. Медовый месяц провели в Париже.

– Романтично.

– О да.

Хоуп понравился деловой тон его ответа и то, что Тру не пустился в излишнюю откровенность и не пытался что-то романтизировать.

– А тогда откуда вы знаете про американские свадьбы?

– В кино видел, да и туристы рассказывали – на сафари часто приезжают молодожены. Для меня свадьбы навсегда останутся чем-то стрессовым и очень сложным.

Эллен бы его горячо поддержала, подумала Хоуп. Решив сменить тему,

она спросила:

– А каково расти в Зимбабве?

– Могу рассказать только о личном опыте. Зимбабве – большая страна, у всех все по-разному.

– И как же росли вы?

Тру не был уверен, что стоит копать глубоко, поэтому ограничился общей информацией.

– У моей семьи большая ферма возле Хараре, ею владеет уже не первое поколение Уоллсов. Я вырос на ферме и там же работал. Дед думал, мне это пойдет на пользу. В детстве я доил коров и собирал яйца. Подростком уже занимался мелким ремонтом: чинил изгороди, крыши, оросительную систему, насосы, моторы – все, что ломается. Параллельно ходил в школу.

– Как же вы стали гидом?

Тру пожал плечами.

– В буше мне всякий раз становилось спокойно. В свободные часы я уходил туда один. Закончив школу, я сказал родственникам, что не останусь на ферме, и ушел.

Он чувствовал на себе взгляд Хоуп. Выслушав, она со скептическим видом снова взялась за чашку:

– Почему у меня ощущение, что вы не все говорите?

– Потому что всегда есть что рассказать.

Хоуп засмеялась – удивительно сердечно и естественно.

– Справедливо. Расскажите мне о самом интересном, что вам доводилось видеть на сафари!

Оказавшись на привычной почве, Тру баловал собеседницу историями, которые рассказывал любопытным туристам. Изредка Хоуп задавала вопросы, но в основном слушала. Когда он договорил, его чашка уже опустела, а солнце немилосердно припекало голову. Тру поставил пустую чашку на стол.

– Хотите еще? В кофеварке много осталось.

– Одной чашки хватит, – отказался он. – К тому же я отнял у вас много времени. Очень рад был пообщаться. Спасибо.

– Это самое меньшее из того, что я могла сделать, – отозвалась Хоуп, провожая его до калитки. Тру распахнул ее, остро ощущая, что Хоуп стоит совсем близко, и начал спускаться по ступенькам. Дойдя до настила, он обернулся и помахал на прощание.

– Рада была познакомиться, Тру, – сказала Хоуп с улыбкой. Спускаясь на пляж, он гадал, смотрит ли она ему вслед. Отчего-то Тру понадобилась вся сила воли, чтобы не оглянуться.

Осенние деньки

Вернувшись в дом, Тру не знал, чем заняться. Он бы с удовольствием позвонил Эндрю, но звонить из отцовского дома было неловко, учитывая стоимость звонка в Африку, да и Эндрю еще не пришел из школы – после уроков он играет в соккер в детском клубе. Тру всегда любил смотреть на их тренировки: в отличие от многих товарищей по команде, Эндрю не был особо крепок и силен, но по натуре это был спокойный, уверенный лидер. Весь в маму.

Мысль о сыне заставила Тру достать альбом и карандаши и направиться на заднюю террасу. Хоуп ушла в коттедж, но полотенце, которым она вытирала Скотти, осталось висеть на перилах. Усевшись в кресло, Тру колебался, что бы такое нарисовать. Эндрю никогда не видел океана своими глазами, он не бывал на побережье, – и Тру решил запечатлеть раскинувшуюся перед ним бескрайнюю водную гладь, если, конечно, удастся.

Как всегда, он начал с разметки листа едва заметными линиями: диагональный ракурс включал береговую линию, прибой, пирс и океан, тянувшийся до горизонта. С помощью рисования Тру всегда отдыхал: он мог без помех думать о чем-то своем, пока карандаш скользил по бумаге. Сейчас его мысли занимала Хоуп: Тру гадал, отчего его тянет к этой женщине, – он не принадлежал к породе легко увлекающихся мужчин. Впрочем, все это неважно, в Северную Каролину он летел не за этим. Отвлечшись, Тру вскоре поймал себя на том, что думает о своих родных.

Он почти два года не виделся и не созванивался ни с отчимом Родни, ни со сводными братьями Алленом и Алексом. Причины уходили корнями в прошлое, а величина семейного состояния только усугубляла отчужденность. Помимо фамилии Уоллс, Тру унаследовал часть семейной фермы и деловой империи. Доходы были немаленькими, но у Тру не было большой нужды в деньгах: причитающаяся ему доля перечислялась на инвестиционный счет в швейцарском банке, который Полковник открыл на имя внука, когда Тру был еще ребенком. Средства на счете копились много лет, но Тру редко проверял баланс. С этого счета регулярно переводились алименты Ким и плата за обучение Эндрю, но, не считая покупки дома в Булавайо, основной капитал оставался нетронутым. Тру уже оформил все полагающиеся бумаги, чтобы приличная часть этих денег перешла к сыну, когда тому исполнится тридцать пять лет (он почти не сомневался, что

Эндрю сможет использовать их с умом).

С некоторых пор сводные братья начали возмущаться такими порядками, но между ними и Тру всегда ощущалась отчужденность, так что это было ожидаемо. Тру был на девять лет старше; когда близнецы немного подросли и могли воспринимать его как старшего брата, он уже пропадал в буше, а в восемнадцать и вовсе съехал с семейной фермы. В сущности, они всегда были чужими друг другу.

С отчимом дело обстояло сложнее. Доля Тру в семейном бизнесе стала яблоком раздора с момента смерти Полковника тринадцать лет назад, но отношения с Родни разладились задолго до этого. По мнению Тру, все началось с пожара в 1959 году, когда выгорела чуть ли не вся ферма. Одиннадцатилетний Тру спасся чудом, выпрыгнув из окна второго этажа, Родни выскочил из огня с маленькими Алленом и Алексом на руках, но мама Тру Эвелин из горящего дома выбраться не смогла.

Родни и до пожара едва терпел пасынка – Тру в жизни не видел от него какой-то поддержки или проявлений нежных чувств, а после гибели жены отчим и вовсе перестал замечать его, разрываясь между своим горем, воспитанием осиротевших сыновей и управлением фермой. Сейчас Тру это понимал, но тогда ему было очень тяжело. Полковник тоже не бросился его утешать: после смерти единственной дочери он впал в глубокую тоску и словно дал обет молчания. Он целыми днями сидел у пепелища, глядя на почерневшие развалины. Когда обгорелые обломки вывезли и начали строиться заново, Полковник молча наблюдал за работой. Иногда Тру приходил посидеть с ним, но дед нехотя, точно через силу, бросал слово-другое. Поговаривали разное и о Полковнике, и о ферме, и о причине пожара, но Тру ничего не знал об этих слухах, а только видел, что никто из родных не хочет с ним говорить или хотя бы обнять лишний раз. Не окажись рядом Тенгве и Ануны, Тру не мог представить, как бы он выдержал. Единственное, что запомнилось ему о тех годах, – это как он каждый вечер засыпал в слезах и как после школьных занятий и своих обязанностей на ферме уходил туда, где кончалась земля Уоллсов, и часами бродил на свободе. Теперь Тру понимал – то были первые шаги, которые в итоге увели его жить в буш. Если бы мать осталась жива, Тру даже не представлял, кем бы он стал.

После смерти Эвелин изменилось и еще кое-что: через некоторое время Тру попросил Тенгве купить бумагу для рисования и карандаши. Он много раз видел, как мама рисует, и начал делать то же самое. Мальчика никто не учил, природного таланта у него не было, поэтому лишь много месяцев спустя Тру смог воссоздать на бумаге хотя бы дерево так, чтобы оно

походило на оригинал. Но рисование было для него способом спастись от безмолвного отчаяния, поселившегося на ферме.

Ему очень хотелось нарисовать мать, но черты ее лица во многом стерлись из памяти Тру раньше, чем он научился рисовать. Несмотря на все старания, выходило все не то – не та мама, которую он помнил (хотя Тенгве и Ануна горячо уверяли мальчика в обратном). Иные попытки оказывались ближе к цели, но ни разу мама у него не получилась такой, как при жизни. В конце концов он выбросил кипу своих рисунков, смирившись с этой потерей, как и с остальными.

Например, с потерей отца.

В детстве Тру иногда казалось, что отца просто не существовало в природе. Мать рассказывала мало, даже когда Тру настаивал, а Полковник наотрез отказался говорить о нем. Со временем любопытство превращалось почти в безразличие – Тру годами не вспоминал об этом человеке, и вдруг как гром среди ясного неба несколько месяцев назад в Хванге пришло письмо. На конверте значился адрес фермы: в лодж письмо переправил Тенгве. Тру не спешил его открывать, а когда наконец распечатал, ему показалось, что это какой-то розыгрыш, хотя в конверте лежали билеты на самолет. И лишь внимательно рассмотрев выцветшую фотографию, он понял, что письмо, скорее всего, настоящее.

На снимке молодой красавец обнимал за плечи юную девушку – явно Эвелин, только совсем молоденькую. На фотографии она казалась еще подростком (когда родился Тру, ей было всего девятнадцать), и его неожиданно поразила мысль, что он уже вдвое старше тогдашней Эвелин – конечно, если это она.

Но Тру чувствовал, что на фотографии действительно его мать.

Он не знал, сколько часов смотрел на снимок в первый вечер, и несколько дней потом то и дело доставал и разглядывал его. Фотографий матери у Тру не было – сгорели в пожаре, унесшем ее жизнь, и увидеть маму спустя столько лет – все равно что открыть шлюз и выпустить целое море воспоминаний: как она рисовала на террасе за домом, или ее лицо, когда она склонялась над маленьким Тру, подтыкая одеяло, а вот мама в зеленом платье на кухне, а вот еще ощущение ее руки, за которую Тру держался, когда они гуляли у пруда. Он не знал, было ли это на самом деле или память его подводит.

Но оставался главный вопрос: с красавцем на фотографии.

Автор письма назвался Гарри Бекхэмом, американцем, 1914 года рождения. Он писал, что познакомился с Эвелин в конце 1946-го. Вторую мировую Бекхэм прошел в составе американского инженерного корпуса, а

после войны приехал в Родезию и работал на шахте Буштик в Матабелеленде. В Хараре он познакомился с Эвелин Уоллс – в письме говорилось, что любовь была взаимной и с первого взгляда. Автор письма уверял, что не знал о беременности Эвелин, когда вернулся в Америку, но этому Тру не очень поверил: если бы этот Бекхэм ничего не подозревал о беременности случайной подружки, разве стал бы он наводить справки спустя столько лет?

Тру рассчитывал совсем скоро получить ответы на все свои вопросы.

Поработав над рисунком около двух часов, Тру остановился, когда ему показалось, что Эндрю понравится получившееся. Он надеялся, что рисунок отчасти компенсирует сыну неделю разлуки.

Вернувшись в дом, Тру подумал, а не пойти ли ему порыбачить: он обожал рыбалку и уже давно не выбирался на нее, однако, насидевшись, чувствовал необходимость разогнать кровь. Может, завтра, решил Тру, переодеваясь в единственные шорты, какие у него были. Найдя шкаф с целой горой пляжных полотенец, он взял одно и спустился на пляж. Бросив полотенце на песок близко к воде, Тру пошел навстречу волнам, удивившись, насколько теплой оказалась вода. Он пропустил первую небольшую волну, потом еще одну, а оказавшись в воде по грудь, оттолкнулся ото дна и поплыл до пирса и обратно.

Тру не сразу вошел в ритм, хотя океан был на редкость спокойный. Он много лет не плавал и немного разучился. Дюйм за дюймом он продвигался мимо летних домиков на берегу, но на пятом коттедже мышцы начали болеть. До пирса Тру еле выдержал, но упорства ему было не занимать, поэтому он не вышел на берег, а развернулся и поплыл обратно еще медленнее.

Когда Тру наконец поравнялся с трехэтажной виллой и вышел на берег, ноги дрожали, а руки почти не слушались. Но он остался доволен: в лагере гидов приходилось ограничиваться зарядкой и прыжками в высоту, насколько позволял потолок. Когда предоставлялась возможность, Тру бегал по внутреннему периметру лагеря, на что хватало получаса (самая скучная пробежка на свете), зато ходьбы у него всегда было вдоволь. В лагере, где он сейчас работает, вооруженный гид имеет право разрешить гостям выйти из джипа и пройти по бушу – иногда это единственный способ поближе подобраться к редким животным вроде черных носорогов или гепардов. Для Тру это была возможность поразмять ноги, а для гостей – лучший момент сафари.

Вернувшись в дом, Тру с удовольствием постоял под душем,

прополоскал шорты в раковине и перекусил сэндвичем. После этого он опять не знал, чем заняться. У него давно не было дня без единого дела, и от этого становилось неуютно. Он снова взял альбом и, посмотрев на рисунок, сразу захотел кое-что изменить. Еще да Винчи говорил, что закончить произведение нельзя, можно только прекратить над ним работать, и Тру был с этим полностью согласен.

Решив еще посидеть над пейзажем завтра, он взял гитару и пошел на террасу. Песок в солнечных лучах казался ослепительно-белым, а ярко-синяя океанская гладь – зеркальной и неподвижной, не считая пенного прибоя. Идеальная гармония. Он настроил гитару и понял, что не хочет сидеть в доме остаток дня. Можно вызвать машину, но какой в этом смысл – он все равно не знает, куда здесь можно пойти. Однако Тру запомнил упомянутый Хоуп ресторан за пирсом и решил сходить туда ближе к вечеру поужинать.

Подыгрывая себе на гитаре, он спел почти все песни, которые знал. Как и рисование, музыка не мешала ему думать: он то и дело невольно посматривал на соседний коттедж, и мысли снова вернулись к Хоуп. Про себя Тру недоумевал, почему, несмотря на наличие бойфренда и свадьбу подруги, она приехала в Сансет-Бич одна.

Хоуп даже пожалела, что записана к парикмахеру и на маникюр на завтра, а не на сегодня: было бы чем заняться. Полдня она разбиралась в шкафах: мама предложила ей взять все, что душа захочет (с учетом возможных желаний сестер). Робин и Джоанна в ближайшие несколько недель тоже приедут помогать разбирать вещи, а Андерсоны воспитывали своих дочерей, так что места для эгоизма не предполагалось. В кондоминиуме^[5] Хоуп было тесновато, поэтому она с легкой душой почти ничего себе не взяла.

Однако на разбор одной коробки ушло больше времени, чем она ожидала. Выбросив всякую ерунду, составлявшую основное содержимое, Хоуп оставила себе любимые очки для плавания, потертый томик «Там, где живут чудовища», брелок с Багзом Банни, игрушечного Винни-Пуха, три раскрашенные раскраски, открытки из мест, где они отдыхали всей семьей, и медальон с маминой фотографией. Эти вещицы вызывали у нее улыбку по разным причинам и стоили того, чтобы их сохранить. Сестры с ней согласятся. Вероятно, остальное в конце концов попадет в другие коробки и переключает на чей-либо чердак, отчего возникает вопрос: зачем вообще что-то разбирать? Но в глубине души Хоуп знала ответ: выбросить все сразу было бы неправильно. У нее просто поднималось настроение при

мысли, что подобные вещи до сих пор где-то лежат.

Хоуп первой готова была признать, что последнее время жила как в тумане. Взять хоть эту поездку в Сансет-Бич накануне свадьбы Эллен: не самая лучшая идея, но Хоуп уже взяла на работе отпуск, что ей оставалось? Приехать к родителям и страдать, глядя на отца? Или торчать в Роли, где все напоминает о Джоше? Наверное, надо было отправиться не в Сансет-Бич, а куда-нибудь еще, но куда? На Багамы, Ки-Уэст, в Париж? Там Хоуп все равно была бы одна, отец по-прежнему был бы болен, Джош все равно куролесил бы в Лас-Вегасе, и в воскресенье предстояло бы ехать на свадьбу.

Ох, свадьба... Хоуп не хотела признавать, что ее туда совершенно не тянет, и не только из-за сомнительного удовольствия объяснять, куда делся Джош. Женская ревность тут ни при чем: Хоуп искренне радовалась за Эллен и в иное время была бы только счастлива повидаться со всеми подругами. Они не прекращали общения с окончания колледжа и были подружками невесты на свадьбах друг друга, начиная с Джинни и Линды, которые выскочили замуж через год после окончания учебы и уже обзавелись пятью детишками на двоих. Сиенна пошла под венец через два года после диплома и теперь растит четверых. Энджи вышла замуж в тридцать и три года назад стала счастливой мамой девочек-близняшек. Свадьбу Сьюзен праздновали два года назад, а в субботу и Эллен примкнет к «женатикам».

Хоуп не удивилась, когда Сьюзен недавно звонила похвастаться, что уже на третьем месяце беременности, но чтобы и Эллен?! Эллен, которая познакомилась с Колсоном лишь в декабре прошлого года? Эллен, клявшаяся, что никогда не выйдет замуж и не обременит себя спиногрызами? Сумасбродка Эллен, почти до тридцати лет жившая сегодняшним днем и мотавшаяся каждые выходные в Атлантик-Сити к бойфренду-наркодилеру, промышлявшему кокаином? Она не только нашла человека, захотевшего на ней жениться (ни много ни мало добропорядочного, религиозного специалиста инвестиционного банка), но, две недели назад по секрету сообщила Хоуп, что у нее срок уже двенадцать недель. Получается, им со Сьюзен рожать примерно в одно время... Хоуп вдруг оказалась перед перспективой стать аутсайдером в неразлучной когда-то компании. Подруги вступили либо вот-вот вступят в новый этап жизни, а Хоуп не решалась и загадывать, когда догонит остальных и догонит ли вообще, особенно в том, что касается детей.

Это ее пугало. Она долго считала мифом разговоры про тиканье биологических часов, соглашаясь разве что с тем, что в определенном

возрасте труднее завести детей. Это знает каждая женщина, но Хоуп как-то не соотносила эту истину с собой. Родить детей для нее было само собой разумеющимся. Она просто так устроена, что, сколько себя помнит, не представляла будущего без собственных детей. Только в колледже Хоуп с удивлением обнаружила, что не все к этому стремятся. Когда на первом курсе соседка по комнате Сэнди заявила, что ее больше интересует карьера, чем пеленки, Хоуп вначале решила, что девочка шутит. Они не виделись с самого колледжа, а пару лет назад в торговом центре Хоуп наткнулась на Сэнди, которая везла коляску с новорожденным. Хоуп не стала напоминать бывшей сокурснице старый разговор в общежитии, но, вернувшись домой, расплакалась.

Как это вышло, что у Сэнди есть ребенок, а у Хоуп нет? У Робин и Джоанны давно есть дети, а теперь все до единой подруги либо с детьми, либо скоро станут матерями? Хоуп казалось, что творится какая-то бессмыслица. С ранней юности она представляла себя беременной или с новорожденным на руках, восхищенно следящей, как он развивается, и гадающей, какие черты он унаследует. Будет ли у него такой же нос, как у нее, или такие же большие ноги, как у ее отца, или рыжие волосы, которыми Хоуп обязана бабушке? Материнство всегда казалось ей чем-то решенным раз и навсегда, предопределенным.

С другой стороны, Хоуп всегда все планировала. Годам к пятнадцати она выстроила для себя четкую систему целей: получить хороший аттестат, закончить колледж, к двадцати четырем годам стать дипломированной медсестрой, усердно работать и продвигаться по службе, не забывая, однако, веселиться – ведь молодость бывает только раз! Гулять с подругами, встречаться с молодыми людьми, не допуская, впрочем, ничего серьезного, а годам к тридцати встретить свою половинку. Встречаться, влюбиться, выйти за него замуж, а через годик-другой обзавестись детьми. Двое детей – в самый раз, желательно мальчик и девочка, хотя Хоуп ничуть не огорчится, если у нее будет только дочка.

Одну за другой она ставила галочки напротив каждого пункта – даже Джош появился в ее жизни в точном соответствии с расписанием. Поэтому ей и в самых безумных фантазиях не приходило в голову, что шесть лет спустя она, по-прежнему незамужняя и бездетная, будет раздумывать, где же ее план дал осечку. Джош уверял, что тоже мечтает о семье и детях, но тогда чем они занимались столько времени? На что ушли шесть лет?

Одно Хоуп знала точно: тридцать шесть лет – совсем не то, что тридцать пять. В апреле на своем дне рождения, в присутствии всех родных и Джоша, Хоуп опешила при виде торта: ничего себе, сколько

свечек! Она задувала их целых две минуты.

Хоуп не беспокоило, что теперь она ближе к сорока, чем к тридцати (чувствовала она себя по-прежнему на двадцать пять), но на следующий день, будто Бог вовсе не деликатно решил потыкать ее носом в очевидный факт, в травматологию вошла беременная женщина тридцати шести лет, порезавшая палец, когда крошила лук. Порез оказался глубоким и сильно кровоточил, потребовались местная анестезия и швы, а женщина пошутила, что решила подстраховаться, потому что ее считают старородящей.

Хоуп слышала этот термин еще до медицинского колледжа, но в травматологии неотложной помощи она видела мало беременных, и слово как-то подзабылось.

– Терпеть не могу, когда женщину называют старородящей, – отозвалась она. – Вы же не старуха!

– Нет, но поверьте, ходить беременной сейчас – далеко не то, что в двадцать лет. – Она улыбнулась: – У меня трое мальчишек, но вот захотели девочку...

– И как?

– Снова мальчик! – округлила глаза пациентка. – А у вас сколько деток? Хоуп замялась.

– У меня нет детей, я не замужем.

– Ну ничего, у вас еще есть время. Сколько вам, лет двадцать восемь?

Хоуп через силу улыбнулась, сразу вспомнив слово «старородящая».

– Почти угадали, – ответила она.

Устав от грустных мыслей и еще больше от жалости к себе, Хоуп решила как-то отвлечься. Раз она не привезла с собой продукты, все равно придется выбираться из дома. И Хоуп отправилась на овощной рынок у шоссе совсем близко от Сансет-Бич, который помнила с детства. Наполнив корзину цукини, тыквами-сквош, салатом, помидорами, луком и перцами, она поехала на соседний островок, где купила несколько скумбрий. Но к возвращению в коттедж Хоуп еще не проголодалась.

Первым делом она распахнула окна, затем убрала продукты, налила себе бокал вина и снова начала разбирать коробки. Хоуп откладывала только самое-самое, не забывая о Робин и Джоанне; в итоге все спасенные сувениры уместились в одну коробку, которую Хоуп убрала в шкаф. Остальное она отнесла вниз, к мусорным контейнерам, вполне довольная проделанной работой. Скотти увязался за ней на улицу, и Хоуп постояла перед домом, не желая снова бегать за терьером по пляжу.

Посмотрев на часы, она отогнала желание позвонить Джошу. Он остановился в «Цезарь-паласе», но Хоуп напомнила себе: если Джош захочет поговорить, у него есть телефон коттеджа. Лучше уделить немного времени себе: не выспавшись накануне, она уже валилась с ног. Хоуп прилегла на диване в гостиной – и не успела опомниться, как уже наступил вечер. Через открытые окна доносились еле слышные звуки музыки – кто-то играл на гитаре и пел.

Осторожно выглянув в окно, через перила она увидела Тру. Несколько минут Хоуп слушала музыку, прибирая в кухне, и, несмотря на мрачные мысли, невольно заулыбалась. Впервые в жизни ее так потянуло к человеку, что она позвала его на чашку кофе! Хоуп сама не понимала, как она на такое решилась.

Вытерев стол, Хоуп подумала, что ей не помешает горячая ванна. Она обожала нежиться в пене, но повседневная суэта оставляла время только на душ – ванны превратились в роскошь. Хоуп наслаждалась упоительно горячей водой, чувствуя, как напряжение медленно отступает, как расслабляется тело.

После ванны, завернувшись в махровый халат, она взяла с полки старый детектив Агаты Кристи. Подростком Хоуп обожала читать, так почему бы и нет? Усевшись на диван, она углубилась в книгу. Легкое чтение, но интрига не хуже, чем в современных телесериалах. Хоуп буквально проглотила половину романа, прежде чем отложить томик в сторону. Солнце уже клонилось к горизонту, и она поняла, что проголодалась. Хоуп не ела с утра, но готовить не хотелось: наоборот, возникло желание продолжить вечер в этом расслабленном, неторопливом темпе. Надев джинсы, босоножки и блузку без рукавов, Хоуп наскоро подкрасилась и убрала волосы в небрежный хвост. Покормив Скотти, она выпустила терьера во двор (пес явно огорчился, что хозяйка уходит без него), вышла через калитку и по настилу и деревянным ступеням спустилась на пляж. Всякий раз, приезжая в Сансет-Бич, Андерсоны хотя бы раз ходили в «Клэнси», и Хоуп захотелось поддержать традицию.

Ужин на веранде

Дорога от пирса до «Клэнси» занимала несколько минут. Заведение понравилось Тру еще до того, как он поднялся с пляжа на террасу: оттуда доносилась музыка, голоса посетителей и смех. Вверху лестница заканчивалась деревянной аркой, украшенной рождественской гирляндой с белыми лампочками и выцветшими буквами, составлявшими название ресторана.

Террасу освещали составленные группами факелы тики – пламя трепетало на ветру. Облупившиеся барные столики со стульями от других гарнитуров у перил как бы обрамляли деревянные столы в центре, половина из которых оказались свободны. В зале тоже были пустые места. Слева располагалась кухня, а в баре, где почти никого не было, стоял музыкальный автомат. На каминной полке красовалось пушечное ядро, а декор в этой части зала был выдержан в морском стиле, там висели старинный деревянный штурвал (дань уважения Черной Бороде) и морские сигнальные флажки. Пока Тру осматривался, из распашных дверей появилась официантка лет пятидесяти, несшая поднос с едой.

– Вы присаживайтесь, где нравится, в зале или на террасе, – сказала она на ходу. – Сейчас я вам меню принесу.

Вечер был слишком хорош, чтобы сидеть в помещении, и Тру занял один из барных столиков у перил, сев лицом к океану. Луна только-только поднялась над горизонтом, водная гладь в ее свете слегка серебрилась, и Тру вновь остро ощутил контраст между Сансет-Бич и знакомым ему миром, пусть в основе своей они и были схожи. Ночью буши темны, таинственны и полны скрытых опасностей; океан сейчас казался таким же. Днем Тру легко решился сплавить до пирса, но страх плыть ночью таился в нем на глубоком, почти подсознательном уровне.

Официантка принесла меню и поспешила обратно на кухню. Из музыкального автомата звучала песня, которую Тру, как обычно, не знал: сопровождая туристов, он нередко слышал, как речь заходила о фильмах или телешоу, которых Тру никогда не видел; так же обстояло дело с песнями и рок-группами. Он, естественно, знал «Битлз» и пел их песни под гитару, а еще Боба Дилана, Боба Марли, Джонни Кэша, Криса Кристофферсона, «Иглз» и Элвиса Пресли, смотря по настроению. Песня из музыкального автомата показалась ему интересной, хотя, на вкус Тру, в аранжировке чересчур усердствовал синтезатор.

Он пробежал глазами меню, приятно удивившись большому выбору морепродуктов, помимо вездесущих бургеров и жареной картошки. К сожалению, морепродукты в основном предлагались сильно прожаренными. Выбор в итоге сузился до тунца на гриле и морского окуня на сковороде. Тру закрыл меню и снова принялся смотреть на океан.

Официантка вынесла с кухни поднос с напитками, останавливаясь у некоторых столиков, и ушла в зал, даже не посмотрев в сторону Тру. Он несколько удивился, но решил, что торопиться некуда, впереди вся ночь.

Почувствовав какое-то движение у входа, Тру поднял глаза и с изумлением увидел Хоуп, ступившую на террасу. Они, наверное, спустились на пляж одновременно. На мгновение Тру даже подумал: может, она видела его и пошла за ним, но прогнал эту мысль, удивляясь самому себе. Тру отвернулся к океану, чтобы Хоуп не заметила его взгляд и не решила, что он ее рассматривает, но поймал себя на том, что думает об утреннем знакомстве.

Ее улыбка, вдруг понял он. Ему очень нравится ее улыбка.

Хоуп удивилась, насколько в «Клэнси» все было по-прежнему. Отец любил это заведение не в последнюю очередь за постоянство – он часто говорил дочери, что чем радикальнее меняется мир, тем уютнее становится «Клэнси», – но она-то знала, что папа ходит сюда ради лимонной меренги. Мать нынешнего владельца «Клэнси» якобы десятилетиями доводила семейный рецепт до совершенства и получала голубую ленту победителя на шести ярмарках штата кряду, а теперь говорят, что этот десерт у них переняла «Мэри Кэллендер», сеть ресторанов в Калифорнии. Как бы там ни было, лучше порции лимонной меренги в качестве завершения дня у океана и придумать нельзя: в ней идеально сочетались сладость и кислинка, давая тот самый неповторимый вкус.

Хоуп оглядела террасу. Сколько раз они с родителями ездили в Сансет-Бич, но никогда не ели в зале, не стала Хоуп пробовать и сейчас. Справа три столика у перил были заняты, слева свободных было больше. Хоуп машинально двинулась влево и замерла при виде Тру.

Глядя, как он сидит один за столиком, Хоуп невольно задумалась: зачем он все-таки приехал в Сансет-Бич. Тру сказал, что незнаком с человеком, с которым якобы должен встретиться, но из Зимбабве сюда не близкий путь, и даже ей известно, что Сансет-Бич не входит в число популярных курортов. Кто же столь важный заставил его приехать?

И тут Тру в знак приветствия помахал рукой. Хоуп, поколебавшись, решила, что нужно хотя бы поздороваться, и направилась к его столику.

Вблизи она вновь обратила внимание на потертый кожаный браслет и расстегнутую на груди рубашку; в таком виде его легко было представить в буше.

– Здравствуйте, Тру! Вот не ожидала вас здесь встретить...

– Взаимно.

Хоуп ждала, что еще он скажет, но Тру только молча смотрел на нее чуть дольше, чем позволяли приличия, и она немного смутилась. В возникшем молчании Тру явно чувствовал себя непринужденно. Хоуп перебросила через плечо волосы, убранные в хвост, стараясь не выдать волнения.

– Как прошел ваш день? – спросила она.

– Довольно бедно на события. Я ходил плавать. А вы?

– Прикупила продуктов и занималась всякими пустяками. Слушала, как вы играли на гитаре.

– Надеюсь, я не помешал?

– Ничуть, – заверила Хоуп. – Мне понравилось.

– Это хорошо. Есть вероятность, что некоторые песни вам придется слушать снова и снова.

Она оглядела столы и кивнула на меню, лежавшее перед Тру:

– Давно ждете?

– Не очень. Официантка, кажется, занята.

– О, обслуживание здесь всегда медленное. Дружелюбное, но медленное, как и все в этой части света.

– Ну, в этом есть свое очарование, – Тру показал на стул напротив: – Не хотите ко мне присоединиться?

Едва он спросил, как Хоуп почувствовала, что наступает важный, значимый момент. Предложить соседу чашку кофе после того, как он спас твою собаку, – это одно, а вот поужинать с ним – совсем другое. Спонтанный или нет, ужин обладает многими особенностями свидания. Ей показалось, Тру прекрасно понимает, о чем она сейчас думает. Хоуп ответила не сразу, пристально глядя на него в неровном свете факелов. Она помнила прогулку по пляжу и разговор на веранде; Хоуп подумала о Джоше, Лас-Вегасе и ссоре, в результате которой оказалась в Сансет-Бич одна.

– С удовольствием, – наконец сказала она, осознавая, что говорит это искренне. Когда Хоуп отодвинула стул, Тру встал и помог ей сесть поудобнее. Когда он вернулся на свое место, она себя положительно не узнавала. Собственная смелость показалась Хоуп довольно экстравагантной, и она потянулась к меню, словно это простое действие

могло вернуть ее с небес на землю. – Можно?

– Конечно.

Хоуп открыла меню, чувствуя на себе взгляд Тру.

– А что вы решили заказать? – спросила она, надеясь, что непринужденный разговор за столом успокоит ее странные чувства.

– Тунца или окуня. Я собирался спросить официантку, что вкуснее, но, может, вы поможете советом?

– Тунец здесь всегда вкусный, моя мама только его заказывает. У «Клэнси» договор с местными рыбаками, поэтому тунец у них каждый день свежий.

– Значит, тунца.

– Мне тоже надо брать тунца. Крабовые котлеты очень вкусные, но они жареные.

– И?

– Лишний жир сразу осядет на бедрах.

– По мне, так вам не о чем волноваться. Вы прекрасно выглядите.

Хоуп ничего не ответила, но кровь прилила к щекам: преодолена еще одна черта. Конечно, комплименты слушать приятно, но это еще больше напоминает свидание. Такого Хоуп не предвидела и не ожидала. Она вглядывалась в меню, но строчки прыгали. Наконец она отложила его в сторону.

– Предположу, что вы решились на крабовые котлеты, – заключил Тру.

– Как вы узнали?

– Привычки и традиции придают изменениям налет нежелательности.

Такой ответ мог прозвучать из уст английского аристократа в обшитой дубовыми панелями библиотеке загородного имения – образ, мало совпадающий с человеком, сидевшим напротив.

– У вас просто уникальный слог, – с улыбкой заметила Хоуп.

– Вот как?

– Сразу очевидно, что вы не американец.

Ее слова явно позабавили Тру.

– Как там Скотти? Резвится по-прежнему?

– Как обычно неугомонный и непослушный, только, по-моему, разобиделся, что я сейчас не взяла его с собой. Как минимум, огорчился.

– Ему очень нравится гоняться за птицами.

– Потому что он их не ловит. Если бы поймал, наверное, не знал бы, что дальше делать.

Подошла официантка, казавшаяся чуть менее занятой, чем несколько минут назад:

– Вы уже решили, что будете пить?

Тру взглянул на Хоуп. Она кивнула.

– Мы готовы заказывать, – ответил он и назвал официантке выбранные блюда, спросив, есть ли местное разливное пиво.

– Прости, дорогой, – отозвалась официантка, – у нас тут без изысков и ничегошеньки разливного. «Будвайзер», «Миллер» и «Курс», зато холодное.

– Тогда «Курс», – попросил Тру.

– А вам? – обратилась она к Хоуп.

Хоуп много лет не пила пива, но по какой-то причине ей вдруг очень захотелось. К тому же немного пива успокоит нервы.

– Мне тоже.

Официантка кивнула и отошла, оставив их наедине за столом. Хоуп взяла салфетку и расстелила на коленях.

– А вы давно играете на гитаре? – спросила она.

– Начал, когда был в учениках у проводников. Один из гидов имел обыкновение играть по вечерам в лагере и вызвался меня научить. Остальному я подучился со временем. А вы играете?

– Нет. В детстве меня начинали учить на пианино, но я бросила. Вот сестра хорошо играет.

– У вас есть сестра?

– Две, – похвасталась Хоуп. – Робин и Джоанна.

– Вы с ними часто видитеесь?

Она кивнула.

– Стараемся почаще. Мы все живем в Роли, но собираемся вместе только по праздникам или на дни рождения. Робин и Джоанна обе замужем, но работают, и дети на них, так что тут не до встреч...

– С моим сыном Эндрю примерно та же история.

Подошла официантка с тяжелым подносом и выставила на стол две бутылки пива. Хоуп удивленно наклонила голову:

– Не знала, что у вас есть сын.

– Ему десять лет. Из-за специфики моей работы он большую часть времени проводит с матерью.

– А что за специфика?

– Шесть недель я работаю, затем две недели дома.

– Наверное, вам обоим нелегко.

– Иногда, – согласился Тру. – Но другого Эндрю не знает, и я говорю себе, что он уже привык. А когда мы вместе, то придумываем много развлечений. Эндрю огорчился, узнав, что я уезжаю на неделю.

– Вы ему уже звонили?

– Нет, планирую позвонить завтра.

– А какой он, ваш Эндрю?

– Любопытный. Умный. Красивый. Добрый. Впрочем, я сужу пристрастно, – широко улыбнулся Тру и отпил пива.

– Так это естественно, он же ваш сын. А он тоже хочет стать гидом в буше?

– Говорит, что хочет, и вроде всегда с удовольствием ходит в буш. С другой стороны, Эндрю недавно заявил, что хочет водить гоночные машины, стать ветеринаром и сумасшедшим ученым.

Хоуп улыбнулась.

– А вы что думаете?

– Рано или поздно он сам примет решение, как и все мы. У гидов особая жизнь, это не для всех. Мой брак развалился в том числе потому, что меня практически не бывало дома. Ким заслуживает чего-то получше.

– Судя по всему, вы прекрасно ладите с бывшей женой?

– Да. Она легкий человек и прекрасная мать.

Хоуп взяла свое пиво, невольно зауважав Тру за то, как он отзывается об экс-супруге: это многое говорило и о ней, и о нем.

– Когда вы возвращаетесь в Африку?

– Утром в понедельник. А когда вам уезжать в Роли?

– В воскресенье. В понедельник мне на работу. А когда у вас встреча?

– В субботу. – Тру отпил и медленно опустил бутылку на стол. – Я приехал знакомиться с отцом.

– Вы хотите сказать, встретиться с отцом?

– Да нет, знакомиться. Я его никогда не видел. В письме, которое я получил, сказано, что он уехал из Зимбабве до моего рождения и узнал о моем существовании совсем недавно.

Хоуп чуть не открыла рот от удивления, но спустя несколько мгновений все же решилась спросить:

– Не представляю, как бы я жила, не зная моего отца. Должно быть, после письма у вас голова пошла крúгом?

– Да, пожалуй. В моей жизни возникло необычное обстоятельство.

Хоуп покачала головой:

– Не представляю, как завести разговор в такой ситуации... Или о чем спрашивать...

– А я знаю, – Тру немного отвернулся. Когда он заговорил снова, его голос почти терялся в шуме прибора: – Я хочу спросить его о моей матери.

Этого Хоуп не ожидала и не знала, что он имеет в виду. Ей показалось,

что на лице собеседника на мгновение отразилась печаль, но когда он вновь повернул голову, это выражение исчезло.

– Судя по всему, нас обоих ожидают знаменательные выходные, – заметил Тру.

Его желание сменить тему было очевидным, и Хоуп тактично воздержалась от вопросов, хотя ей было очень любопытно.

– Надеюсь, обойдется без дождя, иначе с Эллен случится истерика.

– Вы говорили, вы подружка невесты?

– Да. К счастью, платье очень стильное.

– Какое платье?

– Ну, подружки невесты надевают одинаковые платья, выбранные невестой, а у невесты не всегда хороший вкус.

– Вы, кажется, судите по опыту.

– Я в восьмой раз подружка невесты, – вздохнула Хоуп. – Шесть подруг и две сестры. А красивые платья были максимум дважды.

– А что случается, если вам не нравится платье?

– Ничего, просто потом ненавидишь фотографии. Если я когда-нибудь выйду замуж, выберу подружкам самые безобразные наряды в качестве мести.

Тру засмеялся, и Хоуп вдруг поняла, что ей нравится его смех – глубокий и урчащий.

– Вы этого не сделаете.

– Отчего же, однажды платья были ядовито-салатовые и с рукавами-буфами! Это моя Робин удружила. Мы с Джоанной до сих пор подкалываем ее по этому поводу.

– Давно она замужем?

– Девять лет, – отозвалась Хоуп. – Ее муж Марк – страховой брокер, такой тихоня, но очень хороший человек. У них три мальчика. А Джоанна вышла за своего Джима семь лет назад. Он юрист, и у них две девочки.

– Вы, видимо, очень дружны.

– Да, – согласилась Хоуп. – Мы и живем близко, но если машин много, дорога занимает минут двадцать... Но там, откуда вы родом, это, наверное, пустяк...

– В крупных городах вроде Хараре и Булавайо тоже есть пробки. Вы бы удивились.

Хоуп попыталась представить себе эти города, но воображение ей отказало.

– Мне неловко признаться, но когда я думаю о Зимбабве, в памяти всплывают только картинки из телепередач о природе: слоны, жирафы... Я

знаю, что в Зимбабве есть города, но я, вероятно, неправильно их себе представляю.

– Местные города такие же, как везде в мире. Есть приличные районы, а в иные лучше не заходить.

– А у вас бывает культурный шок, когда вы приезжаете из буша в город?

– Каждый раз. Несколько дней привыкаю к шуму, машинам и обилию людей. Но это может быть и оттого, что я вырос на ферме.

– Ваша мама владела фермой?

– Нет, мой дед.

– А как ребенок, выросший на ферме, оказался в итоге гидом в буше?

– Это длинная и непростая история.

– Все хорошие истории длинные и непростые. Может, все же поделитесь?

Подошла официантка с тарелками. Тру допил свое пиво и заказал еще бутылку, Хоуп последовала его примеру. Рыба пахла превосходно. На этот раз официантка быстро принесла напитки, вернувшись с двумя бутылками раньше, чем Тру и Хоуп успели попробовать еду. Тру поднял бутылку, показав, что Хоуп должна сделать то же самое.

– За прекрасный вечер, – просто сказал он, чокаясь.

Пожалуй, из-за некоторой формальности тоста в непринужденной атмосфере «Клэнси» Хоуп вдруг поняла, что ее волнение незаметно испарилось. Она подумала, что все дело в искренности Тру, в какой-то его подлинности, природном умении быть собой, и это лишний раз укрепило ее во мнении, что многие люди проводят жизнь, играя придуманную роль, вместо того чтобы оставаться собой.

– Возвращаясь к вашему вопросу, я не против поговорить на эту тему, но не знаю, насколько она подходит для ужина. Может быть, позже?

– Хорошо, – пожала плечами Хоуп. Отрезав кусочек крабовой котлеты, она отправила его в рот, зажмурившись от наслаждения. Заметив, что Тру попробовал тунца, она спросила: – Ну, как?

– Насыщенный вкус, – похвалил он. – А у вас?

– Очень сложно не съесть обе, но в воскресенье мне необходимо влезть в платье...

– Да к тому же стильное...

Ей польстило, что он так точно запомнил ее слова. За ужином они рассказывали друг другу истории. Хоуп говорила об Эллен, упомянув некоторые из ее веселых подвигов, но обелив худшую часть прошлого подруги: например, обойдя молчанием бывшего друга-наркодилера. Она

рассказывала о своих приятельницах, о женском клубе, а потом разговор незаметно перешел на семью: что такое расти у родителей-учителей, которые настаивали, чтобы дети учились планировать свой день и самостоятельно делали уроки. Описывала кроссы и катание на лыжах, с восхищением отзываясь об искусной отцовской методе, по которой он тренировал всех своих дочерей. Вспоминала, как пекла пироги вместе с мамой. Не обошла она и свою профессию, поделившись подробностями о бешеном ритме работы в отделении неотложной помощи и о пациентах и родственниках, которые тронули ее сердце. Временами образ Джоша тоже мелькал в памяти, но Хоуп даже удивилась, как редко и невзначай это было.

На небе уже высыпали звезды. Пенные буруны прибоя светились под луной, а поднявшийся легкий бриз приносил на террасу запах моря. Факелы тики трещали и шипели, отбрасывая на столики оранжевый отсвет. Заходили и уходили другие посетители, а вокруг становилось все тише и спокойнее: разговоры прерывались лишь приглушенным смехом, из музыкального автомата звучали одни и те же песни.

Когда тарелки опустели, подошла официантка с двумя порциями лимонной меренги. Едва Тру попробовал кусочек, как сразу понял: Хоуп не преувеличивала, превознося достоинства фирменного блюда этого заведения. За десертом говорил в основном Тру. Он рассказывал о разных лагерях, где работал, о своем друге Роми и о том, как Роми иногда пристаёт к нему с просьбами сыграть на гитаре после долгого трудного дня. Тру рассказал Хоуп еще немного о своем разводе с Ким и долго говорил об Эндрю. По интонациям было ясно, что он уже соскучился по сыну, и Хоуп снова подумала, как же ей хочется своего ребенка.

Чувствовалось, что Тру абсолютно устраивает то, кем он является, и жизнь, которую он выбрал, но Тру искренне беспокоился, достаточно ли он хорош как отец. Хоуп предположила, что это нормально, но его честность в этом вопросе подкупала. Она не привыкла к такому душевному общению, особенно с незнакомым человеком. Не раз Хоуп невольно подавалась вперед, желая лучше расслышать, но тут же, спохватившись, выпрямлялась на стуле. Позже, когда Тру со смехом рассказывал, каким был неуклюжим, когда Эндрю только-только принесли из родильного дома, Хоуп ощутила неожиданную симпатию к своему собеседнику. Он, бесспорно, красив, но ей вдруг стало легко представить, что эта беседа за ужином станет началом новой жизни и долгих разговоров между ними.

Устыдившись, она прогнала эту мысль — волею судьбы они на несколько дней оказались соседями, и ничего больше. Однако душевная

теплота не покидала ее, и Хоуп чувствовала, что краснеет чаще обычного.

Когда принесли счет, Тру спокойно взял его. Хоуп предложила заплатить поровну, но он покачал головой, сказав лишь:

– Прошу вас, позвольте мне.

На востоке уже собирались тучи, иногда закрывая луну, но Тру и Хоуп продолжали говорить, пока не ушли последние посетители. Когда они наконец поднялись со своих мест, Хоуп посмотрела на своего спутника, удивляясь царящему на душе спокойствию. Они двинулись к выходу, и Хоуп, увидев, что Тру открыл и придержал для нее калитку, вдруг поверила, что этот ужин стал прекрасным завершением одного из самых удивительных дней в ее жизни.

Прогулка в темноте

За годы работы гидом перевидав тысячи туристов, Тру хорошо научился считывать людей. Когда Хоуп спустилась на пляж и повернулась к нему, он ощутил ауру умиротворения, которого не было, когда они заметили друг друга в «Клэнси». Тогда от нее исходила осторожность, неуверенность, может быть, даже опаска. Им ничего не стоило обменяться дежурными любезностями и расстаться без обид, но Тру так не поступил. Отчего-то ему показалось, что ужин в одиночестве не поможет этой женщине одолеть демонов, с которыми она борется.

– О чем вы думаете? – спросила Хоуп. Ее певучий акцент ласкал слух. – У вас сейчас был такой отвлеченный вид!

– Я думал о нашем разговоре.

– Наверное, я слишком много болтала?

– Вовсе нет. – Следуя уже устоявшемуся порядку, они вместе шли по пляжу, ступая еще неторопливее, чем утром. – Мне было интересно узнать о вашей жизни.

– Не понимаю почему. В ней нет ничего интересного.

«Потому что меня влечет к тебе», – подумал Тру, но говорить не стал. Вместо этого он перешел к тому, о чем Хоуп ни словом не упомянула за весь вечер:

– А что он за человек, ваш бойфренд?

По ее лицу было заметно, что она смущена вопросом.

– Откуда вы знаете, что у меня есть бойфренд?

– Вы сказали, это он подарил вам Скотти.

– Ой, точно! – на секунду Хоуп сжала губы. – Что же вы хотите знать?

– Все, чем вы захотите поделиться.

Хоуп чувствовала, как босоножки зарываются в песок.

– Зовут Джош, по профессии хирург-ортопед. Умный, успешный и вообще... хороший человек.

– А вы давно встречаетесь?

– Шесть лет.

– Серьезный срок.

– Да, – согласилась Хоуп. Тру показалось, что она пытается убедить в этом себя.

– Полагаю, он тоже приедет на свадьбу?

Несколько шагов Хоуп шла молча и только потом ответила:

– Да нет... Джош тоже приглашен, но решил махнуть в Лас-Вегас с друзьями. – Она невесело улыбнулась. Улыбка выдавала ее огорчение. – Мы поссорились, но все уладится, я уверена.

Это объясняло, почему Хоуп не говорила о нем за ужином. И все же...

– Мне жаль это слышать. Простите, что заставил вас об этом вспоминать.

Хоуп кивнула. Тру заметил какое-то существо, бежавшее по песку прямо перед ним.

– Кто это? – удивился он.

– Краб-призрак, – тут же отозвалась Хоуп, радуясь возможности сменить тему. – По ночам они выходят из своих ямок в песке. Совсем безобидные.

– Тут их много?

– Я не удивлюсь, если мы увидим сотню-другую.

– Хорошо, что предупредили. – Впереди стал заметен пирс, казавшийся в темноте пустым и заброшенным. Вдали Тру увидел огни проходившего мимо рыболовецкого траулера; большое зеркало глубокой черной воды отделяло его от берега.

– Можно задать вам личный вопрос?

– Конечно, – разрешил он.

– Почему вы хотите спросить отца о вашей матери? Это как-то связано с причинами, побудившими вас стать гидом?

Тру улыбнулся ее проницательности.

– Вообще-то да, связано. – Он сунул руку в карман, не зная, с чего начать, и в итоге ответил просто: – Я хочу спросить своего отца о матери, потому что я не знаю, какой она была. Что она любила, что ее печалило, о чем она мечтала. Мне было всего одиннадцать лет, когда ее не стало.

– Это ужасно, – тихо сказала Хоуп. – В таком юном возрасте...

– Мама тоже была юной, – возразил Тру. – Она родила меня, будучи совсем молодой. Случись это пару лет спустя, произошел бы скандал, но все случилось сразу после войны, и мама была не единственной юной девушкой, влюбившейся в вернувшегося с фронта солдата. Мы в нашей глуши были, можно сказать, отрезаны от цивилизации, поэтому, кроме работников фермы, обо мне никто долгое время даже не знал. Дед выбрал тактику молчания; в конце концов правда вышла наружу, но это уже оказались остывшие новости. Мама была совсем молода, красива и как дочь богатого человека считалась завидной партией. Но, как я уже сказал, мне все время кажется, будто я ее совершенно не знаю. Ее звали Эвелин, но я не слышал, чтобы в доме о ней говорили или хотя бы произносили ее

имя после того, как ее не стало.

– Другие родственники, вы имеете в виду?

– Мой дед и Родни, отчим.

– А почему?

Тру проводил взглядом еще одного пробежавшего мимо краба-призрака.

– Ну... чтобы корректно ответить на этот вопрос мне придется обрисовать вам в общих чертах свою семейную ситуацию. – Он вздохнул. Хоуп выжидательно смотрела на собеседника. – Когда я был мальчишкой, с нашей фермой граничила соседняя, где было много хороших, плодородных земель и источников воды. Табак быстро становился самой выгодной культурой, и дед хотел прибрать к рукам побольше табачных плантаций. Когда речь заходила о бизнесе, он не знал жалости. Сосед в этом убедился, когда отклонил предложение продать свою ферму: дед попросту отвел львиную долю ручьев с его земли на свою.

– Это же незаконно?

– Наверное, да, но дед знал нужных людей в правительстве, и ему все сошло с рук. Он всесторонне портил жизнь соседу, но тот за своим управляющим был как за каменной стеной. Однако все знали, что этот управляющий заглядывается на мою мать, и в конце концов дед сделал предложение, от которого тот не смог отказаться, – долю в нашей ферме и возможность быть поближе к моей матери. Управляющий перешел работать к нам. Это и был Родни.

– Который стал вашим отчимом?

Тру кивнул.

– С его приходом урожай табака почти сразу увеличился вдвое. Когда соседняя ферма оказалась на грани разорения, дед предложил соседу заем, которого не дал бы никто другой. Но это лишь отсрочило неизбежное, и в конце концов дед отобрал его ферму в счет долга, получив ее в собственность почти за гроши. И снова пустив воду по прежним руслам, стал еще богаче. Все это тянулось несколько лет, и мама постепенно подверглась чарам Родни. Они поженились, у них родились близнецы – Аллен и Алекс, мои сводные братья. Все получилось так, как планировали дед и Родни, но однажды ночью наша усадьба загорелась. Я выпрыгнул из окна второго этажа, Родни вынес близнецов, а мама так и не выбралась.

Тру услышал, как Хоуп беззвучно ахнула:

– Ваша мама погибла в огне?

– Те, кто вел следствие, заподозрили поджог.

– Ваш сосед, – скорее утвердительно, нежели вопросительно, сказала

Хоуп.

– Были такие слухи. До меня они донеслись лишь несколько лет спустя, но, думаю, дед и Родни все знали и винили себя в случившемся – как ни крути, они косвенно причастны к смерти мамы. С тех пор ее память окутана странным молчанием. Мне казалось, что ни Родни, ни дед больше не желают иметь со мной ничего общего. Вот я и пошел своей дорогой.

– Не представляю, как вы выдержали. Вам же, наверное, было невероятно тяжело и одиноко?

– Да.

– А сосед так и не ответил за свое преступление?

Тру подобрал с песка витую ракушку, оказавшуюся со сколом с одной из сторон, покрутил ее и отбросил в сторону.

– Сосед погиб при пожаре через год после гибели моей мамы. Он совершенно обнищал и жил в Хараре в какой-то лачуге... Но об этом я узнал лишь несколько лет спустя: как-то вечером дед немного перебрал и сказал, что этот тип получил по заслугам. Тогда я уже работал гидом.

Посмотрев на Хоуп, Тру увидел, что она обдумывает услышанное.

– Вашего деда подозревали?

– Уверен, что да. Но в Родезии, если ты богатый белый, правосудие можно было купить. Может, сейчас уже не так откровенно, но тогда... Дед умер свободным человеком. Сейчас фермой управляют Родни и мои сводные братья, а я стараюсь держаться от них как можно дальше.

Хоуп удивленно покачала головой.

– Ничего себе, – сказала она. – Никогда такого не слышала. Теперь понятно, почему вы ушли с фермы и не очень хотели говорить на эту тему. Тут есть о чем задуматься.

– Да, – согласился Тру.

– А вы уверены, что человек, к которому вы приехали, ваш настоящий отец?

– Нет, но шансы велики, – и он рассказал Хоуп о письме, фотографии и билетах на самолет.

– На фотографии действительно ваша мама?

– Насколько я ее помню, да, но... на сто процентов нельзя быть уверенным. Все ее фотографии сгорели при пожаре, а к Родни я лишний раз стараюсь не подходить.

Хоуп посмотрела на него с уважением:

– Да, жестоко жизнь обошлась с вами.

– В чем-то да, – пожал плечами Тру. – Но зато у меня есть Эндрю.

– А еще детей вы не хотели?

– Ким хотела, но я заболел корью, в качестве осложнения – бесплодие. Так что при всем желании...

– Это и стало причиной развода?

Тру покачал головой:

– Нет. Мы просто разные люди. Нам и жениться, наверное, не стоило, но Ким забеременела, а я знал, что такое расти без отца, и не хотел такого для Эндрю.

– Вы сказали, что мало помните маму, но какие-то воспоминания у вас все-таки есть?

– Она имела обыкновение сидеть на веранде за домом и рисовать. Но это я запомнил только потому, что сам начал рисовать вскоре после ее гибели.

– Вы рисуете?

– Когда не играю на гитаре.

– Хорошо?

– Эндрю нравится.

– А с собой у вас никаких рисунков нет?

– Сегодня утром начал новый, а так в альбоме есть и другие.

– Как бы мне хотелось посмотреть... если вы не возражаете.

Пирс уже остался далеко позади, впереди показались коттедж и трехэтажная вилла. Хоуп шла молча, и Тру догадывался, что она потрясена услышанным. Такая откровенность была не в его характере: обычно он мало говорил о прошлом и сейчас гадал, отчего сегодня в нем проснулось красноречие.

Но в душе Тру знал – это его реакция на женщину, идущую рядом. Когда они дошли до лестницы, ведущей к коттеджу, Тру осознал – ему хочется, чтобы она знала, кто он на самом деле. Хотя бы потому, что ему кажется – он уже знает ее.

После того что Тру рассказал о своем детстве, Хоуп казалось неправильным оборвать разговор поспешным прощанием. Она показала на коттедж:

– Не хотите подняться и выпить бокал вина? Такая прекрасная ночь, я собиралась немного посидеть на веранде...

– Бокал вина – с удовольствием, – отозвался Тру.

Хоуп поднялась первая и, когда они дошли до веранды, указала на кресла-качалки под окном:

– Шардоне будете? Сегодня открыла.

– Замечательно, благодарю вас.

– Сейчас вернусь, – сказала она.

Что я делаю, удивлялась Хоуп, зайдя в коттедж и оставив дверь чуть приоткрытой. Она в жизни не приглашала мужчину на бокал вина перед сном. Оставалось надеяться, что ее поведение не произведет двусмысленного, ложного впечатления. При мысли о том, что Тру может подумать, у Хоуп слегка закружилась голова.

Скотти забежал в дом за хозяйкой, часто виляя хвостиком в знак приветствия. Хоуп нагнулась погладить питомца.

– Ну и что в этом такого? – шепотом спросила она. – Он поймет, что я просто веду себя по-соседски приветливо! В дом же я его не приглашаю.

Скотти только сонно смотрел на хозяйку.

– Тебя только спрашивать...

Взяв из буфета два бокала на тонких длинных ножках, Хоуп налила вина до половины и хотела включить на веранде свет, но подумала, что освещение будет слишком резким. Свечи были бы в самый раз, но такая романтика точно введет гостя в заблуждение, поэтому она включила лампу на кухне. Свет из окна слегка освещал крыльцо и веранду. Так-то лучше.

Держа в руках бокалы, она ногой открыла дверь. Скотти выскочил на крыльцо и подбежал к калитке, готовый идти на пляж.

– Не сейчас, Скотти, завтра сходим!

Пес, как обычно, и ухом не повел. Хоуп подошла к креслам-качалкам. Когда она подала Тру бокал, их пальцы на мгновение соприкоснулись, и от этого по ее руке пробежала дрожь.

– Спасибо, – сказал Тру.

– Пожалуйста, – пробормотала Хоуп, все еще справляясь с волнением от его прикосновения.

Скотти по-прежнему стоял у калитки, всем видом напоминая хозяйке об ее истинном предназначении в жизни. Хоуп была только рада отвлечься:

– Я сказала, завтра пойдем! Отдыхай пока. Ложись!

Терьер смотрел на нее, выжидательно виляя хвостом.

– По-моему, он ничего не понимает, – пожаловалась она. – Либо ждет, что я передумаю.

– Красивый у вас пес, – улыбнулся Тру.

– Да, только убегает куда вздумается и лезет под машины, правда, Скотти?

Услышав свое имя, пес активнее завилял хвостом.

– У меня тоже когда-то была собака, – сказал Тру. – Правда, недолго... Это был отличный товарищ.

– А что с ней случилось?

– Лучше вам не знать.

– Ну расскажите!

– Ее задрал и сожрал леопард. Я нашел то, что осталось, на ветках дерева.

Хоуп уставилась на него:

– Вы правы, лучше бы я не знала.

– Совсем другой мир.

– Это точно, – Хоуп задумчиво покачала головой. Они долго пили вино молча. У окна в кухню вились мотыльки, ветровой конус трепетал под легким бризом. Волны накатывали на берег, и на веранде был слышен шорох гальки – словно трясли банку с камушками. Тру не отрывал взгляда от океана, но Хоуп казалось, что он наблюдает и за ней. Его глаза замечали все.

– Вы будете скучать по Сансет-Бич? – спросил он наконец.

– В смысле?

– Ну, когда кто-нибудь купит коттедж? Я видел на фасаде объявление: «Продается».

«Ах да...»

– О, я буду очень скучать! Кто угодно жалел бы об отсутствии возможности здесь отдохнуть. Этот коттедж у нас очень давно, я даже представить себе не могла, что когда-нибудь его продадут.

– А почему ваши родители приняли такое решение?

Едва прозвучал вопрос, как Хоуп вспомнила все свои тревоги.

– Папа болен, – сказала она. – У него болезнь Лу Герига. Вы знаете, что это такое? – Когда Тру покачал головой, Хоуп объяснила и добавила, что в бесплатных клиниках и по медицинской страховке можно получить лишь часть необходимого лечения. – Родители продают все, что могут, чтобы соответствующим образом переоборудовать дом или оплатить профессиональный уход.

Хоуп крутила бокал в руках, собираясь с духом.

– Хуже всего неопределенность... Я боюсь за маму – не представляю, как она будет без отца. Пока мама делает вид, что у них все в порядке, но мне кажется, потом от этого ей станет только хуже. Папа, напротив, вроде бы смирился с диагнозом или держится, чтобы не травмировать нас... Иногда мне кажется, я одна беспокоюсь о будущем!

Тру ничего не сказал, поглубже устроился в кресле и внимательно смотрел на Хоуп.

– Вы думаете о том, что я сказала? – решила спросить она.

– Да, – признался Тру.

– И?

Его голос был тихим, когда он заговорил:

– Конечно, это тяжело, но беспокойство ничем не поможет ни им, ни вам. Уинстон Черчилль говорил, что тревога – это ручеек страха, текущий через разум, и, если ей позволять, она прорежет глубокое русло, куда канут все прочие мысли.

На Хоуп это произвело большое впечатление.

– Черчилль? – с уважением переспросила она.

– Дед его очень уважал и постоянно цитировал. Но, думаю, тут Черчилль прав.

– А разве вы сами не волнуетесь за Эндрю?

– Вы уже знаете, что это не так.

Хоуп не сдержала улыбки:

– Ну, хотя бы честно признайтесь!

– Иногда с незнакомцами проще всего быть честным.

Она понимала, что Тру говорит не столько о ней, сколько о себе. Оглядевшись, Хоуп увидела вокруг темные коттеджи: Сансет-Бич походил на город-призрак. Она отпила вина, чувствуя, как приятный покой разливается по телу, окружая ее ореолом, словно мягкий свет от лампы.

– Нетрудно понять, почему вы будете скучать по этим местам, – нарушил молчание Тру. – Здесь удивительно тихо.

Хоуп заговорила, вспоминая вслух:

– Мы проводили тут почти каждое лето. Когда мы с сестрами были маленькие, то постоянно плескались в воде. Я научилась кататься на доске вон там, у пирса. Получалось не блестяще, но меня устраивало. Я часами там плавала в ожидании хорошей волны и видела, не поверите, акул, дельфинов, даже двух китов, правда издали! А когда мне было лет двенадцать, я заметила плывущее дерево, и вдруг оно как вынырнет в двух метрах от меня! Я увидела усатую морду и оцепенела от страха, даже крикнуть не могла, а в голове одна мысль: что это за чудовище, бегемот или морж? Но как только я убедилась, что оно не планирует меня есть, мне захотелось его рассмотреть. Я даже гребла, чтобы не отстать. Так мы и плавали часа два. Это один из самых поразительных случаев в моей жизни.

– И кто это оказался?

– Ламантин, морская корова! Их много во Флориде. Здесь их тоже часто видят у берега, но мне вот больше не довелось. Робин мне до сих пор не верит, говорит, я все придумала.

Тру улыбнулся.

– Я вам верю. И мне нравится ваш рассказ.

– Ну еще бы, в нем же фигурирует животное... Слушайте, пока вы здесь, вам обязательно надо увидеть еще одну уникальную штуку, пока погода не испортилась.

– Какую же?

– Вы должны завтра сходить к «Родственным душам». Это за пирсом, на соседнем острове, но во время отлива можно дойти пешком. Как увидите американский флаг, начинайте плавно сворачивать к дюне – и мимо не пройдете.

– Я что-то не понял про родственные души.

– Пусть это будет сюрпризом. На месте разберетесь.

– Все равно не понимаю.

– Поймете.

Хоуп видела, что ей удалось разбудить в нем любопытство.

– Завтра я собирался порыбачить, если удастся достать наживку.

– Наживка есть в магазине у пирса, но вы успеете и то и другое, – заверила Хоуп. – Отлив начнется часа в четыре.

– Надо подумать. А что вы завтра делаете?

– Привожу в порядок голову и ногти перед свадьбой и хочу поискать новые туфли. В общем, женские заботы.

Тру кивнул и отпил еще глоток вина. На веранде царила атмосфера естественности и спокойствия. Некоторое время они синхронно качались в креслах, любуясь великолепным звездным небом, но когда Хоуп с трудом подавила зевету, она сообразила, что Тру пора идти. Он уже допил свой бокал и будто прочел ее мысли.

– Мне, наверное, пора, – начал он. – День был долгий... Спасибо за вино.

Хоуп понимала, что так будет правильно, но все равно почувствовала разочарование.

– Спасибо за ужин.

Тру отдал ей бокал и направился к калитке. Поставив бокалы на стол, Хоуп последовала за ним. У выхода Тру остановился и обернулся. Хоуп почти физически ощущала исходящую от него энергию, но когда он заговорил, голос прозвучал негромко:

– Вы необыкновенная женщина, Хоуп. Надеюсь, у вас с Джошем все наладится. Ему очень повезло.

Эти слова застали ее врасплох, но Хоуп понимала, что Тру говорил искренне, не осуждая и ничего не ожидая для себя.

– Конечно, у нас все наладится, – сказала она скорее себе, чем ему.

Тру открыл калитку и начал спускаться на пляж. Хоуп немного

проводила его. Скрестив руки на груди, она смотрела, как он идет по настилу к краю дюны. Пройдя около четверти пути, Тру обернулся и помахал ей. Хоуп помахала в ответ. Когда он отошел совсем далеко, она вернулась на веранду. Подхватив бокалы, Хоуп отнесла их в раковину и удалилась в спальню.

Раздевшись, она подошла к зеркалу. Первой мыслью было, что пора худеть, но в целом Хоуп осталась довольна своим видом. Конечно, хорошо иметь гибкое тело, способное украсить спортивный журнал, но она просто по-другому устроена, ей никогда не стать худышкой. Еще девочкой Хоуп мечтала быть немного повыше, хотя бы как сестры, однако, глядя на свое отражение, она думала о том, как Тру смотрел на нее, об интересе к ее словам, о комплиментах ее внешности. Хоуп не хватало мужского внимания, и не только как традиционной прелюдии к сексу. Она пыталась разобраться в своих чувствах и расставить все по местам, но понимала, что это опасная почва.

Отвернувшись от зеркала, Хоуп пошла в ванную умываться. Стянув резинку с волос, она провела по ним расческой, чтобы не запутались к утру. Подойдя к чемодану, взяла пижаму, но, поколебавшись, бросила ее обратно в чемодан и достала из шкафа второе одеяло.

Она терпеть не могла мерзнуть по ночам, поэтому забралась под два одеяла и закрыла глаза, чувствуя себя сексуальной и в кои-то веки находясь в гармонии с собой.

Рассвет и сюрпризы

Утром Тру прошел мимо коттеджа, неся ящик с рыболовными снастями и удочку. На ходу он отметил, что краска на перилах сильно облупилась и некоторые столбики совсем сгнили, но все равно этот коттедж подходил ему куда лучше, чем трехэтажная вилла, слишком большая и чересчур современная. Тру так и не разобрался, как включать кофемашину. Он бы остался доволен и одной чашкой, но уже понял – не судьба.

После рассвета прошел час, и Тру думал, проснулась ли Хоуп. Нельзя было понять, горит ли в коттедже свет, однако на веранде никого не было. Тру поймал себя на мысли о бойфренде Хоуп и покачал головой: о чем только думает этот человек? Несмотря на жизнь в буше, Тру понимал, что на свадебное торжество мужчина просто обязан сопровождать свою женщину, и неважно, ладят они или в ссоре, как выразилась Хоуп.

Тру невольно представил, какая она утром, пока не приведет себя в порядок. Даже с припухшими глазами и растрепанными волосами Хоуп все равно будет красива. Иную красоту ничем не спрячешь. Когда она улыбалась, изнутри нее точно пробивался теплый свет, а слушая ее певучую речь, можно было забыть обо всем на свете. В ее акценте было что-то мягкое и протяжное, напоминающее колыбельную, и когда Хоуп рассказывала об Эллен или описывала ламантина, Тру готов был слушать ее целую вечность.

Хотя небо заволокло тучами, утро казалось теплее вчерашнего. Воздух был очень влажным, ветер усилился. Значит, Хоуп оказалась права насчет дождей в выходные. В Зимбабве перед грозой воздух тоже пронизан почти таким же смутным напряжением.

На пирсе сидели человек десять с удочками. Один мужчина начал быстро сматывать леску – клюнуло. С такого расстояния нельзя было разглядеть, кто попался на крючок, но Тру принял это за добрый знак. Вряд ли стоит оставлять себе улов: холодильник забит едой до отказа, к тому же потрошить и чистить рыбу совершенно не хотелось – нож в ящике оказался тупым, однако сам процесс ловли уже интересен.

Войдя в магазин, Тру увидел, что полки в центральных проходах заняты продуктами и напитками, у задней стены стоит гриль и можно купить горячей еды, а всевозможные снасти для рыбаков развешаны на крючках и стеллажах. У входа стоял кулер с наклейкой: «Наживка». Тру выбрал пару контейнеров с креветками и отнес к кассе. Пришлось уплатить

еще и сбор за разрешение удить с пирса. Забрав сдачу, Тру вышел, отметив, что здесь есть телефонный автомат, и направился на пирс. Солнце порой пробивалось сквозь плотные облака, заливая океанскую гладь ослепительным блеском.

Большинство рыбаков устроились на самом конце, и Тру, рассудив, что они лучше знают, что делают, сел поближе к ним. В отличие от остальных снастей, удочка оказалась почти новой, и, насадив наживку на крючок и прикрепив грузило, Тру приступил к рыбалке.

В углу негромко играла кантри-музыка из радиоприемника. Как ни странно, Эндрю был большим поклонником Гарта Брукса и Джорджа Стрейта, хотя Тру представления не имел, где сын мог их услышать. Когда несколько месяцев назад Эндрю, заговорив на эту тему, встретил недоуменный взгляд отца, то потребовал, чтобы папа послушал «Friends in Low Places». Песня и впрямь оказалась запоминающейся, но ничто не могло повлиять на его преданность «Битлз».

Сознательно или нечаянно Тру выбрал ту сторону пирса, откуда был виден коттедж Хоуп. Он думал о вчерашнем ужине и прогулке, сознавая, что с Хоуп ему весь вечер было удивительно легко. При всей головокружительной страсти к бывшей жене Тру редко чувствовал себя так с Ким: ему всегда казалось, что он ее разочаровывает. Они остались друзьями, но иногда от нее веяло сдержанной досадой, особенно когда дело касалось времени, проводимого с сыном.

Еще Тру понравилось, как Хоуп говорила о подругах и семье – с искренним равнодушием. Она не просто сочувствовала, а сопереживала, а такие люди редкость. Это ощущалось, даже когда разговор шел об Эндрю.

Вспомнив о сыне, Тру жалел, что поторопился с вылетом – все равно он не увидит отца до субботы. Странно, что старик не позвонил с объяснениями, но это раздражало Тру только в связи с Эндрю. Утром он проснулся с острой тоской по сыну и решил обязательно позвонить в Хараре из телефонного автомата в магазине. Звонить наверняка придется за счет вызываемого абонента, но Ким позволит ему вернуть деньги по возвращении. Учитывая разницу во времени и зная, что Эндрю сперва будет в школе, а потом ему нужно сделать уроки, Тру мог спокойно рыбачить еще часа два. Он уже считал дни до понедельника, когда улетит домой.

Да вот только...

Снова взглядевшись в коттедж вдалеке, он улыбнулся, увидев, как Хоуп сходит по настилу, а затем по ступенькам, а Скотти энергично тянет

хозяйку вперед. На пляже она отстегнула поводок, и терьер пустился по берегу радостным галопом. Чаек рядом не было, но пес обязательно их найдет. Наблюдая за ними, Тру гадал, думает ли о нем Хоуп, и надеялся, что вчерашний вечер понравился ей не меньше, чем ему.

С каждым шагом она удалялась от пирса. Силуэт становился все меньше, но Тру по-прежнему смотрел ей вслед, и тут леска дернулась. Он ловко потянул удочку вверх, заглубляя крючок, и леска тут же натянулась до отказа. Тру наклонил удочку вперед и стал крутить катушку, отпуская леску ровно настолько, чтобы не лопнула. Его всякий раз поражало, насколько же сильны рыбы, большие и малые: сплошные мышцы. Сейчас он играл с рыбиной, зная, что в конце концов она выдохнется.

Продолжая крутить катушку, Тру смотрел, как из воды показалась странного вида рыба. Он вытащил ее на пирс, не зная что с ней делать. Рыбина была овальная, плоская, с глазами на спине. Придерживая ее мыском ботинка, чтобы не трепыхалась, Тру взял из коробки плоскогубцы, надел перчатку и начал вытаскивать крючок, стараясь не очень повредить рыбе рот. Сзади послышался голос:

– Вот так камбала! Всем камбалам камбала! Такую стоит оставить.

Подняв глаза, Тру увидел пожилого человека в бейсболке и слишком больших для него футболке и штанах. Передних зубов у него не было, а тягучий, гнусавый акцент, гораздо сильнее, чем у Хоуп, делал знакомые слова почти неузнаваемыми.

– Значит, это камбала?

– А ты будто камбалы не видел?

– В первый раз вижу.

Человек прищурился:

– Откуда же ты такой взялся?

Тру подумал, слышал ли этот человек вообще о Зимбабве, и ответил просто:

– Из Африки.

– Из Африки?! А по тебе так и не скажешь!

Тру вытащил крючок, кинул плоскогубцы в коробку и поднял рыбу, готовясь бросить ее в море. Человек заговорил снова:

– Ты чего это, а?

– Да вот, отпустить хочу.

– А может, мне отдашь? Мне что-то не везет вчера и сегодня, а камбалой я бы с удовольствием поужинал.

Тру, поколебавшись, пожал плечами:

– Конечно.

Мужчина подхватил камбалу и пошел на другой край пирса, где рыбина отправилась в маленький кулер.

– Спасибо! – крикнул он.

– Да пожалуйста...

Тру снова насадил наживку и забросил удочку. Хоуп уже превратилась в смутно различимое пятнышко вдалеке.

Но он все равно узнал ее и долго-долго не мог оторвать от нее глаз.

Хоуп внимательно следила за Скотти, подзывая его всякий раз, как он убегал к дюне, правда, пес и не думал слушаться. Надеяться, что Скотти вдруг начнет выполнять команды, – пустое занятие. Поведение собаки вполне согласовывалось с тем, как все пошло с раннего утра.

Проснувшись, Хоуп услышала, что на кухне звонит телефон. Наспех завернувшись в одеяло, она побежала ответить и сильно ударилась мыском об угол стены. Спросонья ей показалось, что звонит Джош, но уже через секунду она вспомнила про разницу во времени. В трубке буквально захлебывалась рыданиями Эллен, выдавливая отрывочные слова и задыхаясь от слез. Хоуп даже предположила, что свадьбу отменили, и не сразу поняла, что Эллен плачет из-за погоды. Подруга ужасно расстроилась из-за дождя, который должен начаться после обеда и грозит затянуться на все выходные.

Хоуп такая реакция показалась несколько преувеличенной, но Эллен была безутешна, несмотря на все доводы. Правда, Хоуп лишь изредка удавалось вставить слово: телефонный разговор превратился в сорокаминутный слезливый монолог о несправедливости жизни. Подруга все бушевала, а Хоуп, прислонившись к кухонному столу и поджав ногу – палец еще болел, – соображала, заметит ли Эллен, что она отложила трубку, если быстренько сбегать в туалет. Хоуп очень хотелось в туалет, и когда она наконец смогла попрощаться с Эллен, ей пришлось сбросить одеяло и, хромая, добираться до уборной как можно быстрее.

Затем, как будто по велению некоего кофейного божества, ополчившегося на них с Тру, у Хоуп сломалась кофеварка: огонек мигал, но вода не нагревалась. Хоуп уже готова была вскипятить воду и налить ее во вчерашнюю гушу, но Скотти скулил у дверей. Если его не вывести, он сделает лужу. Натянув что под руку попало, Хоуп повела пса на пляж, надеясь спасти утро спокойной прогулкой. Однако со Скотти это оказалось невозможным: терьер уже дважды удирал на дюну по чужим лестницам и настилам, либо погнавшись за кошкой, либо вознамерившись довести хозяйку до сердечного приступа, и приходилось лезть за ним. Но

пристегнуть поводок тоже нельзя, тогда Скотти или будет все время тянуть хозяйку вперед, или надуется, а у Хоуп совсем не было желания это терпеть.

Но, несмотря на все это...

Слушая сетования Эллен по телефону, Хоуп заметила, как Тру прошел мимо коттеджа с удочкой на плече, и невольно улыбнулась. Ей до сих пор не верилось, что они действительно поужинали вместе. Вернувшись мыслями к вчерашнему разговору. Хоуп удивлялась, какой приятный получился вечер и как естественно, легко и непринужденно они общались.

Вот интересно, последует ли он ее совету и сходит ли к «Родственным душам» после рыбалки? Учитывая надвигающийся дождь, завтра будет поздно... Но тогда ведь и она туда не доберется! После укладки и педикюра как раз останется время наведаться к почтовому ящику, и сейчас, гуляя по пляжу, Хоуп решила так и сделать.

Но надо было спешить, иначе она опоздает. В салон в Уилмингтоне ей к девяти, на педикюр в одиннадцать, а еще надо подобрать другие туфли – бордовые лодочки, выбранные Эллен для подружек невесты, немилосердно жали. Ехать, наверное, придется по пробкам... Хоуп сократила прогулку, позвав Скотти и повернув назад. Вскоре пес промчался мимо нее, свесив язык набок. Провожая его взглядом, Хоуп невольно посмотрела на пирс. Там находились люди, но с такого расстояния они все были почти точками. Хоуп стало любопытно, повезло Тру сегодня или нет.

В коттедже она вытерла Скотти полотенцем, наскоро приняла душ и оделась в те же джинсы, блузку и босоножки, что и накануне. Но, посмотрев в зеркало, Хоуп почувствовала, что выглядит иначе – красивее и даже желаннее. Она поняла, что видит себя глазами посторонних – так Тру смотрел на нее вчера вечером, когда они сидели в «Клэнси».

Вместе с этим открытием пришло и новое решение. Пошарив в ящике под телефоном, Хоуп нашла то, что искала. Написав записку, она вышла через заднюю дверь и спустилась на пляж. Поднявшись по соседней лестнице к трехэтажной вилле, она подсунула листок под щеколду на калитке – здесь Тру обязательно найдет записку.

Вернувшись тем же путем, Хоуп подхватила сумку и пошла к двери. Садясь в машину, она глубоко вздохнула, гадая, что-то теперь будет.

Тру не сразу понял намерения Хоуп.

Он видел, как она вышла на веранду спустя минут сорок после прогулки со Скотти и поднялась к большой вилле. Его кольнула досада, что Хоуп пришла с ним увидеться, а его нет на месте, но она остановилась

у калитки. Наверное, колебалась, входить или нет. Буквально через несколько секунд Хоуп вернулась в свой коттедж, и больше он ее не видел.

Странно.

Хоуп не выходила у него из головы. Легко было бы счесть эти чувства за обычное увлечение, вспыхнувшее от безысходности. Ким, без сомнения, поддержала бы эту мысль: с самого развода бывшая жена регулярно спрашивала, нашел ли Тру себе кого-нибудь или нет, и шутила, что он настолько разучился знакомиться, что, пожалуй, влюбится по уши в первую женщину, которая только посмотрит на него.

Однако дело было не в этом. Тру не пылал пламенной страстью к Хоуп и не так уж истосковался по женской ласке, однако он не мог не признать, что находит ее очень привлекательной. По иронии судьбы причиной тому отчасти стала бывшая жена. В свое время он убедился: Ким прекрасно осознает свою красоту и всю жизнь использует ее для собственной выгоды. А Хоуп вела себя совершенно противоположным образом, хотя была не менее красива, чем Ким, и Тру интуитивно тянулся к ней, как порой, заканчивая рисунок, он шестым чувством понимал: вот так должно быть.

Тру знал – не нужно думать о таких вещах, из этого не может выйти ничего хорошего. Не только потому, что в понедельник ему улетать, а Хоуп днем раньше вернется к своей жизни, где у нее есть мужчина, за которого она надеется выйти замуж, пусть сейчас они и в ссоре. И не потому, что с учетом планов на выходные Тру вряд ли увидит ее еще раз.

Почувствовав новый рывок, он поводит рыбу, угадал момент и подсек. После некоторой борьбы, которая его удивила, Тру вытащил на пирс рыбину, не похожую на камбалу, но все равно неизвестную. Пожилой человек в бейсболке снова подошел и встал рядом, когда Тру начал вытаскивать крючок.

– Эх, и здоровенная же мерлуза! – восхитился он.

– Кто?

– Да мерлуза, а может, лобан! Тоже стоит оставить. Вкусная, если с толком приготовить... Я к тому, если вы и ее выбросить решили...

Тру подал ему рыбину, и лобан тоже исчез в кулере.

Дальше на крючок попадалась разная мелочь, и незаметно подошло время звонить Эндрю. Подхватив удочку и ящик со снастями, Тру вернулся в магазин, разменял денег и подошел к телефонному автомату. Дозвониться до оператора международной связи удалось ценой полуминутного ожидания и нескольких скормленных автомату монет, но в конце концов Тру услышал в трубке знакомые длинные гудки.

Ответила Ким, согласившаяся заплатить за международный звонок, и

подозвала к телефону Эндрю. Сын засыпал Тру вопросами об Америке, которую знал в основном по фильмам, и остался разочарован, услышав, что на американских улицах нет постоянных перестрелок, людей в ковбойских шляпах и кинозвезд на каждом углу. После этого беседа перешла в привычное русло. Тру слушал, как Эндрю пересказывает, что успел за последние дни, и от звука детского голоса сжималось сердце – ведь их разделяло полмира.

В свою очередь, Тру рассказал сыну о пляже и описал двух пойманных рыбин, а еще упомянул Скотти и как ходил выручать пса. Они проговорили дольше, чем планировал Тру, – почти двадцать минут, прежде чем в трубке послышался голос Ким, напоминавшей Эндрю, что ему нужно доделывать уроки. Через несколько секунд разговор продолжила уже она:

– Он по тебе скучает.

– Знаю. Я тоже по нему скучаю.

– Ты уже виделся с отцом?

– Нет, – и Тру рассказал о встрече, перенесенной на субботу. Дослушав, Ким кашлянула: – А что там с собакой, которую сбила машина?

– Все оказалось не так серьезно, – ответил Тру и вкратце повторил свой рассказ, случайно упомянув имя Хоуп. Ким тут же среагировала:

– Хоуп?

– Да.

– Женщина?

– Ну, соответственно.

– Я так понимаю, вы нашли общий язык?

– Что заставляет тебя так думать?

– Потому что ты знаешь ее имя, значит, ты с ней говорил, а ты с женщинами уже сто лет не общался. Расскажи мне о ней.

– Да особо нечего рассказывать.

– Вы уже куда-нибудь ходили вместе?

– Почему вдруг это важно?

Не отвечая, Ким рассмеялась:

– Невероятно! Наконец-то ты кого-то встретил, и где – в Америке! Ближе не нашлось? Она в Зимбабве-то бывала?

– Нет.

– Я хочу знать о ней все. А в обмен ни цента не возьму с тебя за этот звонок.

Ким слушала его добрые десять минут, и хотя Тру сделал все возможное, чтобы не выдать своих чувств к Хоуп, он понимал, что Ким улыбается на другом конце провода. Закончив, Тру повесил трубку,

несколько выбитый из колеи этим разговором, и не торопясь пошел по пляжу в обратный путь. Шагая под плотным облачным небом, постепенно принимавшим свинцовый оттенок, Тру удивлялся, как это Ким так быстро и так много поняла. Даже если представить, что она знает Тру лучше, чем кто-либо другой, такая проницательность казалась сверхъестественной.

Женщины – большая загадка.

Поднявшись к террасе за виллой, он с удивлением увидел белый сложенный листок, заложенный за щеколду. Сообразив, что это оставила Хоуп – за этим-то она сюда и поднималась, – Тру отодвинул задвижку, развернул записку и прочел:

«Привет! Я собираюсь сегодня к «Родственным душам». Если не против пройтись за компанию, ждите меня на пляже в три».

Тру приподнял бровь. Да, эту загадку ему не понять.

В доме он нашел ручку и написал ответ. Помня, что у Хоуп на сегодня намечены дела, Тру вышел через переднюю дверь, подошел к коттеджу и вставил листок в дверь, возле ручки. Машины Хоуп на дорожке не было.

Вернувшись в особняк отца, Тру как следует размялся и решил перекусить. Сидя у стола, он смотрел через окно на небо, становившееся все более зловещим, и про себя надеялся, что дождь не начнется хотя бы до вечера.

Эллен рекомендовала не только салон, но и мастера. Сидя в кресле, Хоуп поглядывала в зеркало на женщину по имени Клэр с множеством сережек в ушах, фиолетовыми прядями в угольно-черных волосах и с черным кожаным ошейником со стразами, напоминающим собачий. Образ довершали обтягивающие черные брюки и черная безрукавка. Про себя Хоуп удивлялась: о чем только думала Эллен.

Оказалось, что до переезда в Уилмингтон Клэр работала в Роли, и Эллен была ее постоянной клиенткой. Хоуп все равно побаивалась и помолилась про себя, устраиваясь поудобнее. Спросив насчет длины и стиля, которые предпочитает клиентка, Клэр принялась за работу, продолжая болтать. Когда Хоуп ахнула при виде отстриженных кончиков чуть ли не три дюйма длиной, упавших на пол, Клэр ее успокоила, пообещав, что клиентка останется довольна, и продолжала щелкать ножницами, перескакивая с одной темы на другую.

Хоуп занервничала от такой перемены, но после осветления прядей и укладки вынуждена была признать, что Клэр – настоящий талант. В темно-

рыжих от природы волосах появились более светлые оттенки, словно Хоуп все лето провела на солнце, а новая стрижка подчеркнула достоинства лица так, что лучшего и желать нельзя. Оставив Клэр щедрые чаевые, Хоуп отправилась в маникюрный салон напротив, открыв его дверь ровно в одиннадцать. Маникюрша, вьетнамка средних лет, плохо говорила по-английски, поэтому Хоуп просто указала на бордовый, в тон платья, лак и принялась читать журнал, пока мастер работала над ее ногтями.

Потом она зашла в «Уолмарт» за новой кофеваркой, выбрав самую дешевую: покупка была почти бессмысленной, раз коттедж все равно выставлен на продажу, но Хоуп жить не могла без кофе. Она подумала, что в субботу можно красиво завернуть кофеварку и подарить Эллен на свадьбу с запиской: «Немного б/у», и даже засмеялась при этой мысли. Обойдя несколько магазинов, Хоуп очень обрадовалась, отыскав удобные винно-красные шпильки с ремешком вокруг щиколотки. Стоили они дороговато, но Хоуп все равно сочла, что ей крупно повезло, учитывая, что времени было в обрез. Еще она разорилась на вышитые бусинами белые босоножки на смену старым, в которых ходила. Заскочив в соседний бутик, Хоуп наскоро перебрала вешалки – небольшая шопинг-терапия еще никому не вредила – и в итоге купила со скидкой цветастое приталенное легкое платье с небольшим вырезом, подол которого заканчивался чуть выше колен. Обычно Хоуп не покупала подобные модели – признаться, она вообще практически не покупала платьев, – но это казалось нарядным и женственным, и Хоуп не устояла, хотя и не представляла, куда наденет его.

Обратный путь отнял меньше времени – не так много машин и зеленые светофоры. Миновав равнины, тянувшиеся в низинах вдоль шоссе, Хоуп свернула к съезду на Сансет-Бич и уже через несколько минут остановилась у коттеджа. Подхватив покупки, она поднялась на крыльцо – и увидела в двери листок бумаги. Развернув его, Хоуп узнала собственную записку. У нее мелькнула мысль, что Тру просто вернул ее, ничего не добавив, и она даже растерялась, но, перевернув листок, увидела чужой почерк:

«Буду на пляже в три. С нетерпением жду приятной беседы и открытия тайны, окутывающей «Родственные души». Остаюсь в предвкушении сюрпризов и надежде, что вы станете моим проводником».

Хоуп заморгала, с уважением подумав, что этот Тру умеет писать записки. От таких строк смутно веяло романтикой, и при мысли, что Тру согласился с ней пойти, румянец на щеках Хоуп стал еще ярче.

Едва она открыла дверь, Скотти, виляя хвостом, принялся крутиться у ее ног. Выпустив пса делать свои дела, Хоуп отнесла старую кофеварку в мусорный контейнер, а вместо нее установила новую. Отнеся остальные пакеты в спальню, она подсчитала, что на сборы есть еще час. Волосы уложены, а значит, осталось только достать из чемодана легкую куртку и положить на видное место.

Получалось, что Хоуп больше нечего делать, кроме как отдыхать на диване. Время от времени она вскакивала и смотрелась в зеркало, проверяя, хорошо ли выглядит. Ей казалось, что время тянется ужасно медленно.

Любовное письмо

Без десяти три Тру вышел из дома и спустился на пляж. На улице заметно похолодало. Небо было серым, и с океана дул сильный ветер, поднимавший волны. На пляж выносило обрывки пены, они выкатывались на песок и напоминали перекасти-поле из вестернов, которые Тру в детстве смотрел по телевизору.

Он услышал Хоуп раньше, чем увидел, – она кричала Скотти, чтобы тот не тянул поводок. Тру заметил, что она набросила легкую куртку, а темно-рыжие волосы стали короче, и в них как будто появились проблески. Скотти тянул хозяйку все ближе к Тру.

– Привет! – сказала она, подойдя. – Как ваш день?

– Спокойный, – отозвался он, отметив, что ее голубые глаза, в которых сейчас отражалось серое небо, приобрели какой-то неземной вид. – Утром ходил рыбачить.

– Я знаю, я видела, как вы пошли в ту сторону. Удачно?

– Более-менее, – согласился он. – А вы? Все сделали, что планировали?

– Сделала, но с самого утра ношусь без продыху.

– Волосы выглядят великолепно.

– Спасибо. Мастер отрезала больше, чем я ожидала, но я рада, что вы меня узнали, – Хоуп застегнула куртку, нагнулась и отстегнула Скотти поводок. – Может, вам взять что-нибудь потеплее? Становится холодно, а идти долго.

– Ничего, я не замерзну.

– А, в ваших жилах течет горячая зимбабвийская кровь!

Скотти, обретя свободу, рванул вперед, только песок из-под лап разлетался. Тру и Хоуп пошли за ним.

– Вы, наверное, считаете его неуправляемым, – сказала Хоуп, – но я водила его на занятия для собак. Он просто слишком упрямый.

– Поверю вам на слово.

– Вы мне не верите?

– Отчего же.

– Или вы считаете, я превращаюсь в кисель, когда дело доходит до моей собаки?

– Не уверен, что существует безопасный для меня способ ответить на этот вопрос.

Хоуп засмеялась.

– Пожалуй. Вам удалось поговорить с Эндрю?

– Да. Но мне показалось, я скучаю по нему больше, чем он по мне.

– О, это со всеми детьми. Когда я ездила в летний лагерь, там было так интересно, что я и думать не думала о родителях.

– Буду знать, – отозвался Тру и окинул ее взглядом: – А вы сами никогда не хотели завести детей?

– Постоянно хочу – призналась Хоуп. – Я не представляю себе жизни без детей.

– Вот как?

– Наверное, я просто по натуре наседка. Свою работу я люблю, но жить только ею не готова. Когда сестра родила первую дочку и позволила мне взять ее на руки, я так и поплыла – ну, растаяла. Будто поняла свое предназначение в жизни. С другой стороны, я всегда мечтала об этом, – глаза Хоуп засияли. – Когда я была маленькая, то ходила по дому с подушкой, засунутой под рубашку, играя в беременную, – она засмеялась, вспомнив об этом. – Я всегда представляла себя мамочкой. Отчего-то мысль вырастить внутри себя нового человека, привести его в этот мир и любить с первобытной неистовостью казалась мне очень глубокой. Я сейчас редко хожу в церковь, но мое отношение к детскому вопросу очень близко к чему-то сакральному и духовному.

Тру смотрел, как она заправляет прядь волос за ухо, словно стараясь затолкать подальше болезненную правду. От такой нежности и ранимости ему захотелось обнять Хоуп.

– Но ведь в жизни не всегда бывает так, как мы хотим, да? – Вопрос был риторическим, поэтому Тру ничего не ответил. Спустя несколько шагов Хоуп заговорила снова: – Жизнь не всегда справедлива. Вот недаром же говорят: хочешь насмешить Бога – расскажи ему о своих планах. Но я никак не ожидала, что к этому возрасту все еще буду незамужней и бездетной. Словно моя жизнь где-то задерживается. Все было как у людей: я встретила прекрасного человека, мы строили планы, а потом... ничего. Мы там, откуда начали шесть лет назад. Не живем вместе, не создали семью, даже не обручены, просто встречаемся... – Она покачала головой: – Простите, вам, должно быть, неинтересно.

– Это не так.

– Да нет, ну с какой же стати...

«Потому что ты мне небезразлична», – подумал Тру, а вслух сказал:

– Иногда все, что человеку нужно, – это чтобы его выслушали.

Хоуп обдумывала его слова, пока они молча шли по песку. Скотти, неугомонный, как всегда, убежал далеко вперед, за пирс, вспугивая одну

стаю птиц за другой.

– Наверное, зря я вам это сказала, – пожала плечами Хоуп. – Во мне говорят досада и раздражение. Я просто не могу не думать, что готовит нам будущее... Если бы вы задали мне подобный вопрос в тот момент, когда у нас с Джошем был бы мирный период, я стала бы расписывать, какой он хороший.

Она замолчала. Тру искоса посмотрел на нее:

– А вы спрашивали, хочет он жениться или нет? Заводить детей он собирается?

– В том-то и дело! Говорит, что хочет. Раньше говорил, во всяком случае. Мы редко обсуждаем эту тему, а когда я недавно начала разговор о семье, почти сразу произошел скандал. И теперь, вместо того чтобы пойти со мной на свадьбу Эллен, он укатил в Лас-Вегас с приятелями.

Тру вздрогнул – о Вегасе слышали даже в Зимбабве. Хоуп продолжила:

– Не знаю, может, я сама виновата. Надо было по-другому все преподнести, не доводить до ссоры. В моем описании Джош получается законченным эгоистом, но ведь это не так! Просто иногда кажется, что он не желает взрослеть.

– А сколько ему?

– Почти сорок. А вам, кстати, сколько?

– Сорок два.

– И когда вы сочли себя взрослым?

– В восемнадцать лет, когда ушел с фермы.

– Да, но это произошло не вдруг. Учитывая, что вам пришлось пережить, у вас не было иного выбора.

Они уже дошли до пирса, и Тру заметил, что сваи выступают из воды. Отлив, как и предупреждала Хоуп.

– И что вы будете делать? – спросил он.

– Не знаю, – призналась Хоуп. – Сейчас мне кажется, что мы снова сойдемся и попытаемся продолжить оттуда, где остановились.

– А вы хотите этого?

– Я люблю его, – призналась она. – А он любит меня. Я знаю, что сейчас Джош ведет себя по-свински, но в целом по жизни он просто... замечательный.

Хотя это было ожидаемо, в глубине души Тру не хотел, чтобы Хоуп произносила эти слова.

– В этом я не сомневаюсь.

– Почему?

– Потому что вы по собственной воле встречаетесь с ним уже шесть

лет, — отозвался он. — Из всего, что я о вас знаю, можно заключить, что вы никогда бы так не сделали, не обладай он многими достойными восхищения качествами.

Хоуп остановилась подобрать яркую ракушку, но та оказалась разбитой.

— До чего же мне нравится вас слушать... Выражаетесь как настоящий британец. Никогда еще не слышала фразу: «достойные восхищения качества».

— Прискорбно.

Она выбросила ракушку и засмеялась.

— Хотите знать, что я думаю?

— Что же?

— Мне кажется, ваша Ким сделала ошибку, отпустив вас.

— Очень лестные слова, но она не ошиблась. Вряд ли я гожусь в мужья.

— Вы хотите сказать, что больше не женитесь?

— Я не уделял этой теме сколько-нибудь долгих размышлений. У меня есть работа и Эндрю. Романтические встречи занимают едва ли не последнее место в списке моих приоритетов.

— А какие в Зимбабве женщины?

— Незамужние, вы имеете в виду?

— Ну да.

— Таких единицы, можно сказать, наперечет. Большинство женщин, которых я вижу, уже замужем и приезжают на сафари со своими мужьями.

— Может, вам сменить страну?

— Зимбабве — мой дом. К тому же я никогда не смогу оставить Эндрю.

— Да, это было бы неправильно, — согласилась Хоуп.

— А вы? Вы не думали уехать из США?

— Никогда, — призналась Хоуп. — А сейчас это и невозможно, поскольку отец болен. Да и как это — все бросить и уехать? У меня здесь семья, друзья. Но я очень хочу побывать в Африке. И отправиться на сафари!

— Если поедете, остерегайтесь чар наших гидов. Порой они бывают неотразимы.

— Уже убедилась, — она шутливо толкнула его плечом. — Ну что, готовы к «Родственным душам»?

— Я до сих пор не знаю, что это.

— Это почтовый ящик на пляже, — объяснила Хоуп.

— А кому он принадлежит?

Она пожала плечами:

— Кому угодно. И всем сразу.

– И я должен написать письмо?

– Если захотите, – сказала Хоуп. – Когда я ходила впервые, то писала.

– Давно это было?

Она помолчала.

– Лет пять назад.

– Я думал, вы ходите туда с самого детства?

– Ну, ящик не так давно появился. Кажется, папа говорил, что его установили в восемьдесят третьем, но я могу ошибаться. Я была там всего несколько раз и даже прогулялась в прошлом году на второй день после Рождества, когда только сумасшедший мог на это решиться.

– Почему?

– Потому что снега выпало на пять дюймов! Я единственный раз видела снег на пляже. Мы еще слепили снеговика у крыльца – снимок лежит где-то в коттедже...

– А я никогда не видел снега.

– Что, вообще никогда?

– В Зимбабве снега не бывает, а в Европу я ездил только летом.

– В Роли редко идет снег, но родители возили нас кататься на лыжах в Сноушу в Западной Виргинии.

– Вы хорошо катаетесь?

– Нормально. Никогда не любила мчаться по склонам. Я не рисковый человек, я люблю получать удовольствие, скользя на лыжах...

На горизонте Тру заметил вспышки в клубящихся серых тучах.

– Это что, молнии?

– Наверное.

– Означает ли это, что нам пора повернуть назад?

– Это над морем, сюда не пойдет, – объяснила Хоуп. – Дожди надвигаются с северо-запада.

– Вы уверены?

– Уверена, – сказала она. – Я бы рискнула, если вы не против.

– Хорошо, – кивнул Тру, и они пошли дальше, оставив пирс позади. Вот уже закончился Сансет-Бич и впереди показался Берд-Айленд. Им пришлось пройти у самой дюны, чтобы не замочить ноги. Тру поймал себя на мысли, что не может забыть, как Хоуп шутливо толкнула его плечом. Он все еще ощущал ее прикосновение – точно небольшая волна пробежала по коже, напоминая о себе легким покалыванием.

– Это же почтовый ящик, – удивился Тру.

Они дошли до «Родственных душ». Хоуп следила, как Тру

рассматривает ящик на столбе.

– Я вам так и сказала.

– Я подумал, это метафора.

– Нет, – ответила Хоуп, – настоящий почтовый ящик!

– А кто за ним смотрит?

– Понятия не имею. Вот папа бы вам ответил. Думаю, кто-то из местных. Пойдемте.

Шагая к почтовому ящику, она поглядывала на Тру, всякий раз отмечая ямочку на подбородке и взъерошенные ветром волосы. Сзади Скотти, свесив язык, что-то вынюхивал у подножия дюны, утомившись от бесконечных попыток не позволять птицам садиться на песок.

– Можете позаимствовать эту идею для Зимбабве. Почтовый ящик посреди буша! Как вам мысль?

Тру покачал головой.

– Термиты источат столб меньше чем за месяц, да и не смогут люди носить туда письма или сидеть рядом и читать. Слишком опасно.

– А вы ходите в буш один?

– Только с оружием и только зная, что это безопасно – если мне известно, какие поблизости животные.

– А какие звери самые опасные?

– Зависит от времени, местности и настроения животного. Если вы в воде или у водоема, то крокодилы и гиппопотамы. В буше днем – слоны, особенно в период гона. В буше ночью – львы. Ну, и черные мамбы, эти – в любое время. Очень ядовитые, укус обычно смертелен.

– В Северной Каролине водятся щитомордники, их еще называют медноголовками. Однажды к нам на «скорой» привезли ребенка с укусом, но у нас была антисыворотка, так что он поправился... Стоп, а как это мы свернули на эту тему?

– Вы предложили мне установить почтовый ящик посреди буша.

– Ох, да, – вспомнила Хоуп, хватаясь за ручку ящика. – Ну что, готовы?

– А что, существует какой-то протокол?

– Конечно, – серьезно ответила Хоуп. – Сначала сделайте десять прыжков ноги вместе – ноги врозь, затем спойте «Старое доброе время»^[6], и нужно было принести с собой торт «Красный бархат», который полагается оставить на скамье.

Тру уставился на нее. Хоуп засмеялась:

– Попались! Разумеется, нет никакого протокола. Подходите и читаете то, что лежит в ящике. А если захочется, можете и сами написать.

Открыв дверцу, Хоуп вынула целую стопку писем и принесла ее на

скамью. Тру сел рядом, достаточно близко, чтобы Хоуп чувствовала тепло его тела.

– Давайте я буду читать первая и передавать вам?

– Что ж, последуем вашему предложению, – ответил он. – Приступайте.

Она округлила глаза:

– Приступайте... Достаточно было просто сказать «о'кей»!

– О'кей.

– Надеюсь, вот это хорошее... Я тут иногда читала потрясающие письма.

– Расскажите, какое вам больше всего запомнилось?

Хоуп подумала.

– Ну, вот один человек искал женщину, которую увидел в баре ресторана. Они несколько минут проговорили, а потом приехали ее друзья, и она ушла к ним за столик. Но мужчина понял, что она и есть его единственная. Там была очень красивая фраза, что-то вроде: «Звезды столкнулись, и лучи от их столкновения пронзили мою душу...» Он писал в надежде, что кто-нибудь знает ту женщину и передаст ей, что он мечтает о встрече. В письме были даже имя и телефон.

– И это после двух минут разговора в баре? Больше походит на навязчивую идею.

– Нет, вы бы почитали, как он пишет, – возразила Хоуп. – Очень романтично. Некоторые вещи просто чувствуешь.

Тру смотрел, как она взяла из стопки открытку с «Северной Каролиной», американским военным кораблем времен Второй мировой войны, прочитала и молча отдала ему.

Тру пробежал глазами написанное:

– Это же список покупок для того, кто планирует барбекю!

– Знаю.

– Не понимаю, что здесь интересного.

– И не надо понимать, – ответила Хоуп. – В этом и суть. Алмаз найти нелегко, и кто знает, – сказала она, принимаясь за следующее письмо, – может, это он и есть.

Тру отложил открытку. Хоуп, дочитав, протянула ему письмо. Юная девушка сочинила стихи о своих родителях. Эндрю мог бы такое написать, когда был помладше. Читая, Тру чувствовал бедром движения и прикосновения Хоуп, сидевшей почти вплотную. Когда он закончил, ему была предложена стопка листов, вырванных из записной книжки. Тру не знал, осознает ли Хоуп, что они прикасаются друг к другу, или с головой ушла в мир анонимных авторов и ничего не замечает? Время от времени

она поднимала глаза посмотреть, как там Скотти: птиц вокруг не было, и пес улегся на песок недалеко от воды.

Ниже нашлась новая открытка, затем стопка фотографий с комментариями на обороте, а потом письмо отца своим детям, с которыми он редко общается. В письме было больше обиды и обвинений, чем грусти из-за испорченных отношений, и Тру показалось, что человек вообще не видит своей вины в том, что жизнь так сложилась.

Когда он отложил письмо, Хоуп еще читала свое. В тишине Тру заметил пеликана, пролетевшего над прибрежными волнами. Океан потемнел, став у горизонта почти черным. Поломанные ракушки, оставленные недавним отливом, испещряли гладкий твердый песок. Волосы Хоуп были слегка взъерошены ветром. В сером пасмурном свете она казалась единственным ярким элементом пейзажа.

Она все еще не отдала ему письма, и Тру заметил, что Хоуп перечитывает послание. Послышался тихий всхлип.

– Вот это да, – сказала она наконец.

– Что, опять про столкновение звезд и пронзающие душу лучи?

– Нет. Кстати, вы правы: тот тип, наверное, действительно помешанный.

Тру засмеялся. Хоуп отдала письмо, не прикоснувшись больше к стопке и не сводя глаз со своего спутника.

– Вы же не станете смотреть, как я читаю? – спросил Тру.

– У меня есть идея получше, – объявила она. – Почему бы вам не прочесть это вслух?

Предложение застало его врасплох, но Тру взял письмо, нечаянно коснувшись руки Хоуп, и в сотый раз подумал, как легко и спокойно им в обществе друг друга и как естественно полюбить такую женщину. Может быть, он уже влюбляется в нее и не в силах ничего поделать, чтобы остановиться.

В тишине Тру почувствовал, как Хоуп подвинулась ближе. До него донесся запах ее волос, чистый, сладкий и свежий, как цветы, и он поборол желание обнять ее за плечи. Набрав воздуха в грудь, Тру начал читать выведенные нетвердой рукой строки:

«Дорогая Лена!

Песок в наших часах всю жизнь сыпался немилосердно быстро, но я заставляю себя помнить о благословенных годах, прожитых с тобой, особенно сейчас, когда волна скорби неодолимо тащит меня в пучину горя.

Я стараюсь понять, кто я без тебя. Даже когда я был старым и

неможным, ты помогала мне встречать каждый новый день. Иногда у меня создавалось впечатление, что ты читаешь мои мысли – ты всегда знала, что я хочу или что мне нужно. Пусть у нас и бывали ссоры, но я, оглядываясь на прожитые вместе полвека, могу точно сказать, что мне невероятно повезло. Ты увлекала и воодушевляла меня, и я шел, расправив плечи, потому что рядом шагала ты. Всякий раз, обнимая тебя, я чувствовал, что больше мне ничего не нужно. Я бы отдал все на свете за возможность обнять тебя еще раз.

Я хочу вдохнуть запах твоих волос и сесть с тобой за обеденный стол. Хочу смотреть, как ты жарить курицу, от которой у меня всегда текли слюнки и которую мне запретили есть врачи. Хочу наблюдать, как ты продеваешь руки в рукава синего свитера, который я купил тебе на день рождения, – в нем ты обычно устраивалась рядом со мной по вечерам в маленькой комнате. Я хочу сидеть с нашими детьми, внуками и Эммой, нашей пока единственной правнучкой. «Как вышло, что я так состарился?» – думаю я, обнимая малышку, но, привычно ожидая твоей шутки, не слышу твоего голоса, и это разбивает мне сердце.

Я не умею жить один. Мне не хватает твоей лукавой улыбки и звука твоего голоса. Иногда мне кажется, что ты зовешь меня из сада, но когда я подхожу к окну, там только кардиналовые овсянки, для которых ты заставила меня повесить птичью кормушку.

Я до сих пор кладу туда корм – ради тебя. Я знаю, ты бы хотела, чтобы я это делал. Ты всегда с радостью наблюдала за этими птицами. Я, хоть убей, не понимал, что в них такого, пока продавец в зоомагазине не сказал, что кардиналы создают пары на всю жизнь.

Я не знаю, правда ли это, но хочу верить, что правда. Когда я смотрю на них, совсем как ты раньше смотрела, то думаю про себя, что и ты всегда была моей птичкой, а я – твоей парой. И я безмерно по тебе тоскую.

С юбилеем тебя, дорогая.

Джо»

Дочитав, Тру некоторое время смотрел на письмо: оно произвело на него более глубокое впечатление, чем он хотел показать. Тру помнил, что Хоуп наблюдает за ним, и, повернув к ней голову, поразился открытой, незащищенной природе ее красоты.

– Вот ради таких писем, – тихо сказала она, – я и прихожу к «Родственным душам».

Сложив листок, Тру убрал его в конверт и положил на маленькую

стопку рядом с собой. Глядя, как Хоуп протянула руку к нечитанной почте, он подумал, что среди оставшихся посланий такого больше не попадется. Так и вышло – большинство были написаны серьезно и искренне, но ни одно не тронуло так, как письмо Джо. Они с Хоуп уже поднялись со скамьи и убрали письма обратно в ящик, а Тру все думал об этом человеке: где он живет, как справляется, учитывая преклонный возраст, как смог дойти в эту безлюдную часть практически недоступного острова.

Они направились в обратный путь, изредка перебрасываясь фразами, но в основном молчали. То, как легко было молчать в компании Хоуп, снова напомнило Тру о Джо и Лене, об отношениях, основанных на душевном тепле, доверии и неизменном желании быть вместе. Он гадал: не думает ли Хоуп о том же самом.

Впереди Скотти носился зигзагами от края дюны к воде и обратно. Тучи сгущались, меняя форму, и через несколько минут стал накрапывать дождь. Начался прилив, и чтобы спастись от волн, захлестывавших берег, пришлось идти вдоль дюны, но Тру скоро убедился, что нет смысла даже пытаться остаться сухим. Сверкнули две молнии, одна за другой, ударил гром, и все вокруг словно заволочло мутной пеленой. Мелкий дождичек все усиливался, а через минуту превратился в ливень.

Хоуп с визгом бросилась бежать, но пирс был далеко, и вскоре она снова перешла на шаг. Обернувшись, Хоуп подняла руки.

– Я ошиблась насчет запаса времени! – крикнула она. – Простите!

– Не стоит беспокоиться, – отозвался Тру, подходя к ней. – Да, идет дождь, но на улице не холодно.

– Не просто дождь, – поправила Хоуп, – а настоящий ливень. Но это же приключение, правда?

На мокром от дождя лице поплыла тушь – крошечное несовершенство в женщине, в остальном казавшейся Тру идеалом во всех отношениях. Он не знал, почему она появилась в его жизни и отчего уже стала ему так дорога. Все его мысли были только о Хоуп. Тру не думал о Зимбабве или о том, зачем прилетел в Северную Каролину. Замерев в восхищении перед ее красотой, он вспоминал время, которое они провели вместе, – череду живых, ярких образов. Это был настоящий прилив чувств и ощущений, когда он вдруг понял, что каждый шаг в жизни вел его к ней, что она и есть его конечная и главная цель.

Хоуп тоже застыла на месте. Тру показалось, что она догадалась о его чувствах, но он не знал, ощущает ли Хоуп то же самое. Узнать наверняка было невозможно, но Хоуп не шевельнулась, даже когда Тру все-таки решился положить руку ей на бедро.

Они долго так стояли, и энергия, передававшаяся от одного другому через это простое прикосновение, заставляла кровь бурлить в жилах. Они смотрели друг на друга, время словно остановилось, и наконец Тру медленно-медленно двинулся вперед и наклонил голову. Лицо Хоуп оказалось совсем близко, и тут он почувствовал, как ее рука аккуратно легла ему на грудь.

– Тру... – прошептала Хоуп.

Ее голоса оказалось достаточно, чтобы он остановился. Приличия требовали, чтобы Тру отступил на шаг, но он не мог отодвинуться.

Не в силах была отстраниться и она. Стоя под ливнем, они смотрели друг на друга, и Тру почувствовал, как его захватывает знакомое чувство – властно, неподконтрольно. Внезапно он понял, что влюбился и что такую, как Хоуп, ждал всю жизнь.

Хоуп смотрела на Тру, в голове проносились разные мысли, она старалась не замечать мягкую силу, исходящую от его руки, желание и душевный порыв, чувствовавшиеся в его прикосновении. Хоуп хотелось, чтобы Тру ее поцеловал, но что-то в ней требовало не допустить этого и заставило остановить его.

Она пока не готова.

Наконец Хоуп нехотя опустила глаза, ощущая его разочарование и смирение. Когда будто спустя целую вечность Тру отступил на шаг, она почувствовала, что снова может дышать, хотя его рука и оставалась на ее бедре.

– Нам, наверное, пора возвращаться, – пробормотала Хоуп.

Тру кивнул и убрал руку. Она потянулась за ней, желая взять ее и сжать, и вышло так, что Тру в этот момент немного повернул ладонь, и их пальцы сплелись самым естественным образом. Не успела Хоуп опомниться, как они уже шли по пляжу, держась за руки.

Ощущения были умопомрачительные, хотя Хоуп и понимала – держаться за руки по большому счету ничего не значит. Она и с Тони за руку пошла в кино на другой день после поцелуев на кухне. Тогда этот простой жест призван был показать, что она уже взрослая девушка, но сейчас сплетенные пальцы придавали их прогулке какую-то интимность. Это прикосновение несло в себе обещание еще большей близости, и Хоуп, чтобы не думать об этом, сосредоточилась на Скотти.

Наконец они миновали «Клэнси» и пирс и вскоре остановились у лестницы, ведущей к коттеджу. Только тогда Тру отпустил ее руку. Глядя на него, Хоуп отчетливо поняла, что не может отказаться от того, чтобы

побыть с ним еще.

– А хотите сегодня поужинать в коттедже? Я вчера на рынке купила свежую рыбу.

– Хочу, – сказал Тру. – С удовольствием.

Моменты истины

Едва Хоуп открыла дверь коттеджа, Скотти бросился в прихожую, на секунду остановился и энергично встряхнулся, обдав мелкими брызгами все вокруг. Хоуп кинулась за полотенцем, но пес снова отряхнулся, прежде чем она до него добралась. Хоуп поморщилась: теперь придется протирать стены и мебель! Но сначала – в ванную.

Они договорились встретиться через полтора часа, так что время было. Открыв воду, она стянула мокрую одежду и отнесла в сушилку. Ванна наполнялась быстро, и Хоуп добавила пены. Чувствуя, что чего-то не хватает, она завернулась в полотенце, прошла на кухню и налила себе вина из вчерашней бутылки, а по дороге прихватила из шкафчика свечи и коробку спичек.

Прежде чем лечь в горячую пенную воду, Хоуп зажгла свечи и пригубила вино. Положив голову на край ванны, она подумала, что сейчас все иначе, чем вчера, как-то изысканнее, что ли. Расслабляясь, Хоуп вспоминала тот момент на пляже, когда Тру почти поцеловал ее. Хотя она все-таки остановила его, в этом было что-то, напоминающее сбывшуюся мечту, и ей хотелось заново пережить этот миг. И не столько затем, чтобы вновь почувствовать себя красивой; просто отношения с Тру развивались удивительно ладно и естественно, почти безмятежно. До встречи с ним Хоуп не осознавала, как ей не хватает именно этого.

Она не знала, новое ли это чувство или же оно всегда таилось в ней, затерявшись среди волнений, огорчений и обид на Джоша. Одно было очевидным: эмоциональная турбулентность последних месяцев почти не оставляла сил ухаживать за собой. Спокойные минуты, даже просто возможность расслабиться появлялись так редко... С грустью Хоуп понимала, что даже не очень рада предстоящей встрече с подругами: прежний энтузиазм почему-то пропал.

Общение с Тру открыло ей глаза: Хоуп не хочет оставаться такой, какой была в последнее время. Она желала, как прежде, страстно любить жизнь, с восторгом принимая и обыденное, и необыкновенное. И не когда-нибудь, а прямо сейчас.

Побрив ноги, Хоуп нежилась в ванной, пока вода не начала остывать. Вытершись полотенцем, она потянулась за лосьоном, стоявшим на полке. Растирая его по ногам, груди и животу, Хоуп с наслаждением чувствовала, как кожа становится шелковистой и словно начинает дышать.

Достав новое платье, Хоуп надела его и купленные в городе босоножки. Поколебавшись, она отложила лифчик, решив, что в нем нет необходимости. Несколько провокационно, но не желая думать, что это может означать в дальнейшем, она не надела и трусиков.

Высушив волосы, Хоуп уложила их феном, припоминая, как это делала Клэр. Признав результат удовлетворительным, она занялась макияжем, выбрав тени цвета морской волны, чтобы подчеркнуть цвет глаз. Хоуп нанесла капельку духов и надела хрустальные серьги-капельки, подарок Робин на день рождения.

Наконец она встала перед зеркалом, поправив платье и двумя-тремя движениями взбив волосы. Вообще, Хоуп критически относилась к своей внешности, но сейчас невольно залюбовалась собой.

Отнеся на кухню бокал с остатками вина – за окном по-прежнему бушевала непогода – Хоуп, вместо того чтобы начать готовить ужин, принялась вытирать грязь от Скотти в коридоре и на скорую руку навела порядок в гостиной, взбив подушки и поставив томик Агаты Кристи обратно на полку. Она зажгла свет в гостиной и отрегулировала его яркость, добившись нужной атмосферы. Включив радиоприемник, Хоуп нашла станцию, где играл классический джаз.

На кухне она откупорила еще бутылку вина и поставила в холодильник охлаждаться. Достав желтую тыкву-сквош, цукини и лук, Хоуп быстро нарезала их кубиками и отставила в сторону. Далее настала очередь салата – помидоры, огурцы, морковь и латук. Когда она смешивала все это в деревянной миске, в дверь постучали.

По телу тут же пробежала дрожь.

– Входите! – крикнула Хоуп, переходя к раковине. – Открыто!

Шум дождя на несколько секунд стал громче, затем снова стих, когда дверь закрылась.

– Я сейчас, я скоро, хорошо?

– Конечно, не торопитесь, – ответил Тру из коридора.

Она сполоснула и вытерла руки, достала вино. Разливая его по бокалам, Хоуп подумала, что не помешало бы выставить легкие закуски. В шкафах мало что было, но в холодильнике нашлись греческие оливки. Сойдет. Она выложила пригоршню оливок в маленькую керамическую миску и поставила на обеденный стол. Оставив только свет над плитой, Хоуп взяла бокалы, глубоко вздохнула, обогнула угол и вышла в гостиную.

Тру гладил Скотти, присев на корточки спиной к ней. Он был одет в голубую рубашку с длинным рукавом и джинсы, плотно облегавшие бедра и ягодицы. Хоуп невольно засмотрелась, забыв обо всем на свете, – это

было самое сексуальное зрелище, какое она видела в жизни.

Должно быть, Тру что-то услышал, потому что встал и обернулся с дежурной улыбкой, прежде чем успел что-нибудь разглядеть. Глаза расширились при виде Хоуп в новом образе, у него даже рот приоткрылся. Тру не сразу обрел голос.

– Ты прекрасна, – прошептал он. – Правда.

Тру влюблен – эта мысль вдруг осенила Хоуп, и ей стало невероятно хорошо. В ней появилась необъяснимая уверенность, что они шли к этой минуте с самого начала. Более того, она почувствовала, что хочет, чтобы все случилось, потому что тоже влюблена в него.

Когда Тру наконец опустил взгляд, Хоуп подошла и подала ему бокал вина.

– Спасибо, – сказал он, снова посмотрев на нее. – Я бы пиджак надел, если бы знал... И если бы привез с собой хоть один пиджак.

– Ты прекрасно выглядишь, – заверила она, зная, что не хотела бы видеть его одетым иначе, чем сейчас. – Это другое вино, не то, что вчера. Надеюсь, тоже хорошее.

– Я не привередлив, – сказал Тру. – Уверен, вино отличное.

– Я еще не приготовила ужин – не знала, проголодался ты или нет.

– О, это на твое усмотрение.

– Если хочешь чем-нибудь перекусить, есть оливки.

– Хорошо.

– Они на обеденном столе.

Хоуп понимала, что они старательно обходят главную тему, но от волнения все, что она могла, – не расплескать вино. Глубоко вздохнув, Хоуп прошла в столовую. За окном на горизонте мелькали вспышки, будто в тучах прятались стробоскопы.

Отодвинув стул, она присела. Тру сделал то же самое. Оба смотрели в окно. В горле пересохло, и Хоуп сделала глоток, отметив, что они невольно копируют действия друг друга. Тру поставил бокал на стол, продолжая держать его за ножку, – чувствовалось, что он нервничает не меньше ее. Это показалось странно успокаивающим.

– Я рада, что ты прогулялся со мной.

– Я тоже, – сказал Тру.

– И я рада, что ты здесь.

– Где же мне еще быть?

Зазвонил телефон. Трубка находилась на стене возле Тру, но некоторое время они не сводили друг с друга глаз. Только на втором звонке Хоуп

повернула голову на звук. Можно было дожидаться, когда включится автоответчик, но она подумала о родителях. Поднявшись, Хоуп прошла мимо Тру и сняла трубку.

– Привет, – послышался голос Джоша, – это я.

Внутри у нее все напряглось. У Хоуп не было желания с ним разговаривать. Не сейчас, когда Тру рядом. Не сейчас.

– Здравствуй, – сухо ответила она.

– Не знал, застану ли тебя дома. Думал, может, ты уехала куда.

Язык у него заметно заплетался, и Хоуп поняла, что Джош выпил.

– Я здесь.

– Я только вылез из бассейна. Здесь жарко... Как сама?

Тру неподвижно сидел за столом, совсем рядом.

Глядя, как рубашка обтягивает его торс, Хоуп угадывала мышцы под тонкой тканью, вспоминала его прикосновения.

– Нормально, – небрежно сказала она. – А ты?

– Я отлично, – похвастался Джош. – Выиграл вчера в блек-джек.

– Молодец.

– Как там обстановка? Погода-то хорошая?

– Идет дождь, и обещали дожди на все выходные.

– Наверное, Эллен расстроилась?

– Да, – коротко ответила Хоуп. Повисло неловкое молчание.

– С тобой точно все нормально? – спросил Джош. Хоуп отчетливо представила, как он сейчас нахмурился. – Ты что-то неразговорчива.

– Нормально.

– Ты что, все еще сердишься на меня?

– А как ты думал? – Хоуп с трудом сдержала раздражение.

– Тебе не кажется, что ты кипятишься по пустякам?

– Это не телефонный разговор.

– Почему?

– Потому что такие вещи обсуждают при встрече.

– Не понимаю, почему ты себя так ведешь?

– Значит, ты меня совсем не знаешь.

– Слушай, не разводи мелодраму... – было слышно, как в бокале звякнул лед, когда Джош отпил свой скотч.

– Ладно, мне пора, – перебила Хоуп. – Пока.

Джош начал спорить, но она повесила трубку и мгновение смотрела на телефон. Рука безвольно опустилась и повисла.

– Прости, – со вздохом сказала она Тру. – Не надо было мне вообще подходить.

– Хочешь поделиться?

– Нет.

По радио закончилась одна песня и началась другая – жалобная, заунывная. Хоуп смотрела, как он поднялся из-за стола. Тру оказался совсем близко – Хоуп прижалась к стене, когда он смотрел на нее.

Она встретила его взгляд, не дрогнув. Тру придвинулся еще ближе.

Хоуп знала, что сейчас произойдет. Слова были лишними. Она в который раз подумала, что такого не может быть, но когда Тру оказался к ней вплотную, это вдруг стало реальнее всего, что она знала в жизни.

Еще можно его остановить. Можно и нужно. Через несколько дней между ними окажется полмира, оборвется всякая физическая и эмоциональная связь, ей будет больно, ему будет больно, но...

Она не могла сопротивляться. Уже не могла.

Дождь заливал оконные стекла, в тучах по-прежнему вспыхивали молнии. Рука Тру скользнула по ее спине. Он не отрываясь смотрел в глаза Хоуп, а его пальцы блуждали по ее телу. Ткань платья была такой тонкой и легкой, словно на Хоуп вообще ничего не было. Она подумала, догадался ли Тру, что на ней нет трусиков, и невольно повлажнела внизу.

Он крепко прижал ее к себе, и жар от его тела оказался сильнее, чем могла представить Хоуп. С ее губ сорвался тихий вздох, и она закинула руки ему на шею. Они начали медленно поворачиваться под музыку – Тру чуть заметно покачивался из стороны в сторону. Он улыбнулся, будто приглашая Хоуп в свой мир, и последние сомнения в ней исчезли. Она чувствовала, что хочет этого. Ощувив дыхание Тру на своей шее, Хоуп задрожала.

Он нежно целовал ее уши и щеки, и когда наконец их губы встретились, Хоуп ощутила, как Тру старается сдерживать себя, предоставляя ей последний шанс все остановить. От этого осознания ей стало легко и свободно, и когда он зарылся пальцами в ее волосы, она приоткрыла рот. Их языки соприкоснулись, и послышался слабый стон – Хоуп не сразу поняла, что это она. Тру гладил ее спину, плечи, живот, и от его прикосновений кожу слегка покалывало, как будто крошечными невидимыми иголочками. Он провел пальцем по ее груди, и соски Хоуп напряглись.

Тру стоял вплотную, большой и сильный. Она подняла руку и провела кончиками пальцев по его щеке, заросшей колючей щетиной. Он снова начал целовать ее шею, легонько покусывая, пока Хоуп гладила его по груди. Наконец, взяв Тру за руку, Хоуп повела его в спальню.

Она нашла свечи и зажигала их, заметив в большом зеркале, что Тру

наблюдает за ней. Одну свечу Хоуп поставила на тумбочку, другую – на бюро. По стенам сразу затанцевали тени. Когда она обернулась, они с Тру встретились взглядами и уже не могли оторваться, упиваясь видом друг друга.

Она позволила себе насладиться его желанием и наконец шагнула вперед. Тру тоже двинулся навстречу. Мир между ними стремительно сокращался, и, когда они поцеловались, Хоуп испытала острое удовольствие от влажности и тепла его языка. Вытащив рубашку из-за пояса джинсов, она медленно расстегнула ее, и когда полы разошлись, провела кончиком ногтя по животу и началу бедра. Тело у Тру было гибкое, твердое, мышцы рельефные, и Хоуп стянула с него рубашку, бросив ее на пол.

Припав губами к шее Тру, она нежно покусывала кожу, а сама расстегивала кожаный ремень. Затем пришла очередь джинсов. Когда Хоуп расстегивала молнию, то почувствовала, как его руки ласкают ее груди. Она потянула джинсы вниз. Тру отступил на шаг, снял ботинки, носки, затем джинсы и наконец трусы, оставшись обнаженным. У него было прекрасное тело античной мраморной статуи. Хоуп поставила ногу на край кровати, нарочно расстегивая и снимая босоножку дразняще медленно, потом повторила то же самое с другой ногой. Тру подошел к ней и снова обнял. Кончик языка прошелся по ее уху, когда Тру стянул бретели платья сначала с одного плеча, затем с другого. Платье соскользнуло на пол, собравшись у ног. Обнаженные, они обнялись – кожа Хоуп пылала. Тру нежно провел пальцем по ее спине, и Хоуп выдохнула, когда его рука скользнула ниже: одним плавным движением он подхватил ее и, целуя, понес на кровать.

Тру прилег рядом и ласкал ее груди и живот. Хоуп целовала его, слегка прикусывая нижнюю губу, и глубоко впивалась ногтями в спину, чувствуя себя прекрасной при свете свечей и желанной в его объятиях. Тру медленно провел языком между грудей, затем по животу и вернулся назад. В следующий раз его губы опустились ниже, и Хоуп вцепилась пальцами в его волосы, пока его язык дразнил и возбуждал ее. Она поняла, что уже не может терпеть эту сладкую пытку, и потянула его к себе, прижимаясь еще сильнее.

Тогда Тру лег на нее – от его тела распространялось тепло – и взял за руку, перецеловав по очереди все пальцы. Он покрыл поцелуями ее щеки и нос и снова долго целовал губы, и когда он наконец вошел в нее, Хоуп выгнулась и застонала, чувствуя, что хочет его сильнее, чем когда-либо хотела мужчину.

Они двигались, подстраиваясь друг под друга, стараясь доставить друг другу удовольствие. Хоуп чувствовала, как по телу все чаще пробегают волны усиливающейся дрожи. Когда ее накрыло огромной волной удовольствия, она вскрикнула, но как только ощущение прошло, волна снова начала нарастать. Хоуп достигала пика блаженства снова и снова – это была бесконечная череда наслаждений, и когда Тру наконец разрядился, она изнемогала, мокрая от пота, учащенно дыша в его объятиях. Но даже тогда его руки не переставали гладить ее тело, и Хоуп, глядя на заметно укоротившиеся свечи, отпустила себя и словно куда-то поплыла с отступающей волной, которая только что накрыла их обоих.

Позже они снова занялись любовью, на этот раз медленнее, но с той же страстью. Хоуп испытала еще более острое наслаждение и дрожала от сладостной истомы, когда Тру тоже достиг пика блаженства. Она почти обессилела, но за окнами по-прежнему бушевала гроза, и вскоре Хоуп почувствовала, что в ней снова растет желание. «Третий раз не сможем», – подумала она, но они смогли, и только снова испытав оргазм, Хоуп наконец провалилась в глубокий сон без сновидений.

Она проснулась, когда сквозь окна уже сочился серый свет. По дому разливался аромат кофе. Взяв в ванной халат, Хоуп босиком пошла на кухню, испытывая зверский голод. Только теперь она вспомнила, что накануне вечером они не поели.

Тру сидел за столом, на котором стояла яичница-болтунья и нарезанные фрукты. Одет он был так же, как вчера. При виде Хоуп Тру встал и обнял ее.

– Доброе утро, – сказал он.

– И тебе, – отозвалась она. – Только не целуй меня, я еще зубы не чистила.

– Надеюсь, ты не против, что я приготовил завтрак?

– Это настоящий пир, – искренне сказала Хоуп. – Ты давно проснулся?

– Пару часов назад.

– Ты что, совсем не спал?

– Я проспал достаточно, – пожал плечами Тру. – И разобрался, как работает твоя кофеварка. Налить тебе кофе?

– Обязательно, – она поцеловала его в щеку и села, положив себе яичницу и фруктов. Дождь прекратился, но по небу было видно – передышка временная.

Тру вернулся с чашкой кофе и поставил ее перед Хоуп.

– Сахар и молоко на столе, – сказал он.

– Как ты все это нашел?

– Сам удивляюсь, – сказал он, присаживаясь рядом.

Хоуп думала, как Тру ей дорог и каким естественным кажется это утро.

– А кроме приготовления завтрака, чем ты занимался?

– Сходил в соседний дом и принес полотенце и кое-какие мелочи.

– Зачем тебе полотенца?

– Чтобы насухо вытереть кресла на веранде, – объяснил он.

– Но они все равно скоро промокнут!

– Знаю, – отозвался Тру. – Но я надеялся, у нас будет немного времени.

Она внимательно смотрела на него, поднеся к губам чашку кофе:

– Ты что-то задумал?

Тру взял ее руку и поцеловал в запястье.

– Я люблю тебя, – просто сказал он.

От этих слов, произнесенных вслух, у нее вдруг закружилась голова, и Хоуп поняла, что чувствует к Тру то же самое.

– Я тоже тебя люблю, – пробормотала она.

– Тогда сделай для меня кое-что.

– Что угодно.

– После завтрака попозируешь мне?

– Зачем?

– Хочу тебя нарисовать.

Хоуп, очень удивившись, кивнула в знак согласия.

После завтрака она вышла на веранду, и Тру указал на кресло. Держа чашку кофе обеими руками, она присела, вдруг чего-то застеснявшись.

– Мне ее поставить? – спросила Хоуп, кивнув на чашку.

– Неважно.

– Как ты хочешь, чтобы я села?

Тру открыл альбом.

– Будь собой. Представь, что меня здесь нет.

Это было непросто – с нее еще никогда не рисовали портретов. Хоуп положила ногу на ногу, затем сняла ногу, поставила на пол и положила на нее другую. А что делать с кофе? Она решила отставить чашку, но вместо этого сделала глоток. Выпрямилась, затем села поглубже. Хоуп повернулась к соседнему дому, к океану, затем снова к Тру. Все казалось ей неправильным, но она заметила, что он смотрит на нее с тихой сосредоточенностью.

– Как прикажешь сделать вид, что тебя здесь нет, если ты на меня так смотришь?

– Не знаю, – засмеялся он. – Сам я никогда не позировал.

– Вот уж помог, – поддразнила Хоуп и поджала ногу под себя, стараясь усесться поудобнее и в самом деле немного успокоившись. К счастью, Скотти вышел вместе с ними, и Хоуп стала смотреть на пса, улегшегося под окном кухни.

Тру замолчал и взялся за карандаш, то и дело бросая взгляд то на свою модель, то на рисунок. Хоуп следила за его уверенными движениями, когда он проводил линии или что-то заштриховывал с привычной ловкостью. Иногда, сам того не замечая, Тру прищуривался или хмурился. Отчего-то эта незащищенность, проступившая под привычной уверенностью, вызвала в Хоуп еще более сильное желание.

Когда все вокруг потемнело перед новой грозой, стало понятно: придется прерваться.

– Хочешь посмотреть? Рисунок еще не закончен, но в общих чертах идея ясна.

– Может, после душа, – засомневалась она, вставая с кресла. Тру собрал карандаши, взял альбом и, задержавшись на пороге, привлек к себе Хоуп и поцеловал с огромной нежностью. Она прижалась к нему, вдыхая его запах и в сотый раз гадая, какие таинственные силы свели их вместе.

Вместе

После душа Хоуп сидела на диване рядом с Тру, а он показывал ей незаконченный портрет и листал свой альбом. Она, не торопясь, с восхищением рассматривала его рисунки. Позже, когда дождь немного утих, они рискнули сходить пообедать в кафе на пляже Оушен-Айл и, сидя там, смотрели в окно на разгул стихии.

Когда Хоуп пришло время собираться на предсвадебный банкет, Тру сидел на краешке кровати, глядя на нее. Было что-то особенное в том, чтобы наблюдать за женщиной, которую он всегда находил сексуальной, пока она занималась макияжем. Он чувствовал, что ей нравится его внимание.

Прощаясь на пороге, они долго целовались. Тру крепко прижимал к себе Хоуп и потом долго махал с крыльца вслед машине. Хоуп просила его вечером выгулять Скотти и предложила оставаться в коттедже сколько душа пожелает.

Сходив на виллу за стейком и кое-какими мелочами, Тру приготовил себе поесть в коттедже. Ужиная, он представлял Хоуп среди подруг и думал, поймут ли они по ее лицу, что за последние несколько дней

произошли перемены.

Потом Тру снова принялся за портрет, остановившись, лишь когда ему все понравилось, но откладывать карандаши пока не хотелось, и он начал новый рисунок: как они вдвоем стоят на пляже лицом друг к другу, в профиль к зрителю. В этот раз Хоуп не придется позировать – ему достаточно было просто вспомнить тот миг. Работа спорилась, и прошло несколько часов, прежде чем Тру прервался. Отсутствие Хоуп ощущалось как физическая боль.

Она вернулась к полуночи. Они занимались любовью, но, устав накануне, Хоуп вскоре заснула в его объятиях – Тру услышал, как ее дыхание изменилось, стало ровным. А вот к нему сон не шел. Он понимал, что их время скоро закончится, а ведь с этой женщиной он хотел бы провести остаток жизни.

Тру смотрел в потолок, безуспешно пытаясь придумать решение.

Утром он был молчаливее обычного. Ничего не говоря, Тру долго лежал в постели в обнимку с Хоуп, а она ощущала, как глубокое чувство к нему переполняет все ее существо.

Но это ее пугало, как, наверное, и его. Все, чего ей хотелось, – чтобы эти несколько дней длились вечно, пока время во вселенной не иссякнет, однако часы как будто тикали громче с каждой минутой.

Дождь по-прежнему шел, правда, несильный, но они все равно решили прогуляться по пляжу. Хоуп разыскала в шкафу плащи, и они вывели Скотти на прогулку. Тру и Хоуп шли, держась за руки, и, по невысказанному соглашению, остановились на том месте, где впервые встретились. Тру поцеловал Хоуп и взял ее руки в свои.

– Мне кажется, я хотел этого с той минуты, как увидел тебя.

– Чего хотел? Переспать со мной или влюбиться?

– И того и другого, – признался он. – А ты когда поняла?..

– Насчет постели, пожалуй, когда мы пили вино на веранде, вернувшись из «Клэнси». А что влюбилась, не знала до того вечера, когда ты пришел на ужин. – Она стиснула его руку: – Прости, что я отвернулась, когда ты попытался меня поцеловать в первый раз.

– Не извиняйся.

На обратном пути они зашли на виллу, где временно обитал Тру. Отец оставил на автоответчике сообщение, что заедет между двумя и тремя часами. «Отлично, – подумала Хоуп, – ее как раз не будет». Свадебная церемония состоится в шесть, но подружки невесты собираются раньше – для фотосессии.

Тру провел ее по дому, показывая комнаты (Скотти справился с экскурсией сам), и Хоуп не могла не признать, что интерьер оформлен с бóльшим вкусом, чем она ожидала. Вопреки своему предубеждению, Хоуп вполне могла бы арендовать этот дом на недельку и отлично провести здесь время с подругами. В главной спальне она указала на огромную ванну-джакузи:

– Может, воспользуемся?

Они быстро разделись, побросав одежду и плащи в сушилку. Погрузившись в пенную воду, Хоуп прижалась спиной к Тру, с наслаждением вздохнув, когда он начал мягко водить губкой по ее грудям и животу, рукам и ногам.

Они устроили себе ранний ланч в халатах, пока одежда еще сохла, а потом Хоуп забрала из сушилки вещи, и они с Тру сидели за столом и говорили, пока не пришло время идти в коттедж собираться.

Как и накануне, Тру устроился на кровати и смотрел, как Хоуп укладывает волосы и делает макияж. Надев платье подружки невесты и новые туфли, она покрутилась перед ним:

– Ну, как?

– Потрясающе, – сказал он, и искренность ответа понравилась ей даже сильнее восхищенного взгляда. – Мне ужасно хочется тебя поцеловать, но я не хочу смазать твою помаду.

– А я рискну, – сказала Хоуп, наклонившись к нему. – Если бы у тебя сегодня не было встречи с отцом, я бы пригласила тебя с собой.

– Мне пришлось бы покупать подобающий случаю костюм.

– Готова поспорить, ты очень красив в костюмах, – она погладила его по груди и тоже уселась на кровать. – Волнуешься?

– Не очень.

– А вдруг он мало помнит твою маму?

– Тогда встреча будет короткой.

– Неужели тебе неинтересно, кто твой отец, какой он, как он жил все эти годы?

– Нет.

– Разве так можно? А вдруг отец хочет с тобой общаться?

– Я думал об этом, но вряд ли это так.

– Однако он организовал для тебя перелет в Штаты.

– Я его ни разу в жизни не видел. Если бы отец хотел общаться, объявился бы раньше.

– Тогда зачем ему понадобилась встреча, как ты считаешь?

– Я думаю, – ответил Тру, помолчав, – он хочет объяснить, почему

бросил мою мать.

Спустя несколько минут Тру под зонтом провожал Хоуп до машины, чтобы она не промокла.

– Это покажется глупостью, но я буду по тебе скучать, – сказала она.

– Я тоже, – отозвался он.

– Расскажешь, как пройдет ваша встреча?

– Конечно. И со Скотти погуляю.

– Я не знаю, во сколько вернусь. Наверное, поздно. А ты дождись меня в коттедже. Я не обижусь, если ты заснешь, пока меня не будет.

– Повеселись там хорошенько.

– Спасибо, – ответила Хоуп, садясь за руль.

Хотя она радостно помахала ему, отъезжая, Тру ощутил нехорошее предчувствие, когда машина скрылась из виду, и он долго ломал голову, отчего ему не по себе.

Время с отцом

Решив, что Скотти лучше остаться в коттедже, Тру прихватил альбом и карандаши и вернулся на виллу дожидаться отца.

Он работал над рисунком, где они с Хоуп стоят на пляже. Получалось хорошо. Вскоре Тру занялся мелкими деталями, уже зная, что работа почти готова. Увлечшись, он не сразу услышал стук в дверь.

«Отец».

Поднявшись из-за стола, Тру пересек гостиную и, взявшись за ручку, остановился у двери. Собравшись с духом, он открыл дверь и впервые в жизни увидел лицо отца. К своему удивлению, Тру узнал собственные черты: синие глаза и ямочку на подбородке. Волосы были редкие и белые, с отдельными серыми прядями. Перед ним стоял бледный, слегка сутулый хрупкий человек, который буквально тонул в своей куртке, будто купленной для кого-то гораздо крупнее. Даже сквозь шум грозы Тру слышал хриплое дыхание старика.

– Здравствуй, Тру, – сказал наконец отец, с трудом выговаривая слова. В руке он держал зонт, а на крыльце поставил портфель.

– Здравствуйте, Гарри.

– Можно войти?

– Конечно.

Старик нагнулся за портфелем и замер, вздрогнув от боли. Тру подхватил портфель:

– Разрешите помочь?

– Пожалуйста, – отозвался Гарри. – Чем старше я становлюсь, тем дальше кажется земля.

Тру подхватил портфель, пропуская вперед отца, который медленной шаркающей походкой прошел в гостиную и направился к окну. Тру подошел и встал рядом так, чтобы видеть отца боковым зрением.

– Надо же, какая непогода, – удивлялся Гарри. – Но на материке еще хуже. Чертовски долго добирался, шоссе почти превратилось в реку... Водитель столько объезжал...

Это было скорее замечание, чем вопрос, поэтому Тру ничего не сказал. Он пристально рассматривал отца, словно получив возможность заглянуть в будущее. «Вот так, – думал он, – и я буду выглядеть, если доживу до его лет».

– Тебе понравился дом?

– Большой, – отозвался Тру, вспомнив, как Хоуп охарактеризовала его при первой встрече. – Но очень красивый.

– Я построил его несколько лет назад. Жена мечтала о вилле у океана, но мы тут почти не жили. – Он дважды судорожно, с хрипами вздохнул и заговорил снова: – Еды в холодильнике хватило?

– Более чем, – ответил Тру. – Много останется, когда я уеду.

– Ничего, об этом позаботится уборщица. Рад, что все доставили вовремя. Я сначала не подумал про еду, вспомнил, когда ты был уже в воздухе, но уже мало что мог – в отделении интенсивной терапии звонить запрещено. Я попросил дочь взять это на себя, она связалась с управляющим, и он принял доставку...

Слова превратились в шум, в сознании фиксировались только некоторые: жена, отделение интенсивной терапии, дочь... Тру никак не мог сосредоточиться. Хоуп была права, предсказывая, что эта встреча покажется чем-то нереальным.

– Понятно, – только и смог сказать он.

– Еще я хочу извиниться, что не обеспечил тебя машиной, а прислал водителя. Самому тебе было бы удобнее...

– Никаких проблем, я бы все равно не придумал, куда отправиться. Вы сказали, что лежали в интенсивной терапии?

– Меня отпустили из больницы вчера. Дети отговаривали ехать, но я не мог упустить возможность познакомиться с тобой.

– Не хотите присесть? – вежливо спросил Тру.

– Пожалуй, придется так и сделать.

Они пересекли гостиную и подошли к большому обеденному столу, где Гарри буквально упал на стул. В сером свете, сочившемся из окон, он выглядел еще более изможденным, чем на крыльце. Тру присел рядом.

– Могу я узнать, по какой причине вас положили в больницу?

– Рак легких. Четвертая стадия.

– Боюсь, я не очень разбираюсь в раке.

– Терминальная, – пояснил Гарри. – Врачи дают мне пару месяцев. Возможно, чуть больше или чуть меньше. Все в руках Божьих... Диагноз мне поставили весной.

Тру стало грустно, но он как будто слышал неважные новости от незнакомца, нежели от родственника.

– Мне жаль это слышать.

– Благодарю, – отозвался Гарри и, несмотря на невеселую тему, улыбнулся: – Я ни о чем не жалею. Я прожил хорошую жизнь, и мне, в отличие от многих, выпал шанс проститься... А в твоем случае так даже

поздороваться... – Он вынул из кармана пиджака платок и долго кашлял в него, после чего с трудом вздохнул. Было слышно, что в груди много мокроты. – Я хочу сказать тебе спасибо за то, что приехал. Посылая билеты, я не был уверен, что ты согласишься прилететь.

– Вначале я не хотел приезжать.

– Но любопытство пересилило?

– Да, – признался Тру.

– Вот и у меня тоже, – сообщил Гарри, – как только я узнал о твоём существовании. Я и не подозревал до прошлого года.

– Но встретиться вы захотели не сразу?

– Нет.

– Почему?

– Не хотел осложнять твою жизнь, да и свою тоже.

Ответ был честным, но Тру не знал, как на это реагировать.

– А как вы обо мне узнали?

– Долгая история, но я постараюсь покороче. Моего давнего знакомого Фрэнка Джессапа волею судьбы занесло в наш городишко. Видеть я его не видел почти сорок лет, но связь мы кое-как поддерживали: открытки на Рождество, изредка письмо-другое. В общем, за ланчем он завел разговор о твоей матери и проговорился, что у нее, по слухам, родился ребенок меньше чем через год после моего отъезда из Родезии. Он не утверждал, что сын от меня, но мне показалось, что он склоняется к этому. Мысль о подобной возможности не давала мне покоя, и в итоге я нанял частного детектива. Расследование заняло немало времени – многие люди до сих пор боятся говорить о твоём деде, он и мертвый внушает страх, а какой ад творился тогда в Родезии, тебе рассказывать не надо, так что с записями там тоже беда. Но детектив, как оказалось, не даром ел свой хлеб, и в конце концов я отправил человека в сафари-лодж в Хванге. Он тебя сфотографировал, и как только я увидел снимки, необходимость в других доказательствах отпала. У тебя мои глаза, хотя лицом ты больше похож на мать.

Тру отвернулся к окну и долго не нарушал повисшую тишину. Он думал об услышанном.

– Что вы имели в виду, говоря, что не хотели осложнять мою жизнь? – спросил Тру наконец.

Гарри ответил не сразу.

– Есть расхожее мнение, что правда решает все проблемы, но я достаточно давно живу, чтобы знать – это ерунда. Иногда от правды больше вреда, чем пользы.

Тру молчал, понимая, что разговор наконец зашел о главном.

– Об этом я и раздумывал с зимы. Узнав, что ты согласился прилететь, я задался вопросом: о чем тебе рассказать. Есть некоторые... аспекты прошлого, которые тебе будет неприятно слышать, а кое о чем ты, наверное, предпочел бы вообще не знать. Так что теперь тебе решать: хочешь ли ты знать всю правду или лишь избранные места. Но только учти, что я со своими знаниями не проживу до глубокой старости. Мое сожаление долго не продлится по понятным причинам.

Тру сложил ладони вместе, обдумывая вопрос. Туманные намеки и осторожные фразы разбудили в нем любопытство, но предупреждение останавливало от быстрого ответа. В самом деле, нужно ли ему знать все? Молча он поднялся из-за стола.

– Я принесу воды, хотите?

– Я бы выпил горячего чая, если нетрудно.

– Конечно, – согласился Тру, затем разыскал чайник в одном из шкафов, налил воды и поставил на конфорку. В другом шкафу нашлись чайные пакетики. Вскоре чайник засвистел, и Тру заварил чаю и принес чашку отцу.

Все это время Гарри ничего не говорил. Как и Тру, он не был склонен заполнять паузы светским разговором. Интересно.

– Ну что, решил? – спросил он.

– Нет, – отозвался Тру.

– А что ты вообще хочешь узнать?

«Я хочу узнать о своей матери», – подумал Тру, но, сидя рядом с этим стариком, он неожиданно для себя попросил:

– Для начала расскажите о себе.

Гарри почесал родимое пятно на щеке.

– Хорошо. Родился я в 1914 году в Колорадо. Не поверишь – в дерновой хижине. Есть три старшие сестры. Когда я был юнцом, началась Великая депрессия. Время было трудное, но моя мать, учительница, всегда говорила о важности образования. Я поступил в Колорадский университет и закончил с парой дипломов. Затем пошел в армию. Я вроде писал, что служил в Инженерном корпусе?

Тру кивнул.

– Сначала работа была штатская, но потом началась война. Я побывал и в Северной Африке, и в Италии, и в Европе. Сперва в основном занимались подрывами, но уже в конце сорок четвертого и весной сорок пятого, при Монтомери, начали строить мосты. Союзные войска быстро продвигались вглубь Германии, а там много естественных водных преград, тот же Рейн...

В войну я подружился с одним инженером из британских частей. Он вырос в Родезии, у него там оставались знакомые. Этот человек рассказал мне о шахтах и полезных ископаемых, которые так и ждут, чтобы их начали добывать, поэтому после войны я поехал с ним туда. Он помог мне получить работу на шахте Буштик. Я уже проработал там несколько лет, когда встретил твою маму.

Гарри сделал глоток чая. Тру видел, что старик взвешивает, сколько рассказывать.

– Потом я вернулся в Штаты. Начал работать в «Эксоне», там и познакомился с будущей женой на рождественской вечеринке. Люси была сестрой одного из руководителей, мы понравились друг другу, начали встречаться, поженились, завели детей. Я много лет работал в разных странах: некоторые безопасные, другие так себе. Люси с детьми либо отправлялись со мной, либо оставались дома. Семейный, можно сказать, подряд, всячески способствовавший моей карьере. Я проработал в «Эксоне» до самой пенсии, в итоге стал одним из вице-президентов компании и нажил состояние по ходу дела. В Северную Каролину мы переехали одиннадцать лет назад – Люси здесь выросла и захотела вернуться домой.

Тру во все глаза смотрел на отца, думая о своих новоявленных родственниках, которых Гарри завел уже после Африки.

– А сколько у вас детей?

– Трое. Два мальчика и девочка, всем уже за тридцать. В ноябре, если я доживу, мы с женой отметим сорок лет брака...

Тру отпил воды.

– Вы хотите что-нибудь узнать обо мне?

– Вот о тебе я как раз знаю много. Детектив постарался.

– Значит, вам известно, что у меня есть сын, ваш внук?

– Да.

– У вас нет желания с ним познакомиться?

– Есть, – ответил Гарри, – но это, наверное, не самая удачная мысль. Я для него чужой человек, к тому же умирающий. Не знаю, нужно ли ему это знакомство.

Тру подумал, что старик, пожалуй, прав. Но все же...

– Однако ко мне у вас другие чувства. Ситуация аналогичная, но вывод вы делаете иной?

– Ты мой сын.

Тру снова отпил воды.

– Расскажите мне о моей матери, – попросил он.

Гарри немного опустил голову и заговорил тише:

– Она была очень красива. Одна из самых красивых женщин, которых я знал. Намного моложе меня, но вместе с тем... умная, развитая и достаточно зрелая для своих лет. Твоя мать могла часами говорить о поэзии и искусстве, в которых я тогда вообще не разбирался, да еще так горячо и эрудированно... У нее был замечательный смех: слушаешь и тоже начинаешь смеяться. Я влюбился в нее в первый же вечер знакомства. Она была... необыкновенной.

Он вытер рот платком.

– Мы много общались: твоя мать училась в университете, а у нашей шахты была там лаборатория. Мы виделись, когда хотели. Я тогда головы не поднимал от работы, но мы все равно находили время. Помню, она всюду носила с собой томик Йейтса, и сколько же раз мы читали друг другу стихи вслух... – Гарри замолчал, задыхаясь. – Она обожала помидоры и ела их с чем угодно, причем не солила, а посыпала сахаром. Любила бабочек. Считала Хамфри Богарта в «Касабланке» самым сексуальным мужчиной в мире. С тех пор я начал держать сигарету, как он, – указательным и большим пальцами.

Гарри медленно крутил на столе чашку с чаем, глубоко задумавшись.

– Я научил ее водить машину – до нашего знакомства твоя мать не умела, я еще удивился: как так, ведь она выросла на ферме... Постепенно начало проступать кое-что еще. У нее, с виду такой красивой и самостоятельной, в душе жила глубоко укоренившаяся неуверенность в себе. Причину я не понимал. Мне казалось, у твоей матери есть все, о чем я мог только мечтать, но чем дольше длилось наше знакомство, тем больше тайн открывалось. Я долго практически ничего не знал об ее отце и его безграничном влиянии в тех местах – твоя мама о нем почти не говорила. Уже ближе к концу наших отношений она взяла с меня слово забрать ее с собой, когда я уеду в Штаты. То, как она умоляла, навело меня на мысль, что это продиктовано скорее желанием вырваться из Родезии, чем пламенной любовью ко мне. Твоя мать отказывалась знакомить меня со своим отцом и не приглашала на ферму. Мы всегда встречались в каких-нибудь укромных местах. Странно, она ни разу не назвала его ни отцом, ни папой, а только Полковником. В результате я мало-помалу стал интересоваться...

– Чем?

– Вот как раз сейчас тебе нужно ответить, хочешь ли ты знать всю правду или нет. Последняя возможность.

Тру кивнул:

– Продолжайте.

– Когда твоя мать понемногу начала говорить о Полковнике, она будто описывала двух разных людей. То она его обожала и всячески подчеркивала, как они жить друг без друга не могут, то кричала, что ненавидит его. Говорила, что он злой, дурной, как ей хочется убежать далеко-далеко и никогда больше не видеть его. Я не знал, что происходило в доме, пока она росла, и не особо лез ей в душу, но когда твой дед узнал о нас, твоя мать не на шутку запаниковала. Она прибежала ко мне в истерике и лепетала сквозь слезы, что нам немедленно нужно бежать из страны, потому что Полковник в ярости. Она даже не давала мне времени на сборы, вот как. Я ее успокаивал, но без толку, а когда она поняла, что я не собираюсь никуда уезжать, то убежала. Больше я ее не видел. Я даже не подозревал о беременности. Может, скажи она мне об этом, все было бы по-другому... Я как минимум вернулся бы за ней и помог уехать. Жаль, шанса не представилось.

Гарри стиснул пальцы, будто собираясь с силами.

– Ночью они пришли в мой дом – несколько мужчин. Здорово избили, надели мешок на голову и бросили в кузов грузовика. Отвезли в какой-то дом с подвалом и сбросили туда – не успел я опомниться, как уже летел по ступенькам вниз. Я приложился головой и потерял сознание, а когда очнулся, вокруг пахло сыростью и плесенью, а я был пристегнут наручниками к каким-то трубам. Больно было не по-детски – при падении я вывихнул плечо.

Гарри несколько раз втянул воздух, словно набирая полную грудь для последнего рывка.

– Когда наконец сняли мешок, в лицо мне светил электрический фонарик. Я ничего не видел, моргал, как сова. Передо мной был Полковник. Он предложил мне выбор: либо утром уехать из Родезии навсегда, либо сдохнуть в подвале, прикованным к трубам, от голода и жажды. – Гарри повернул голову к сыну: – Я был на войне, я видел ужасные вещи. У меня «Пурпурное сердце» за ранение, я попадал в такие переделки – до сих пор удивляюсь, как только жив остался, но так страшно мне не было никогда. Передо мной стоял опытный хладнокровный убийца, это было ясно по голосу. На следующий день я сел в машину и гнал, не останавливаясь, пока не добрался до границы с ЮАР. Оттуда улетел в Штаты... Больше я не видел твою маму и не говорил с ней.

Гарри сглотнул.

– Я всю жизнь живу с осознанием, что поступил как трус – оставил ее с этим человеком, исчез из ее жизни. Не было дня, чтобы я не пожалел об

этом. Я люблю свою жену, но никогда не питал к ней той глубокой, жгучей страсти, как к твоей матери. Я бросил Эвелин – хуже я за всю жизнь поступка не совершил, но пойми, знай я о тебе, все могло повернуться по-другому... Конечно, это всего лишь слова и ты меня не знаешь, но это правда. Мне очень жаль, что все в итоге вышло так, а не иначе.

Тру ничего не сказал. Услышанное вполне согласовывалось с тем, что он помнил о деде, и вызвало в нем отвращение, смешанное с пронзительной, горькой скорбью по матери и жалостью к человеку, сидевшему перед ним.

Гарри показал на портфель:

– Дай мне его, пожалуйста.

Тру принес портфель, положил его на стол и наблюдал за отцом.

– Я хочу тебе кое-что отдать, – сказал Гарри. – Положил в свой баул, когда уезжал из Родезии, а за столько лет совершенно забыл. Но при виде твоей фотографии вспомнил и отправил одного из сыновей на чердак за баулом. Если бы ты не приехал, я бы отправил его тебе по почте.

Из портфеля появился конверт и стопка альбомных листов, пожелтевших по краям.

– В Родезии у меня был приятель, заядлый фотограф, не расставался с камерой. Здесь пара снимков, где мы с Эвелин вместе, но в основном он снимал твою маму. Убеждал ее стать моделью.

Тру взял протянутый конверт. Всего фотографий было восемь. На первой мать и отец сидели у реки, весело смеясь. На второй смотрели друг на друга, снятые в профиль, – почти в таком же ракурсе Тру нарисовал Хоуп и себя. Далее шли фотографии Эвелин в разных нарядах и позах на фоне белой стены, как снимали в конце сороковых. При виде матери у Тру перехватило дыхание: его вдруг захлестнуло ощущение огромной потери, которого он прежде не испытывал.

Потом отец подал ему рисунки. Первый оказался автопортретом Эвелин в зеркале: несмотря на красоту лица, густо заштрихованные тени делали ее похожей на призрака. Дальше шел автопортрет со спины – Эвелин сидела, повернув голову и глядя через плечо (наверное, рисовала с фотографии). Было еще три автопортрета и несколько пейзажей вроде тех, что Тру рисовал для Эндрю. На одном он узнал семейную усадьбу, какой она была до пожара, – с внушительными колоннами вдоль террасы. Тру и забыл, как выглядел дом...

Когда он наконец отложил рисунки, Гарри кашлянул, прочищая горло.

– Мне казалось, с ее талантом можно открыть студию, но рисование ей было неинтересно. Эвелин говорила, что рисует, чтобы забыться. Я тогда

не знал, как это понимать, но много дней наблюдал за ней, пока она рисовала. У Эвелин была милая привычка облизывать губы за работой, и она не бывала полностью довольна тем, что получилось. По ее мнению, все ее работы были незаконченными.

Тру задумчиво отпил воды.

– А мама была счастлива? – спросил он наконец.

Гарри выдержал его взгляд.

– Не знаю, что ответить. Хочется думать, что была, пока мы оставались вместе, но...

Он не договорил. Тру думал о недосказанном, о словах, так и не прозвучавших. Что на самом деле происходило в доме, где выросла его мать?

– Если ты не против, я бы хотел задать тебе вопрос, – сказал Гарри.

– Пожалуйста.

– Тебе чего-нибудь нужно от меня?

– Не уверен, что я понял вопрос.

– Ты бы хотел общаться? Или предпочтешь, чтобы я снова исчез из твоей жизни? Повторюсь, мне немного осталось, но все-таки столько лет прошло... Лучше дать тебе возможность самому принять решение.

Тру обдумывал слова Гарри, глядя на него.

– Да, – ответил он, к своему удивлению. – Я бы хотел иметь возможность еще поговорить с вами.

– Хорошо, – кивнул отец. – А с другими моими детьми, с женой? С ними ты хочешь познакомиться?

Тру покачал головой.

– Нет, – сказал он, – разве что они сами захотят. Фактически мы чужие люди, и я, подобно вам, не хочу усложнять чью-либо жизнь.

На это отец чуть улыбнулся.

– Что ж, справедливо. Но я хочу попросить тебя об услуге. Если не захочешь, откажись.

– Слушаю.

– У тебя нет с собой фотографии моего внука?

Гарри пробыл в доме еще сорок минут. Он сказал, что жена и дети поддержали его решение познакомиться с Тру, несмотря на общее замешательство, вызванное неожиданным появлением пришельца из прошлого, которое было у отца еще до них. Когда Гарри добавил, что ехать до Шарлотта долго и родные будут беспокоиться, Тру понял – ему пора. Он поднял портфель и раскрыл над отцом зонт, пока они сходили по

ступеням крыльца к ожидавшей машине.

Тру постоял, пока машина не скрылась из виду, и пошел в коттедж выпустить Скотти. Несмотря на непогоду, он решил прогуляться по пляжу, не в силах сидеть в четырех стенах.

Да, встреча получилась, мягко говоря, неординарной. Тру не предполагал, что отец окажется семейным человеком и верным мужем, прожившим четыре десятка лет с одной женщиной. Не ожидал он услышать и то, что Гарри вынужден был бежать из страны из-за Полковника. Шагая по песку, Тру не мог справиться с растущим отвращением к человеку, которого в детстве уважал больше всех.

А тут еще и родня, о которой он решительно ничего не знает, – сводные братья и сестра. Хотя Тру отказался от знакомства, он невольно задался вопросом: какие они? Вряд ли у кого-то из них возникала нужда уходить из дома в восемнадцать лет... Тру представил, как сложилась бы жизнь, если бы мать и отец остались вместе, но это уже были пустые домыслы, и он скоро бросил это занятие.

Глядя на высокие буруны у берега, Тру осознавал, что большое количество вопросов по-прежнему остались без ответа. Многого он так и не узнает. Даже в истории матери кое-что осталось неизвестным. Все, что Тру теперь знал, – ее короткая жизнь оказалась еще более трагичной, чем он представлял, и если Гарри принес ей хоть немного радости, Тру был только счастлив.

Жаль, что эта встреча не состоялась несколько лет назад – тогда они с отцом успели бы узнать друг друга получше, но судьба решила так, а не иначе. Когда начало смеркаться, Тру повернул обратно. Он шел медленно, рассеянно поглядывая на Скотти, точно неся на плечах бремя сегодняшних открытий и невысказанных сожалений. Когда Тру дошел до дома, почти стемнело. Он оставил Скотти на веранде, а сам принял душ и переоделся в сухое. Собрав фотографии и рисунки, оставленные ему отцом, Тру пошел в коттедж.

Сидя за кухонным столом, он вновь и вновь пересматривал фотографии и рисунки, жалея, что Хоуп нет рядом. Она подсказала бы ему смысл происходящего, без нее Тру не находил себе места. Чтобы успокоиться, он снова взялся за двойной портрет. Дождь лил с прежней силой, в небе сверкали молнии, словно вторя тому, что творилось на душе у Тру. На ум невольно приходили странные параллели между ним и отцом.

Гарри оставил юную возлюбленную в Родезии и вернулся в Америку. Через пару дней Тру предстоит вернуться в Африку, оставив Хоуп в Штатах. Отец и мать не нашли возможности быть вместе, но Тру хотелось

верить, что у них с Хоуп сложится иначе. Он мечтал прожить с ней всю жизнь и, продолжая рисовать, думал, как это можно устроить.

Измученный, Тру не понял, что Хоуп вернулась со свадьбы, пока она не легла рядом на кровать. Было уже за полночь. Он обнял ее и почувствовал жар ее кожи. Ничего не говоря, Хоуп начала его целовать. Он ответил на ласки, а когда они занялись любовью, ощутил на губах соленый вкус ее слез. Но Тру ничего не сказал – он и сам едва не плакал при мысли о том, что готовит им завтра. После Хоуп прильнула к нему и заснула, положив голову ему на грудь.

Обнимая ее, Тру прислушивался к ровному дыханию Хоуп в надежде успокоиться, но это не помогало. Так он и лежал в темноте, глядя в потолок и отчего-то чувствуя себя невероятно одиноким.

Завтра больше не будет

Тру проснулся на рассвете, когда в окно пробивался тусклый утренний свет, и потянулся к Хоуп, но ее половина кровати была пуста. Приподнявшись на локте, он протер глаза, удивленный и немного разочарованный. Тру надеялся провести утро, нежась в постели с Хоуп, шепча ей ласковые слова, занимаясь любовью и не думая, что это их последний день вместе.

Поднявшись, он натянул джинсы и рубашку, в которых ходил накануне. На подушке Тру заметил следы размазанной туши – напоминание о ночных слезах, и его захлестнул страх при мысли потерять Хоуп. Он хотел побыть с ней хотя бы еще день, неделю, год. Хотел много лет, целую жизнь и готов был сделать все, что ей нужно, лишь бы они остались вместе.

Идя на кухню, Тру повторял про себя то, что намеревался сказать Хоуп. На кухне пахло кофе, но, к его удивлению, Хоуп там не оказалось. Налив себе чашку, Тру обошел дом, заглядывая в гостиную и в большую комнату, но тщетно. Наконец он увидел ее на веранде – Хоуп сидела в кресле-качалке. Вчерашний дождь закончился, она смотрела на океан. Тру снова подумал, что это самая красивая женщина, какую он видел в жизни.

На пороге он на секунду остановился, но тут же распахнул дверь и вышел на крыльцо.

Хоуп обернулась на шум и попыталась улыбнуться, но глаза у нее были красные. Нежная печаль на ее лице заставила Тру задаться вопросом: сколько же она сидит здесь наедине со своими мыслями и обдумывает сложившуюся ситуацию.

– Доброе утро, – тихо сказала Хоуп.

– Доброе.

Они поцеловались, и Тру вдруг почувствовал в ней нерешительность, которой не ожидал. Заготовленные речи сразу утратили актуальность: у него возникло ощущение, что Хоуп уже не готова их слушать. Что-то изменилось, понял Тру и ощутил неприятный холодок внутри, хотя и не знал что.

– Я тебя не разбудила? – спросила Хоуп.

– Нет, я не слышал, как ты ушла.

– Я старалась потише, – как-то механически сказала она.

– Я удивлен, как ты вообще проснулась так рано, учитывая, во сколько

ты вернулась.

– Сон не шел. – Отпив кофе, Хоуп продолжила: – А ты выспался?

– Не очень, – признался Тру.

– Вот и я тоже. Я проснулась в четыре. – Она показала чашкой на второе кресло. – Я его протерла, но ты лучше вытри еще раз на всякий случай.

– Хорошо.

Взяв полотенце, которое Хоуп оставила на сиденье, Тру еще раз прошелся по деревянным дощечкам и присел на край. В душе у него все кипело. Впервые за несколько дней на небе показались голубые просветы, хотя толстое одеяло белых облаков по-прежнему висело над водой напоминанием об отступающей непогоде. Хоуп снова повернулась к океану, будто не в силах смотреть на Тру.

– Когда ты проснулась, дождь шел? – спросил он, нарушив тишину. Тру понимал, что этот разговор ни о чем, но не знал, что еще делать.

Хоуп покачала головой:

– Нет, дождь закончился еще ночью. Вскоре после того как я приехала.

Он немного передвинул кресло, развернувшись к Хоуп, ожидая, что она сделает то же самое, но девушка не шевельнулась и ничего не сказала. Тру кашлянул.

– Как прошла свадьба?

– Прекрасно, – отозвалась Хоуп, по-прежнему не глядя на него. – Эллен вся сияла и была гораздо спокойнее, чем можно было ожидать, учитывая ее позавчерашний звонок.

– Дождь не испортил торжества?

– Церемонию провели на веранде. Гостям пришлось встать вплотную, но от этого получилось даже уютнее... А праздник прошел идеально: и еда, и оркестр, и торт... Славно повеселились.

– Я рад, что все так хорошо прошло.

Хоуп некоторое время о чем-то думала и наконец повернулась к Тру:

– Как твоя встреча с отцом? Я только об этом и думала с момента отъезда.

– Встреча оказалась... – Тру замялся, подыскивая нужное слово, – интересной.

– И какой он?

– Не такой, каким я его представлял.

– Как так?

– Я ожидал увидеть какого-то негодяя, донжуана, а он совсем другой. Ему семьдесят с лишним, он почти сорок лет прожил в браке с одной

женщиной. У них трое взрослых детей, отец всю жизнь проработал в одной и той же крупной нефтяной компании. Он напомнил мне гостей из Америки, приезжающих к нам на сафари.

– Он рассказал, что у них произошло с твоей мамой?

Тру кивнул и пересказал все с самого начала. Впервые за утро Хоуп словно выбралась из своей раковины, ненадолго вырвавшись из темницы мрачных мыслей, и не смогла скрыть глубокого удивления, когда Тру закончил рассказ.

– И он уверен, что твой дед был среди похитителей? – недоверчиво спросила она. – Ведь твой отец никогда не встречал его, как же он узнал Полковника по голосу?

– Это был мой дед, – сказал Тру. – Я в этом не сомневаюсь. И отец тоже не привык сомневаться.

– Но это... ужасно.

– Мой дед порой совершал отвратительные поступки.

– И как ты теперь? – мягко спросила Хоуп, помолчав.

– Ну, это дела давно минувших дней...

– Какой уклончивый ответ.

– Но это правда.

– Ты изменил мнение об отце?

– В чем-то да, – ответил Тру. – Я думал, что он сбежал, бросив мать, но я ошибался.

– А можешь показать фотографии и рисунки?

Тру сходил в спальню и взял конверт и листы с тумбочки. Вернувшись, он подал Хоуп всю стопку, а сам опустился на край кресла и наблюдал, как она их рассматривает.

– Твоя мама была очень красива, – отметила Хоуп.

– Да.

– Сразу видно, что она влюблена в него, а он – в нее.

Тру кивнул, думая больше о Хоуп, чем о событиях прошлого. Он старался запомнить до мелочей, как она выглядит, каждый жест, каждый поворот головы. Рассмотрев фотографии, Хоуп взяла первый рисунок – автопортрет в зеркале.

– Какая талантливая, – похвалила она. – Но твои работы, по-моему, лучше.

– Это же сделано рукой совсем юной девушки. От природы ей было дано больше, чем мне.

Пересмотрев рисунки, Хоуп допила кофе.

– Я знаю, ты только что проснулся, но не хочешь ли прогуляться по

пляжу? Скотти нужно вывести.

– Конечно, – отозвался Тру. – Только сапоги надену.

Скотти уже стоял у калитки, виляя хвостиком. Тру выпустил пса на лестницу. Оказавшись на пляже, неугомонный терьер рванул к ближайшей стае птиц. Тру и Хоуп медленно шли за ним. Утро выдалось холоднее вчерашнего. Некоторое время никто не нарушал тишины. Когда Тру взял Хоуп за руку, она сначала как будто сомневалась, но вскоре расслабилась. В ней появилась и нарастала непонятная отчужденность, и это причиняло Тру почти физическую боль.

Они долго шли молча. Хоуп иногда поглядывала на Тру, но в основном словно пыталась что-то разглядеть впереди или в океанском просторе. Как и всю неделю, пляж был пуст и тих; не было видно лодок, и даже чайки и крачки куда-то делись. Опасения Тру оправдались: он уже не сомневался – что-то случилось, и Хоуп не решается ему сказать. У него возникло предчувствие: что бы она ни сказала, это и удивит, и заденет его. С тяжелым сердцем Тру в отчаянии снова перебирал в уме все, что хотел сказать, но Хоуп заговорила первой.

– Прости, что я все время молчу, – она через силу улыбнулась. – Из меня сегодня не самая хорошая компания.

– Все нормально, – заверил Тру. – Ты вчера поздно легла.

– Дело не в этом, – возразила Хоуп. – Просто... – Она не договорила. Тру обдало водяной пылью от шальной волны, и ему стало холодно.

Хоуп кашлянула.

– Я хочу, чтобы ты знал: я понятия не имею, чем все это закончится...

– Боюсь, я не совсем понимаю, о чем идет речь.

Ее голос стал тише, пальцы в его руке напряглись:

– Джош приезжал на свадьбу.

Тру внутренне замер, но ничего не сказал. Хоуп продолжила:

– После вчерашнего звонка он взял билет на рейс до Уилмингтона – видимо, его встревожил мой тон – и заявился прямо к венчанию. Вошел – и понял, что я ему не рада. – Она шла, глядя себе под ноги. – Избегать его не составило труда: после церемонии подружки невесты обязаны выдержать целую фотосессию, а за столом я сидела рядом с Эллен. Весь вечер я не отходила от подруг, но в конце банкета вышла подышать, и тут Джош ко мне и подбежал. – Хоуп глубоко вздохнула, будто вспоминая нужные слова: – Он извинился, сказал, что хочет поговорить, и...

Тру показалось, что у него земля уходит из-под ног.

– И? – мягко поторопил он.

Хоуп остановилась и повернулась к нему.

– Когда Джош приехал, я думала только об этой неделе и сколько она значит для меня. Совсем недавно я даже не подозревала о твоём существовании и вчера весь вечер гадала, не сошла ли с ума... Потому что я люблю тебя.

Тру сглотнул, заметив, что ее глаза заблестели от слез.

– Даже сейчас, когда я здесь, с тобой, я только и думаю, как же мне хорошо. Я не хочу с тобой расставаться.

– Так останься со мной! – взмолился он. – Мы что-нибудь придумаем.

– Все не так просто, Тру. Я ведь и Джоша люблю. Я понимаю, тебе неприятно это слышать, и к нему у меня совсем не те чувства, что к тебе... – Хоуп умоляюще смотрела на него: – Во мне идет какая-то борьба, будто я сама с собой воюю. Вы оба такие разные и хотите от жизни совершенно разных вещей, но...

Она задохнулась, не в силах продолжать. Тру схватил ее чуть выше локтей:

– Хоуп, я не представляю жизни без тебя, да и не хочу такой жизни. Я хочу тебя и только тебя, навсегда. Неужели ты можешь без сожалений отказаться от всего, что у нас есть?

Она застыла. Лицо превратилось в маску страдания.

– Нет, в душе я всегда буду жалеть об этом.

Тру смотрел на нее, начиная понимать.

– То есть ты не скажешь ему о нас?

– Я не хочу причинить ему боль...

– А хранить секреты от него ты готова?

Тру сразу пожалел о вырвавшихся словах.

– Это несправедливо! – крикнула Хоуп, выдернув руки. – Думаешь, мне нравится быть в таком положении? Я не затем сюда приехала, чтобы усложнять и без того запутанную жизнь! Я, разумеется, приезжала не за тем, чтобы влюбиться в другого человека! Что бы я ни решила, кому-то обязательно будет больно, а я никогда, никогда подобного не хотела!

– Ты права, – пробормотал Тру, – я не должен был этого говорить. И прошу за это прощения.

Плечи Хоуп поникли, гнев сменился замешательством.

– Джош вчера был совсем другой – испуганный, серьезный... – она словно размышляла вслух. – Я просто не знаю...

Сейчас или никогда, понял Тру и снова взял ее за руку.

– Я хотел поговорить с тобой раньше. Вчера я долго не мог заснуть и много думал. О тебе и обо мне. О нас. Может, ты не готова это услышать, но... – он сглотнул, глядя ей в глаза. – Я хочу, чтобы ты поехала со мной в

Зимбабве. Я знаю, что многого прошу, но ты бы познакомилась с Эндрю, мы могли бы там поселиться. Если тебе не нравится, что я постоянно в буше, я найду другую работу.

Хоуп только моргала, стараясь осмыслить услышанное. Она открыла рот, чтобы ответить, но тут же закрыла и высвободила руку. Отвернувшись к океану, Хоуп покачала головой:

– Не хочу, чтобы ты менялся ради меня. Работа гидом для тебя важна, и...

– Ты важнее, – перебил Тру, слыша отчаяние в своем голосе. Надежды на будущее таяли на глазах. – Я люблю тебя. Разве это не взаимно?

– Конечно, взаимно!

– Тогда, прежде чем сказать «нет», ты можешь хотя бы подумать?

– Я думала, – ответила Хоуп так тихо, что он едва разобрал ее голос сквозь шум прибоя. – Вчера, когда я ехала со свадьбы, я думала только об этом: убежать с тобой в Африку. Уехать, не оглядываясь. Часть меня хочет именно этого. Родителям я смогу все объяснить: они бы меня только благословили, но... – Она подняла глаза и с тоской посмотрела на Тру: – Как оставить отца, ведь его дни сочтены? Я должна провести оставшееся время с ним, иначе я себе этого никогда не прощу. Да и маме без меня будет трудно, хоть она и храбрится сейчас...

– Я буду брать тебе билеты на самолет. Раз в месяц, если понадобится, или даже чаще. Деньги есть, денег хватит.

– Тру...

Его охватила паника.

– А если я перееду сюда? – предложил он. – В Северную Каролину?

– А как же Эндрю?

– Буду летать в Зимбабве каждый месяц – получится даже чаще с ним видаться, чем сейчас. Я сделаю все, что тебе потребуется!

Хоуп смотрела на него, изнемогая от страданий, сильно сжав его пальцы.

– А если это не в твоих силах? – спросила она почти шепотом. – Что, если мне нужно то, чего ты никогда мне не дашь?

При этих словах Тру вздрогнул, как от пощечины. Он вдруг понял, что именно Хоуп пытается умолчать. Остаться с ним – означает отказаться от мечты завести собственных детей. Разве Хоуп не делилась с Тру своей заветной мечтой – взять на руки новорожденного, которому только что подарила жизнь, родить от любимого мужчины? Больше всего на свете она хочет быть матерью, и этого он ей дать не сможет. На лице Хоуп безмолвная мольба о прощении читалась не менее отчетливо, чем чувство

вины.

Тру отвернулся, не в силах смотреть ей в глаза. Он всегда считал, что любящим подвластно все, что для любви не существует непреодолимых преград. Сейчас Тру боролся с неумолимой, холодной истиной сказанного Хоуп. Она обхватила себя руками.

– Я ненавижу себя за это! – крикнула Хоуп срывающимся голосом. – Во мне заложена потребность родить ребенка. Я не могу, не могу представить себе жизни без детей! Конечно, можно усыновить, и существуют потрясающие медицинские технологии, но... – она покачала головой и глубоко вздохнула: – Это будет уже не то. Мне противно, что я воспринимаю это только так, но переделать себя не могу.

Долгое время они молчали, глядя на волны. Наконец Хоуп сказала:

– Я не хочу всю жизнь думать, что ради тебя я отказалась от своей мечты. Не хочу, чтобы у меня была причина обижаться на тебя. От этой мысли мне страшно. – Она покачала головой. – Я понимаю, как это эгоистично и насколько тебя задевает, но, пожалуйста, не проси меня поехать с тобой, любимый, потому что я не смогу отказаться.

Тру взял ее за руку и поднес к губам, поцеловав запястье.

– Это не эгоизм, – сказал он.

– Но ты теперь будешь меня презирать!

– Никогда.

Тру обнял ее и привлек к себе.

– Я всегда буду тебя любить. Нет ничего, что ты могла бы сказать или сделать, чтобы моя любовь прошла.

Хоуп помотала головой, не в силах удержать нахлынувшие слезы.

– Есть и кое-что еще, – прошептала она через силу, начиная уже рыдать. – Я тебе пока не сказала...

Внутренне Тру собрался, уже догадываясь, что именно сейчас услышит.

– Вчера Джош сделал мне предложение, – проговорила Хоуп. – Сказал, что готов создать семью.

Тру не ответил. Перед глазами все поплыло, и он обмяк в объятиях Хоуп. Руки и ноги будто налились свинцом. Тру искал слова утешения, но по телу разливалось странное онемение.

– Прости меня, Тру, – продолжала Хоуп. – Я не знала, как тебе сказать. Я еще не дала ответ – хочу, чтобы ты это знал. Пойми, я и понятия не имела, что Джош сделает предложение!

Тру сглотнул, стараясь обуздать разбушевавшиеся эмоции.

– А разве важно, ожидала ты этого или нет?

– Не знаю, – в отчаянии сказала она. – Сейчас я ничего не понимаю. В

одном я уверена – такого я не хотела. Я в жизни не решилась бы тебя обидеть!

Его захлестнуло волной уже физического страдания: не умещаясь в груди, оно заполняло все его существо, пока даже кончики пальцев не заболели.

– Я не могу заставить тебя остаться со мной, – прошептал Тру. – Как бы ни хотел, не могу. Не стану пытаться, даже если это будет означать, что я тебя больше не увижу. Но я хочу кое о чем тебя попросить.

– Что угодно, – шепотом поклялась Хоуп.

Тру сглотнул.

– Ты будешь помнить обо мне?

У нее вырвался полузадушенный крик, и он понял, что она не может говорить. Сжав губы, Хоуп часто-часто закивала. Тру крепко обнял ее, и она припала к нему, будто ее не держали ноги. Когда Хоуп зарыдала, Тру почувствовал, что и сам не может больше сдерживаться. Рядом волны набегали на берег одна за другой, безразличные к тому, что мир двух людей только что рухнул.

Ему нужна она и только она, навсегда, но это невозможно, потому что, несмотря на вспыхнувшую между ними любовь, Тру уже знал, что Хоуп ответит Джошу.

Вернувшись в коттедж, Хоуп вынула из холодильника все, что могло испортиться, и побросала в большой пакет, после чего ушла в ванную. Тру отнес мусор к контейнерам перед домом, чувствуя, как кружится голова. Когда он вернулся на кухню, в ванной лилась вода. Тру залез во все выдвижные ящики, пока не нашел ручку и листок. Внутренне опустошенный, он попытался излить свои чувства на бумаге. Тру многое хотел сказать.

Закончив письмо, он вернулся в дом отца, взял два своих рисунка, отнес все в машину Хоуп и положил в бардачок. Тру знал, что когда она их найдет, он будет уже далеко.

Наконец вышла Хоуп с чемоданом. В джинсах, белой блузке и босоножках, купленных несколько дней назад, она была невероятно красива. Тру уже снова сидел за столом, и Хоуп, погасив везде свет, пришла посидеть у него на коленях. Она обняла его, и они долго сидели так, держа друг друга в объятиях. Когда Хоуп отодвинулась, лицо у нее было задумчивое.

– Мне, наверное, пора ехать, – сказала она.

– Знаю, – прошептал он.

Хоуп встала, пристегнула поводок к ошейнику Скотти и медленно пошла к дверям.

Пора. Тру взял чемодан и коробку с сувенирами, которые Хоуп собрала в начале недели, и проводил ее до машины. Он стоял рядом, пока она запирала коттедж, и вдыхал цветочный аромат ее шампуня.

Тру положил вещи в багажник, пока Хоуп устраивала Скотти на заднем сиденье. Закрыв дверцу, она медленно подошла. Тру снова обнял ее. Говорить они не могли. Когда Хоуп наконец отстранилась, он попытался улыбнуться, хотя внутри все ломалось и рушилось.

– Если ты когда-нибудь захочешь приехать на сафари, обязательно дай мне знать. Я скажу, в какие лоджи лучше ехать. Необязательно в Зимбабве – у меня знакомые по всей Африке. Меня ты всегда найдешь через сафари-лодж в Хванге.

– Хорошо, – сказала она дрогнувшим голосом.

– Если ты захочешь поговорить со мной или увидеться, я это сделаю. Самолеты существенно сократили расстояния. Если я буду тебе нужен, я приеду. Хорошо?

Хоуп кивнула, не в силах смотреть ему в глаза, и поправила ремень сумки на плече. Тру хотел умолять ее поехать с ним, хотел сказать ей, что такая любовь, как у них, никогда не повторится. Он уже знал, какие нужны слова, но они, произнесенные, так и остались у него в голове.

Тру поцеловал ее мягко, нежно – в последний раз и открыл для Хоуп дверцу. Когда она села за руль, он захлопнул дверь, и с этим звуком все надежды и мечты в нем разлетелись на осколки. Заурчал мотор. Хоуп опустила стекло.

Высунувшись в окно, она взяла его руку в свои.

– Я тебя никогда не забуду, – сказала Хоуп. Затем вдруг резко убрала руки, переключила передачу и выехала задним ходом. Тру, словно в трансе, двинулся ей вслед.

Сквозь облака пробился солнечный луч, точно прожектором высветив набирающую скорость машину. Хоуп уехала, не оглянувшись. Тру продолжал идти за ней и оказался на дороге.

Машина стала совсем маленькой – ярдах в пятидесяти силуэта Хоуп было не различить через заднее стекло, однако Тру по-прежнему смотрел. Он чувствовал себя пустым, выпотрошенным.

Вспыхнули и загорелись ровным красным светом стоп-сигналы: машина остановилась. Открылась дверь со стороны водителя. Хоуп вышла на дорогу и обернулась. Издалека она послала ему последний воздушный поцелуй, а Тру не смог сделать то же самое. Она подождала секунду, затем

снова села в машину и поехала дальше.

– Вернись ко мне, – прошептал Тру, глядя, как она притормозила у въезда на шоссе, соединявшее остров с материком.

Но Хоуп не слышала. Не в силах больше смотреть, Тру присел и уперся руками в колени. На асфальт закапали его слезы.

Когда он снова поднял голову, машина исчезла из виду. Дорога была пуста.

Последствия

Хоуп потом не могла вспомнить, как доехала до Роли. Воскресный ланч с Джошем тоже почти не задержался в памяти. Джош буквально осаждал ее звонками и оставлял сообщения на автоответчике домашнего телефона, умоляя о встрече. Хоуп неохотно согласилась сходить в местное кафе, но пока Джош о чем-то говорил, сидя напротив, она думала только о том, как Тру стоял на дороге и смотрел ей вслед. Не дожидаясь, пока принесут еду, Хоуп резко встала, бросив, что ей нужно несколько дней, чтобы все обдумать, и вышла из ресторана, чувствуя на спине удивленный взгляд Джоша.

Он приехал в ее квартиру через несколько часов, и они поговорили на пороге. Джош снова извинился, Хоуп удалось скрыть свое волнение. Согласившись встретиться с ним в четверг, она закрыла дверь и обессиленно прислонилась к ней. Хоуп прилегла на диван в гостиной, рассчитывая полчаса подремать, но проснулась только на следующее утро. После пробуждения она сразу же подумала, что Тру уже летит в Зимбабве, и разделяющее их расстояние увеличивается с каждой минутой.

Работала она в тот день на автопилоте, не запомнила никого из пациентов, за исключением девочки-подростка, пострадавшей в жуткой автомобильной аварии. Если другие медсестры и заметили, что Хоуп сама не своя, то ничего не сказали.

В среду после работы она решила навестить родителей – мама оставила сообщение на автоответчике, пообещав рагу, – и по дороге заехала в местную булочную за черничным пирогом. Но в булочной принимали только наличные, а в суматохе последних дней Хоуп забыла зайти в банк. Помня, что в машине есть немного денег, она вернулась и открыла бардачок. Что-то выпало на пол, и в попытках прибраться Хоуп увидела свой портрет.

У нее перехватило дыхание: должно быть, Тру положил его в бардачок в день ее отъезда! Хоуп не могла оторваться от рисунка, руки начали дрожать, но надо было расплатиться за покупку. Аккуратно положив рисунок на пассажирское сиденье, она поспешила в булочную.

Вернувшись в машину, Хоуп не сразу повернула ключ зажигания, а сначала взяла рисунок. Вглядевшись в свое изображение, она увидела женщину, безнадежно влюбленную в рисующего ее мужчину, и Хоуп страшно захотелось еще раз оказаться в объятиях Тру, вдохнуть его запах,

уколоться о жесткую щетину, увидеть лицо человека, который интуитивно понимал ее, как никто и никогда. В последний раз побыть с мужчиной, похитившим ее сердце.

Опустив рисунок на колени, в открытом бардачке она заметила еще один листок. Он был тщательно сложен, а сверху лежал конверт с ее именем. Дрожащими руками Хоуп взяла конверт.

Развернув сначала рисунок, она увидела себя и Тру на пляже, лицом друг к другу. На минуту Хоуп словно разучилась дышать и почти не обратила внимания, что рядом припарковалась другая машина с включенной на полную громкость стереосистемой. Хоуп долго смотрела на Тру, переполняемая нежностью и тоской, и наконец заставила себя отложить рисунок в сторону.

Конверт вдруг показался тяжелым. Хоуп не хотелось его открывать – лучше подождать, когда она вернется домой и будет одна, но письмо словно звало ее. Распечатав конверт, Хоуп достала листок и начала читать.

«Дорогая Хоуп!

Не знаю, прочтешь ли ты это письмо, но в растерянности и смятении я хватаюсь за соломинку. Вместе с письмом ты найдешь два рисунка. Первый ты, наверное, узнаешь. Второй я начал, когда ты ездила на предсвадебный банкет. Вернувшись в Зимбабве, думаю, я буду рисовать тебя снова и снова, но те рисунки, с твоего разрешения, мне хотелось бы оставить у себя. Если тебе это не по душе, дай мне знать, и я вышлю их либо уничтожу и удержусь от дальнейших попыток. Ты знаешь, что я был и останусь человеком, достойным твоего доверия.

Думать о жизни без тебя мне невыносимо, но я понимаю твое решение. Я видел, как сияли твои глаза, когда ты говорила о детях, и чувствую, как мучителен для тебя этот выбор. Для меня он сокрушителен, но в глубине души я не могу тебя винить. В конце концов у меня есть сын, и я не представляю себе жизни без него.

Когда ты уедешь, я, наверное, прогуляюсь по пляжу, как гуляю каждый день с самого приезда, но все уже будет иначе. С каждым шагом я стану ощущать тебя рядом со мной и внутри меня. Ты уже стала моей частичкой, и этого не изменить.

Я никогда не думал, что мне выпадет шанс изведать подобное чувство, да и как я мог ожидать? До появления Эндрю я жил с тайной уверенностью, что мой удел – одиночество. Я не утверждаю, что вел жизнь отшельника: ты уже знаешь, что моя работа требует определенных навыков общения и умения нравиться гостям. Но я никогда

не был человеком, который чувствует себя несчастным, лежа в постели один. Я не казался себе пресловутой половинкой чего-то целого, но теперь вижу, что заблуждался: всю свою жизнь я искал только тебя.

Не знаю, что сулит мне будущее, но уверен – как раньше, уже ничего не будет, потому что это невозможно. Я не так наивен, чтобы верить, будто мне хватит и воспоминаний, поэтому в свободные минуты я буду брать альбом и пытаться запечатлеть то, что у меня осталось. Надеюсь, ты мне это позволишь.

Как бы я хотел, чтобы обстоятельства сложились иначе, но, наверное, у судьбы свои планы. Но ты знай: я по-настоящему люблю тебя, и эта печаль – та цена, которую я готов заплатить тысячу раз. Ибо наша встреча и моя любовь к тебе придали моей жизни иной смысл, и так теперь будет всегда.

Я не требую от тебя того же. Скоро у тебя будет новая жизнь, в которой нет места третьему лишнему, – я принимаю это. Китайский философ Лао-цзы однажды сказал, что любовь придает любимому силу, а любящему смелость. Теперь, когда ты вошла в мою жизнь, я смогу встретить грядущие годы с бесстрашием, которого раньше за собой не замечал. Любовь к тебе сделала меня лучше.

Если я понадобится, ты знаешь, где меня найти. На поиски может уйти некоторое время – я уже говорил, что жизнь в буше течет медленнее, и не все письма доходят до адресата. Но нас с тобой объединило нечто особенное, и, если во мне возникнет нужда, вселенная каким-то образом даст мне знать. Благодаря тебе я теперь верю в чудеса. Вот увидишь, для нас нет ничего невозможного.

Любящий тебя Тру»

Хоуп перечитала письмо несколько раз, прежде чем убрать в конверт. Она представила, как Тру писал его, сидя на кухне, и хотя ей хотелось еще раз прочесть прощальное послание, Хоуп понимала, что так рискует вообще не добраться до родителей.

Положив рисунки и письмо в бардачок, она бессильно уронила голову на подголовник, стараясь успокоить бушующие эмоции. Спустя целую вечность она повернула ключ зажигания.

К крыльцу родительского дома Хоуп направилась нетвердой походкой и с вымученной улыбкой перешагнула порог, глядя, как отец старается подняться из кресла, чтобы поздороваться. Аромат рагу наполнял дом, но у Хоуп не было аппетита.

За столом она рассказала о свадьбе Эллен. Когда Хоуп спросили, как

прошла неделя в Сансет-Бич, она не упомянула о Тру. Не сказала она родителям и о том, что Джош сделал ей предложение.

После десерта Хоуп вышла на веранду, сославшись на необходимость подышать свежим воздухом.

На небе уже высыпали звезды. Сзади скрипнула дверь: в прямоугольнике света из гостиной показался темный силуэт отца. Улыбнувшись, он тронул дочь за плечо, осторожно обходя ее шаркающей походкой. В руках отец нес чашку кофе без кофеина и, усевшись, отпил глоток.

– Твоя мама до сих пор готовит лучшее говяжье рагу в мире.

– Да, сегодня рагу очень удачное, – согласилась Хоуп.

– Ты не заболела? За ужином ты была какая-то притихшая.

Хоуп тоже села, подогнув под себя ногу.

– Да, наверное, еще не отошла от банкета.

Отец поставил чашку на столик между креслами. В углу веранды вокруг лампы кружился мотылек. В саду начали свой вечерний концерт цикады.

– Я слышал, Джош приезжал на свадьбу... – Хоуп повернулась к отцу, но он лишь пожал плечами: – Твоя мама сказала.

– А она откуда знает?

– Точно не могу сказать. Полагаю, ей кто-нибудь сообщил.

– Да, – ответила Хоуп, – Джош был на свадьбе.

– Вы поговорили?

– Немного. – Всего неделю назад она и представить не могла, как это – держать предложение руки и сердца в секрете от родителей, но в душном влажном воздухе сентябрьского вечера не смогла подобрать нужных слов и сказала только: – Мы завтра вместе ужинаем.

Отец повернул голову, пытаясь понять, что происходит на душе дочери.

– Надеюсь, все пройдет хорошо, что бы это для тебя ни значило.

– Я тоже надеюсь.

– По-моему, Джош должен многое объяснить.

– Знаю, – отозвалась Хоуп. В гостиной пробили напольные часы. В своей квартире она, приехав из Сансет-Бич, первым делом сняла с полки пыльный атлас, подсчитала разницу во времени с Зимбабве и, прибавив нужное количество часов, узнала, что там сейчас глубокая ночь. Тру, наверное, в Булавайо с Эндрю. Чем они займутся днем? Поведет ли Тру сына в буш показывать животных или же они будут гонять мяч либо сходят на прогулку? Думает ли Тру о ней так же, как она не может перестать думать о нем? В тишине в памяти всплывали целые строки из его

письма.

Хоуп видела, что отец ждет, готовый выслушать, – в детстве она со всеми заботами бежала к нему. Он умел слушать так, что ей всегда становилось легче. Эмпат от природы, отец редко советовал, а только спрашивал, что, по мнению Хоуп, ей нужно сделать, исподволь приучая дочь доверять собственному чутью и мнению.

Но сейчас, вспоминая письмо Тру, Хоуп не могла избавиться от мысли, что совершила ужасную ошибку. Сидя рядом с отцом, она будто в замедленной съемке видела то последнее утро. Хоуп помнила, какой у Тру был вид, когда он вышел на веранду, и ощущение его руки, которую она сжимала, пока они шли по пляжу. Хоуп помнила потрясенное выражение лица Тру, когда она сказала о предложении Джоша.

Но это были не самые болезненные воспоминания: Хоуп не могла забыть, как Тру умолял ее поехать с ним в Зимбабве или как он уронил голову на колени, когда она сворачивала на шоссе, уезжая от жизни с ним.

Конечно, все еще можно изменить. Можно заказать билет на самолет в Зимбабве и завтра вылететь к нему. Можно сказать, что она поняла – им самой судьбой предназначено жить вместе до глубокой старости. Они будут заниматься любовью, и в чужой, незнакомой стране и сама Хоуп станет иной, и вот эту жизнь она не могла даже представить...

Ей захотелось все рассказать отцу и услышать от него, что ее счастье для него превыше всего. Но тут ее щеку ласково, как щенок, лизнул бриз, и Хоуп вспомнила, как они с Тру сидели возле «Родственных душ», и ветер ерошил его волосы.

Она же поступила правильно, не так ли?

Да или нет?

Оглушительно трещали цикады, наваливалась тяжелая, невыносимо душная ночь. Лунный свет пробивался сквозь ветви деревьев. По улице проехала машина с опущенными стеклами и орущей стереосистемой. Хоуп вспомнился джаз из радиоприемника, когда Тру обнял ее в коттедже.

– Забыл тебя спросить, – сказал наконец отец. – Там, конечно, всю неделю шли дожди и штормило, но удалось ли тебе хоть раз сходить к «Родственным душам»?

Эти слова прорвали невидимую дамбу: у Хоуп вырвался сдавленный крик, сразу сменившийся потоком слез.

– Что я не так сказал? – испугался отец, но она его почти не слышала. – Что случилось? Скажи мне, детка!

Хоуп лишь качала головой, не в силах отвечать, смутно чувствуя отцовскую руку у себя на колене. Не открывая глаз, она знала, что он

смотрит на нее с тревогой и заботой. Но Хоуп была способна думать только о Тру, и ничто на свете не могло унять ее слез.

Часть II

Песок в песочных часах

Октябрь 2014 года

«Воспоминания – это дверь в прошлое; чем больше мы дорожим прошлым, тем шире откроется дверь», – любил говорить отец Хоуп. Подобно многим отцовским высказываниям, со временем эта фраза словно становилась еще мудрее.

С другой стороны, со временем все имеет свойство меняться, думала Хоуп. Ей не верилось, что прошло почти четверть века с той недели в Сансет-Бич. За двадцать четыре года много воды утекло, и Хоуп казалось, что она очень изменилась и уже ничем не напоминает ту, кем когда-то была.

Хоуп сидела на веранде своего дома в Роли. Вечерело. В холодном воздухе чувствовалось дыхание приближающейся зимы. Лунный свет заливал лужайку зыбким сиянием и серебрил листву, трепетавшую на ветру. В последнее время шорох листьев казался Хоуп голосами из прошлого, зовущими ее. Неторопливо покачиваясь в кресле-качалке, она думала о своих детях, и воспоминания смешивались и сталкивались, точно в калейдоскопе. Сидя под луной, Хоуп вспоминала благоговение, которое испытала в родовой палате, впервые взяв на руки каждого из своих новорожденных; она улыбнулась, живо представив своих малышей, бегущих по коридору голенькими после ванны. Хоуп думала об их беззубых улыбках, когда начали выпадать молочные зубки, и заново переживала смешанные чувства гордости и волнения, когда они преодолевали сложности подросткового возраста. У нее замечательные, просто прекрасные дети. К своему удивлению, Хоуп почувствовала, что может вспоминать о Джоше почти ласково, что раньше казалось невозможным. Они развелись восемь лет назад, но шестидесятилетняя Хоуп считала, что она дожила до такого возраста, когда начинаешь легко прощать.

Джейкоб заезжал в пятницу, Рейчел привезла свежие рогаики утром в воскресенье. Ни сын, ни дочь ни о чем не спросили, когда Хоуп сказала, что снова, как в прошлом году, сняла коттедж на берегу океана. Такое отсутствие любопытства не являлось чем-то необычным: как многие молодые люди, сын и дочь были увлечены собственной жизнью. Рейчел закончила университет в мае, Джейкоб – годом раньше, и оба нашли

работу еще до получения диплома: Джейкоб продавал рекламное время на местной радиостанции, а Рейчел работала в маркетинговой интернет-компании. Они жили отдельно и сами оплачивали свои счета, что, как знала Хоуп, стало редкостью. Большинство их сверстников после колледжа вернулись под крылышко к родителям, и Хоуп считала независимость своих детей даже более достойной уважения, чем их дипломы.

Перед тем как начать собираться, она съездила в салон и уложила волосы. Выйдя на пенсию два года назад, Хоуп начала ходить в весьма недешевый салон напротив фешенебельного универмага в центре (единственная роскошь, которую она себе позволяла). Хоуп уже привыкла к постоянным посетительницам и, сидя в кресле, краем уха слушала разговоры о мужьях, детях и летних отпусках. Эта болтовня становилась бальзамом на душу, но отчего-то Хоуп вспомнились давно покойные родители.

Отец скончался от амиотрофического склероза восемнадцать лет назад, мать пережила его всего на четыре года. Хоуп до сих пор тосковала по ним, хотя боль утраты со временем притупилась, превратившись в нечто более сносное, сродни вечному сожалению, ощущаемому только в самые минорные минуты.

Выходя из салона после укладки, Хоуп обратила внимание на длинный ряд «БМВ» и «Мерседесов» перед универмагом и на хорошо одетых женщин, выплывающих из стеклянных дверей с огромными пакетами. Действительно ли им так нужны купленные вещи или же шопинг превратился в своего рода зависимость и что-то новенькое ненадолго отвлекает от тревог и депрессии? В жизни Хоуп бывали периоды, когда она тоже спасалась шопингом, но сейчас ей невольно думалось, что мир все же изменился за последние годы. Все заделались завзятыми материалистами, стремятся быть не хуже других, но Хоуп знала, что полноценная жизнь редко бывает связана с приобретательством. Она скорее об опыте, отношениях, здоровье, родственниках и любимом человеке, который тоже любит тебя. Хоуп очень старалась внушить эти понятия своим детям, но кто знает, удалось ей это или нет?

Ответы будто ускользали от нее. В последнее время она часто задавала себе вопрос «почему?» по самым разным поводам, и хотя некоторые утверждают, что для них не существует загадок (дневные ток-шоу переполнены подобными всезнайками), Хоуп им не доверяла. Если бы они согласились ответить на один вопрос, она бы спросила: почему любовь всегда требует жертв?

Ответ Хоуп не знала, но убедилась в этом и в собственном браке, и как

любящая мать своих детей, и как взрослая дочь человека, обреченного на медленную смерть. Но сколько она ни ломала голову, причина такой неизбежности не прояснялась. Может быть, жертвенность – неперенная составляющая любви? Или любовь и жертвенность вообще синонимы? Или одно является доказательством другого? Хоуп не хотелось верить, что любовь всегда взимает плату разочарованием, болью или тоской, но она не находила, что возразить.

Несмотря на события, которые невозможно предусмотреть или предотвратить, Хоуп не была несчастлива. Она понимала, что жизнь у всех в чем-то не сахар, и не унывала. Однако, как всем людям, Хоуп было о чем жалеть, и с возрастом она думала об этом все чаще. Сожаления просыпались неожиданно и в самое неподходящее время – когда она опускала деньги в церковную кружку или подметала с пола рассыпанный сахар. В такие минуты Хоуп вспоминала о том, когда следовало поступить иначе, о ссорах, которых стоило избежать, о просьбах о прощении, так и не произнесенных. Порой ее охватывало желание повернуть время вспять, но она, стараясь быть до конца честной, тут же спрашивала себя, что бы это изменило. Ошибки неизбежны, и жизнь научила ее, что сожаления иногда заменяют важные уроки, если человек, конечно, готов учиться на своих ошибках. В этом смысле отец лишь наполовину прав насчет воспоминаний – они не только двери в прошлое. Хоуп хотелось верить, что эти двери порой ведут и в новое, иное будущее.

Вздвогнув от внезапного холодного порыва ветра, Хоуп решила, что нужно вернуться в дом.

Она жила в этом доме больше двух десятилетий: они с Джошем купили его вскоре после свадьбы. Любуясь знакомой обстановкой, Хоуп снова подумала, как же ей всегда здесь нравилось: георгианский стиль, величественные колонны по фасаду, комнаты первого этажа обшиты деревянными панелями. Но, пожалуй, с ним пора расставаться: дом слишком велик для нее одной, поддерживать чистоту во всех помещениях – большой труд, да и по лестнице ей тоже уже нелегко подниматься. Но когда Хоуп заговорила о продаже, Рейчел и Джейкоб воспротивились расставанию с домом своего детства.

Продавать или нет, а ремонт все равно нужен. Деревянные полы облезли, в столовой пора менять выцветшие обои. Кухня и ванны вполне функциональны, но морально устарели и требуют обновления. Господи, сколько работы! Хоуп не знала, когда она соберется с силами для ремонта и будет ли это вообще.

Она прошла по дому, выключая свет. Некоторые из выключателей срабатывали не сразу, и возиться с ними пришлось дольше обычного.

Чемодан стоял у входной двери рядом с деревянной шкатулкой, которую Хоуп принесла с чердака. При виде шкатулки она сразу подумала о Тру, хотя, по сути, никогда не забывала о нем. Ему сейчас должно быть шестьдесят шесть лет. Интересно, бросил ли он свою работу гида, по-прежнему ли живет в Зимбабве либо же переехал в Европу, Австралию или какую-нибудь более экзотическую страну? Хоуп гадала, часто ли Тру видится с Эндрю и стал ли уже дедушкой за годы, которые они не виделись. Ей было любопытно, женился ли он во второй раз, есть ли у него кто-нибудь и помнит ли он ее, да и жив ли, если на то пошло... Хоуп считала, что она бы почувствовала, если бы Тру ушел из жизни, потому что их связывает незримая нить, но тут она готова была признать, что скорее выдает желаемое за действительное. А больше всего Хоуп не давал покоя вопрос: могут ли последние слова его письма оказаться правдой и неужели для них все и всегда будет возможным?

В спальне она надела пижаму, подарок Рейчел на прошлое Рождество. Пижамы были теплой и удобной, как Хоуп и хотела. Она легла под одеяло и аккуратно расправила его, надеясь, что к ней придет сон, так часто ускользавший в последнее время.

В прошлом году в коттедже у океана Хоуп тоже лежала без сна, думая о Тру. Она мечтала, чтобы он вернулся к ней; дни, проведенные с ним, всплывали в памяти отчетливо и живо. Хоуп помнила знакомство на пляже и кофе, который они пили в первое утро; она в сотый раз в подробностях перебирала ужин в «Клэнси» и обратный путь по берегу до коттеджа. Хоуп чувствовала на себе взгляд Тру, когда они пили вино на веранде, слышала звук его голоса, когда он вслух читал письмо Джо у «Родственных душ», но больше всего вспоминала нежные, чувственные занятия любовью, глубокое волнение, читавшееся на его лице, и слова, которые он ей шептал.

Она удивлялась, какими реальными до сих пор кажутся его искренность и страсть к ней и даже ее неослабевающее чувство вины. Что-то сломалось в Хоуп в то утро, но ей хотелось верить, что из этой трещины проросло более сильное, волевое качество: всякий раз, когда жизнь становилась невыносимо трудна, Хоуп думала о Тру, напоминая себе, что в случае чего он приедет. Тру сказал ей об этом в их последнее утро, и этого обещания Хоуп хватало, чтобы жить дальше.

В прошлом году у океана, когда сон не приходил, она поймала себя на попытке переписать прошлое. Хоуп представляла, как сворачивает к шоссе, останавливает машину и бежит обратно к Тру, а потом садится за

стол с Джошем и признается, что полюбила другого. Дальше шел туманный образ встречи в аэропорту, куда она приехала бы забрать Тру, прилетевшего из Зимбабве: в ее воображении они обнимались у стойки выдачи багажа и целовались среди толпы пассажиров. Тру, обняв ее за плечи, вел к машине, и Хоуп почти воочию видела, как он легко забрасывает большую спортивную сумку в багажник. А потом они занимались любовью в квартире, где Хоуп жила много лет назад.

Но после этого фантазия отказывала. Хоуп не представляла, какой дом они бы выбрали. Воображая себя и Тру вместе на кухне, она в душе рисовала кухню либо в коттедже, который родители давным-давно продали, либо в доме, который они купили с Джошем. Хоуп не представляла, кем бы Тру работал, а когда напрягала воображение до предела, ей казалось, что в конце дня он приходил бы домой, одетый, как тогда на пляже, – будто вернувшись с очередного сафари. Она понимала, что Тру регулярно летал бы в Булавайо к Эндрю, но у нее не было решительно никакого представления о том, как может выглядеть его дом или район в Булавайо. При этом Эндрю всегда оставался десятилетним, а Тру в ее мечтах ни разу не было больше сорока двух.

Странно, но в фантазиях о жизни с Тру всегда присутствовали Рейчел и Джейкоб. Если Хоуп и Тру обедали, дети были тут же, и Джейкоб отказывался поделиться с сестрой жареной картошкой, а когда Тру рисовал на веранде коттеджа в Сансет-Бич, Рейчел тоже выводила что-то пальчиками, сидя за садовым столом. В школьном зале Тру сидел рядом с Хоуп, когда Джейкоб и Рейчел пели в хоре, а на Хеллоуин они вместе шли за детьми, одетыми Вуди и Джесси из «Истории игрушек-2». Неизменно ее дети присутствовали в жизни, которую Хоуп представляла себе с Тру, да и Джош там тоже мелькал, хоть ее и возмущало непрошеное вторжение: Джейкоб внешне был копией отца, а Рейчел все детство играла в доктора.

Не в силах заснуть, Хоуп встала с кровати. На пляже было холодно, поэтому она надела куртку, достала письмо, написанное Тру двадцать четыре года назад, и вышла на веранду. Ей хотелось прочесть письмо, но она никак не могла решиться и смотрела в темноту океана, сжимая потертый конверт и ощущая себя страшно одинокой.

Вот она одна на берегу океана, вдали от родных и знакомых, думала Хоуп. С ней только Тру, правда, он не догадывается об этом.

Тогда Хоуп вернулась с побережья со смешанным чувством надежды и страха и в этом году твердо сказала себе, что теперь все будет иначе. Это станет ее последней поездкой к океану. Утром, поставив шкатулку на

заднее сиденье, она покатила чемодан вдоль машины, идя решительной походкой. Сосед Бен чистил граблями свою лужайку и подошел загрузить чемодан в багажник, за что Хоуп осталась ему благодарна: в ее возрасте травмы случаются чаще и заживают медленнее. В прошлом году она поскользнулась на кухне и хотя не упала, за что-то схватившись, но потянутое плечо болело много недель.

Сев в машину, Хоуп мысленно перебрала список дел: двери заперты, свет везде выключен, мусорные контейнеры выставлены к обочине, а почту и газеты согласился забирать Бен. Дорога займет чуть меньше трех часов, но причин торопиться нет: день икс только завтра. Одна мысль об этом заставляла ее нервничать.

К счастью, машин на дороге было немного, поэтому Хоуп, не снижая скорости, проезжала поля и маленькие городки. На окраине Уилмингтона она перекусила в бистро, которое помнила с прошлого года, заехала в магазин пополнить запасы продуктов, взяла в риелторском офисе ключи и направилась в коттедж. Хоуп нашла нужную поперечную улицу, несколько раз свернула и наконец остановилась у цели.

Коттедж напоминал старый родительский – с выцветшей краской, крыльцом и выдавшей виды верандой. Хоуп почувствовала досаду: как она и предвидела, новые владельцы снесли летний домик в Сансет-Бич, едва купив, и построили виллу под стать той, где останавливался Тру.

С тех пор Хоуп лишь изредка стала приезжать в Сансет-Бич – она уже не чувствовала себя там как дома. Как многие прибрежные острова, он сильно изменился: понтонный мост заменили современным, дома в несколько этажей стали нормой, да и «Клэнси» закрылся, кое-как проскрипев пару лет в новом тысячелетии. О закрытии старого ресторана Хоуп узнала от своей сестры Робин: десять лет назад та с мужем ездила в Миртл-Бич, и они нарочно сделали крюк, чтобы посмотреть на знакомый островок.

С некоторых пор Хоуп предпочитала Каролину-Бич, остров севернее Сансет-Бич и ближе к Уилмингтону. Впервые она приехала сюда по совету своего адвоката в декабре 2005 года, в разгар тяжелого развода с Джошем. Бывший муж планировал забрать Джейкоба и Рейчел на зимние каникулы: сын и дочь были тогда подростками со всеми «прелестями» переходного возраста, и крах родительского брака сказался на них не лучшим образом. Хоуп согласилась, что поездка на запад страны станет для детей прекрасным отдыхом, но ее адвокат намекнула, что сидеть одной дома в праздники не лучший вариант для самой Хоуп, и предложила Каролину-Бич. Зимой, завершила она, там спокойно и умиротворенно.

Хоуп сняла коттедж не глядя, но домик на берегу оказался именно тем, что ей требовалось. В Каролине-Бич Хоуп немного пришла в себя и собралась с мыслями, перед тем как вступить в новую фазу своей жизни.

Она знала, что с Джошем дело миром не уладить: Хоуп много слез выплакала из-за него за годы брака, и хотя чашу терпения переполнила его последняя интрижка, она до сих пор с болью вспоминала первую, шокировавшую ее в тот момент, когда она ежеминутно была занята с двумя детьми-дошкольниками и резко ухудшилось состояние отца. Хоуп узнала о романе мужа, он извинился и обещал порвать с любовницей, однако продолжал с ней встречаться. Отцу становилось все хуже и хуже, и именно тогда Хоуп, несколько месяцев живя на грани панической атаки, впервые подумала о разводе. Правда, представив эмоциональную нагрузку этой процедуры для себя и для детей, она предпочла перетерпеть и постаралась простить. Но у Джоша начались и другие романы, было много слез и ссор, и к тому времени, когда Хоуп наконец сказала мужу, что хочет развода, они спали в разных комнатах почти год. Съезжая из дома, Джош заявил, что жена совершает самую большую ошибку в своей жизни.

Как ни старалась Хоуп расстаться цивилизованным образом, во время развода наружу полезли долго копившиеся ненависть и горечь. Даже самую Хоуп шокировали охватившие ее отвращение и гнев, а Джош был не менее зол и держался с вызовом. Если вопрос опеки над детьми с самого начала особо не оспаривался, финансовая сторона обернулась настоящим кошмаром. Пока дети были маленькими, Хоуп занималась ими, вела хозяйство и вернулась на работу, только когда они пошли в школу, но уже не медсестрой в травматологию, а на полставки в центр семейной медицины, чтобы успевать домой к обеду, когда у детей заканчивались занятия. График был удобный, но платили, разумеется, мало, а адвокат Джоша с пеной у рта доказывал, что раз у Хоуп есть необходимая квалификация для более высокооплачиваемой работы, сумму алиментов надо сократить в разы. Подобно многим мужчинам, Джош не собирался делить и общий дом, так что к концу 2005 года они с Хоуп общались в основном через адвокатов.

Измученной переживаниями, ей казалось, что жизнь катится под откос и впереди лишь утраты, гнев и страх. Хоуп держалась из последних сил, но, гуляя тогда по пляжу в рождественские праздники, беспокоилась в основном о детях. Она хотела быть хорошей матерью, а адвокат постоянно напоминала, что если Хоуп не позаботится о себе, то не сможет обеспечить детям поддержку, в которой они нуждаются.

В глубине души Хоуп признавала правоту адвоката, хотя эти слова

показались ей почти кощунством: она так давно «работает» мамой, что уже забыла, каково быть кем-то еще. Однако в Каролине-Бич она постепенно поняла, что ее эмоциональное здоровье не менее важно, чем настроение детей. Не более важно, но и не менее.

Хоуп знала, насколько шатким может оказаться ее положение, если не воспользоваться советом адвоката. Она видела, как женщины во время развода резко худели или, наоборот, набирали вес, и слышала признания о вечерах, проводимых в барах, и случайных связях с едва знакомыми мужчинами. Некоторые дамы сразу же по новой выскакивали замуж, причем почти всегда неудачно, и даже те, кто не пустился во все тяжкие, исподволь разрушали себя. Кое-кто из подруг Хоуп перешел от бокала вина по выходным на полбутылки ежедневно, а одна прямо заявила, что только алкоголь и помог ей пережить развод.

Хоуп не хотела попадать в эту ловушку, и отдых на берегу океана стал необходимой встряской, от которой мысли пришли в порядок. Вернувшись в Роли, она начала ходить в спортзал и заниматься на велотренажере. Хоуп увлеклась йогой, готовила здоровую еду для себя и детей, а бессонными ночами заставляла себя лежать в постели, размеренно дыша и стараясь обуздать назойливые мысли. Она научилась медитировать и рьяно взялась восстанавливать старые дружеские связи, которые несколько растеряла за годы брака.

Еще Хоуп поклялась себе никогда не говорить ничего плохого о Джоше. Задача была не из легких, но именно это заложило основу отношений, которые теперь существовали между ними. Большинство подруг не понимали, почему она продолжает общаться с бывшим мужем, учитывая, сколько боли он ей причинил. Причин было несколько, но Хоуп о них помалкивала. Когда ее спрашивали, она отвечала, что мужем он оказался никуда не годным, зато отцом всегда был замечательным. Джош действительно уделял сыну и дочери массу времени, вел внеклассные занятия, тренировал детскую команду и проводил выходные с семьей, а не с приятелями (на последнем настояла Хоуп, прежде чем согласилась выйти за него).

После возвращения из Сансет-Бич она не сразу приняла предложение Джоша, ответив – посмотрим, как пойдут дела. Уходя, он задержался на пороге и заметил:

– Ты стала какая-то другая.

– Да, – не стала спорить Хоуп. – Я другая.

Прошло два месяца, прежде чем она наконец приняла его предложение и, ко всеобщему удивлению, настояла на чисто символической церемонии,

где присутствовали только родственники и самые близкие друзья. Свадебный обед организовали в складчину, снимки делал один из ее деверей, а завершилось веселье танцами в местном ночном клубе. Недолгая помолвка и скромная свадьба удивили Джоша: он никак не мог понять, почему Хоуп не хочет пышного праздника, несмотря на уговоры подруг. Но она серьезно сказала, что не привыкла сорить деньгами. На самом деле Хоуп подозревала, что забеременела, и не ошиблась – в положенный срок родился Джейкоб. В душе несколько секунд теплилась робкая надежда, что это ребенок Тру, однако последнее было невозможно: сроки не совпадали, да и не могло быть у Тру детей. Но за те секунды Хоуп поняла, что у нее нет желания улыбаться на протяжении картинно-красивой свадебной церемонии, переполненной фальшивой романтикой. Все равно это не имело ничего общего со сбывшейся мечтой. Настоящая романтика спонтанна, непредсказуема и порой совсем проста. Например, слушать мужчину, читающего признание в любви, найденное в общественном почтовом ящике дождливым сентябрьским днем.

В коттедже Хоуп начала разбирать вещи. Поставив шкатулку на кухонный стол, она убрала продукты в холодильник, а вещи переложила в комод, чтобы не пришлось всю неделю лазить в чемодан. Затем написала детям сообщения, что добралась нормально, надела теплую куртку и вышла через заднюю дверь, медленно спустившись по ступеням на песчаный пляж. Спина и ноги порядком затекли за поездку, и хотя Хоуп хотелось пройтись, она понимала – долгой прогулки не получится. Лучше приберечь силы для завтрашнего дня.

Небо было кобальтово-синее, но ветер дул холодный. Хоуп сунула руки в карманы. В воздухе пахло солью и какой-то первозданной свежестью. Возле пикапа, стоявшего у кромки воды, на раскладном стульчике сидел человек, следя за целым рядом поставленных удочек – лески исчезали в морской воде. Хоуп даже стало интересно, поймал ли он что-нибудь. Ей ни разу не довелось увидеть, чтобы кто-то вытащил из воды рыбу на этом мелководье, но удить с пляжа в Каролине-Бич было очень популярным занятием.

В кармане завибрировал мобильный. Надеясь, что это кто-то из детей, Хоуп с разочарованием увидела пропущенный звонок от Джоша и снова убрала телефон в карман. В отличие от Джейкоба и Рейчел, бывшего мужа живо интересовало, отчего это она отправилась к морю. Он был уверен, что жена терпеть не может пляжный отдых, потому что за все годы брака Хоуп ни разу не согласилась провести отпуск на море. Всякий раз, как Джош

предлагал снять коттедж на берегу, Хоуп находила альтернативу: Диснейленд, Уильямсберг, кэмпинг в горах. Они ездили кататься на лыжах в Западную Виргинию и Колорадо, побывали в Нью-Йорке, Йеллоустоне, посетили Большой каньон и даже купили деревянный домик возле Ашвилла (после развода он достался Джошу). Много лет мысль оказаться у океана оставалась для Хоуп слишком болезненной: для нее песчаный пляж был навсегда неразрывно связан с Тру.

Однако она охотно отправляла детей в летние лагеря в Миртл-Бич и в лагерь серферов возле Нагс-Хед. И Джейкоб, и Рейчел быстро и хорошо научились кататься на доске, но по иронии судьбы именно после одной такой оздоровительной поездки Джошу и Хоуп пришлось снова начать общаться. В лагере Рейчел пожаловалась, что ей трудно дышать и у нее сильно колотится сердце; родители отвели девочку к кардиологу, и в тот же день у нее обнаружили не выявленный ранее врожденный порок, требовавший операции на открытом сердце.

Хоуп не разговаривала с Джошем уже четыре месяца, но ради дочери бывшие супруги отложили в сторону обоюдную неприязнь, по очереди дежурили ночами в больнице и ни разу не повысили друг на друга голос. Это единение перед лицом беды закончилось сразу после выписки Рейчел, но его оказалось достаточно, чтобы установить отношения, позволявшие обсуждать дела детей в почти любезной манере. Через некоторое время Джош женился на некоей Денизе, и, к удивлению Хоуп, отношения с бывшим мужем постепенно начали напоминать даже подобие дружбы.

Отчасти этому способствовал брак с Денизой: когда и эти отношения разладились, Джош начал звонить Хоуп, чтобы выговориться. Она утешала его как могла, но в конце концов Джош развелся и с Денизой, причем этот развод оказался даже скандальнее первого.

Стресс от двух разводов сказался на Джоше не лучшим образом: он уже ничем не напоминал красавца, за которого Хоуп выходила замуж. Джош растолстел, полысел, и начал сутулиться, кожа стала бледной и покрылась старческими пигментными пятнами. Не видев его несколько месяцев, Хоуп не сразу узнала бывшего мужа, когда он приветливо помахал ей в кафе загородного клуба. Она больше не находила его привлекательным и испытывала к нему разве что жалость.

Незадолго до выхода на пенсию Джош появился в гости в спортивной куртке и отглаженных слаксах, явно после душа. Чувствуя, что он зашел не просто так, Хоуп указала ему на диван, а сама нарочно присела в другом конце комнаты.

Джош не сразу перешел к делу, для начала поговорив о погоде, детях и

своей работе. Он спросил, разгадывает ли Хоуп по-прежнему кроссворды в «Нью-Йорк таймс» – привычка, которая у нее появилась, когда дети пошли в школу, и со временем превратившаяся в настоящую страсть. Хоуп ответила, что всего два часа как разделалась со свежим кроссвордом. Джош замялся, сложив ладони вместе, и Хоуп прямо спросила, что у него на уме.

– На днях я понял, что ты, получается, мой единственный настоящий друг, – решился он. – На работе у меня есть коллеги, но я не могу общаться с ними так, как с тобой.

Хоуп промолчала.

– Мы же друзья?

– Да, – согласилась она, – пожалуй, друзья.

– Мы же долгий путь прошли вместе?

Хоуп кивнула.

– Я много думал в последнее время... О тебе и обо мне. О прошлом. О том, сколько мы знаем друг друга. Ты веришь, что нашему знакомству уже тридцать лет?

– Я об этом как-то не задумывалась.

– А-а... Ну, ладно, – Джош кивнул, но Хоуп видела, что бывший муж рассчитывал на другой ответ. – Я пытаюсь подвести к тому, что... да, я совершил много ошибок и теперь горько сожалею. И о чем я только думал...

– Ты уже извинился, – перебила Хоуп. – Все это давно в прошлом, мы в разводе.

– Но мы же были счастливы в браке?

– Иногда, – согласилась Хоуп. – Но не всегда.

Джош снова кивнул с робким видом просящего:

– Слушай, а может, попробуем снова? В прошлом у нас случилась досадная осечка, но...

Хоуп показалось, что она ослышалась.

– Снова поженимся, что ли?!

Джош приподнял ладони:

– Нет, не поженимся, а... начнем встречаться? Устроим свидание! Разреши пригласить тебя на ужин в субботу. Посмотрим, как пойдет! Как я уже сказал, ты сейчас мой самый близкий друг...

– Я считаю, это неудачная мысль, – перебила Хоуп.

– Отчего же?

– По-моему, тебя одолела меланхолия, – отмахнулась она. – В таком состоянии даже плохие идеи кажутся хорошими. Наши дети должны знать,

что мы с тобой можем нормально общаться, и я не хочу этим рисковать.

– Я тоже не хочу ничем рисковать, просто подумал, может, ты все же дашь нам... мне... еще один шанс?

Хоуп показалось, что она совсем не знает этого человека.

– Не могу, – сказала Хоуп наконец.

– Но почему?

– Потому что я люблю другого, – ответила она.

Хоуп уже долго шла по пляжу. От сырого, холодного воздуха заболели легкие, и она решила повернуть обратно. При виде коттеджа вдали ей вспомнился Скотти: сейчас он бы очень огорчился и смотрел бы на хозяйку своими трогательными печальными глазами.

Дети почти не запомнили Скотти, хотя еще застали его: Хоуп где-то читала, что зона мозга, отвечающая за формирование длительной памяти, полностью развивается только к семи годам, а Скотти тогда уже не было. Зато они помнят Джуниора, шотландского терьера, который умер, когда они уже учились в колледже. Джуниор тоже был забавным псом, но любимцем Хоуп навсегда остался именно Скотти.

Телефон снова завибрировал. Джейкоб пока не ответил, зато Рейчел написала: «Развлекайся! Красивые мужчины есть? Лбл, цл» и добавила смайлик. Хоуп знала, что сейчас у молодежи собственный протокол в отношении сообщений с короткими ответами, сокращениями, нарочитыми ошибками и обилием символов. Сама Хоуп предпочитала прежний способ общения – личные встречи, телефонные звонки или традиционные письма, однако дети принадлежали к другому поколению, и она научилась делать так, как легче для них.

Хоуп задалась вопросом: что подумали бы Рейчел и Джейкоб, узнай они настоящую причину приезда матери в Каролину-Бич. У нее было ощущение, что дети не представляют для нее иной жизни, кроме как разгадывать кроссворды, иногда посещать салон и ждать в старом доме их приезда в гости. С другой стороны, они ведь не знают ее настоящую – ту, которой она когда-то была в Сансет-Бич.

Отношения с дочерью и с сыном у Хоуп были немного разными. Джейкоб пошел в отца: они целыми выходными могли смотреть футбол, вместе ездили на рыбалку, обожали боевики, увлекались спортивной стрельбой и часами обсуждали фондовый рынок и инвестиции. С матерью Джейкоб в основном говорил о своей девушке, после чего замолкал, будто исчерпав темы для разговора.

Рейчел очень сблизилась с матерью после больницы. Хотя лечивший ее

кардиолог клятвенно заверил, что устранение такого порока – процедура относительно безопасная, Рейчел ужасно боялась операции. Хоуп тоже с трудом сдерживала панику, однако при дочери была сама уверенность и спокойствие. Накануне операции Рейчел рыдала, боясь, что умрет или, хуже того, останется с безобразным шрамом на груди. Потеряв голову, она лепетала сумбурные признания, будто на исповеди: три месяца назад у нее появился бойфренд и сейчас настаивает на сексе; Рейчел уже почти согласилась, хотя ей и не хочется. Она рассказала, что очень беспокоится о своем весе и уже несколько месяцев вызывает у себя рвоту после переедания. Говорила, что сходит с ума практически по любому поводу – из-за внешности, популярности в классе, оценок и поступления в заветный колледж, хотя до этого оставалось еще несколько лет. Рейчел постоянно грызла ногти, отрывала заусенцы до крови, а как-то доверительно сообщила матери, что даже подумывает о самоубийстве.

Хоуп, разумеется, знала, что подростки много чего утаивают от родителей, но эти предоперационные откровения ее шокировали. Когда Рейчел поправилась, Хоуп нашла ей хорошего невропатолога, а потом и психиатра, выписавшего антидепрессанты. Медленно, но верно Рейчел начала успокаиваться и научилась принимать себя, а острая тревога и депрессия понемногу отступили.

Те тревожные дни стали началом новых отношений между матерью и дочерью. Рейчел поверила, что с мамой можно быть честной, не боясь осуждения или гнева. Когда пришло время поступать в колледж, она уже ничего не утаивала от матери. Хоуп, конечно, радовало такое доверие, но про себя она считала, что чуть меньше откровенности в некоторых темах (в основном про количество спиртного, которое студенты колледжа поглощали в невероятных количествах) спасло бы ей, матери, нервы.

Может, эта близость и стала причиной быстрого ответа Рейчел. Как хорошая подруга своей матери, она выразила свою заботу вопросом про красивых мужчин.

– А ты не хочешь кого-нибудь себе найти? – спросила Рейчел у Хоуп чуть больше года назад.

– Да нет, пожалуй.

– А почему? Тебя никто не зовет на свидания?

– Меня приглашали уже несколько человек. Я всем отказала.

– Что, придурки какие-нибудь?

– Нет, в основном приличные, нормальные люди.

Рейчел нахмурилась.

– Тогда в чем дело? Или ты боишься облажаться, как отец с Денизой?

– У меня есть вы двое и моя работа, мне хватает.

– Но ты уже на пенсии, а мы с Джейкобом дома не живем! Мне не нравится, что ты постоянно одна. А вдруг где-то ходит прекрасный человек, просто созданный для тебя?

Хоуп улыбнулась, но грустной улыбкой.

– Тогда, наверное, его стоит поискать.

Операция дочери стала для Хоуп серьезным испытанием, но куда тяжелее оказалось медленное угасание отца.

Первые годы после возвращения из Сансет-Бич ситуация оставалась терпимой: отец еще мог кое-как передвигаться, и с каждым месяцем Хоуп все больше убеждалась, что у него медленно прогрессирующая форма заболевания. Казалось, временами болезнь даже отступала, но потом за шесть-семь недель, словно по щелчку невидимого выключателя, отцу стало трудно ходить, затем он разучился стоять без поддержки, а потом и вовсе слег.

Сестры Хоуп помогали чем могли: установили поручни в ванной и коридорах и купили подержанный минивэн с подъемником для инвалидного кресла в надежде, что так отцу будет проще ездить по городу. Но через полгода он уже не мог водить машину, а мать вообще боялась садиться за руль. В итоге машину продали с убытком, а отец в последний год не выходил дальше заднего крыльца, не считая визитов к врачу.

Но он не был один: в доме постоянно находились родственники, бывшие ученики или коллеги. Как это принято на Юге, все несли еду, и в конце недели мать умоляла дочерей забрать часть домой, потому что в холодильнике не оставалось места.

Но продлилось это недолго. Отец постепенно терял речь. Последние месяцы жизни он дышал через кислородную маску и мучился от приступов кашля – атрофированные мышцы не могли вытолкнуть мокроту из легких. Хоуп помнила, как приходилось стучать его по спине, чтобы он откашлялся и не задохнулся. Отец страшно исхудал, и Хоуп очень боялась что-нибудь ему сломать, а он, прокашлявшись и отплевавшись, судорожно втягивал воздух, бледнел, как мука.

Время перед самым его уходом до сих пор вспоминалось ей как сплошной горячечный бред. Наняли профессиональных сиделок – сперва на полдня, потом на сутки. Отца кормили жидкой пищей через соломинку – он так ослаб, что на полстакана уходил почти час. Отказывал один орган за другим, началось недержание.

Хоуп приезжала каждый день. Говорить отцу было трудно, поэтому

разговор вела в основном она: рассказывала о сыне и дочери, о ссорах с Джошем, которого сосед видел в отеле с местной риелторшей, подтвердила, что муж покаялся в очередной интрижке, но любовницу не бросил, и она, Хоуп, не знает, как быть.

Наконец в один из дней, когда отец еще был в ясном сознании, шесть лет спустя после отъезда из Сансет-Бич, Хоуп рассказала о Тру. Отец не сводил с нее глаз, и когда Хоуп дошла до эпизода, как разрыдалась перед ним на веранде, пододвинул к ней руку впервые за много недель. Хоуп схватила отца за руку.

Он выдыхал – долго и с усилием, и откуда-то из горла донеслись звуки, походившие больше на бульканье. Однако Хоуп, хорошо знавшая отца, разобрала:

– А ты уверена, что уже поздно?

Через шесть дней отец умер.

На похороны собрались сотни людей. После кладбища все пришли на поминки, а когда к вечеру скорбящие разошлись, в доме стало тихо, будто и он умер вместе с хозяином. Хоуп, конечно, знала, что люди по-разному реагируют на стресс, но то, как повела себя мать, ее шокировало. Миссис Андерсон то и дело разражалась истерическими слезами. Она начала пить, перестала мыться и следить за собой. По всему дому валялась заношенная одежда, на полках скопился толстый слой пыли, на кухне громоздились грязные тарелки – посуду мыла Хоуп в свои приезды. Продукты в холодильнике портились, телевизор орал не переставая. Дальше мать начала жаловаться на всевозможные проблемы: светобоязнь, боль в суставах, рези в желудке и трудности с глотанием. Она стала дерганой, суетливой, не заканчивала фразы или же удалялась в свою комнату с опущенными шторами и закрывалась на ключ. Тишина за дверью казалась страшнее любых истерик.

Со временем ситуация только ухудшалась, и в конце концов мать практически перестала выходить из дома. Через четыре года после кончины мужа ей назначили резекцию грыжи. Операция считалась чуть ли не амбулаторной и, по мнению врачей, прошла абсолютно нормально. Грыжу вправили, что надо зашили, жизненно важные функции пациентки оставались стабильными на протяжении хирургического вмешательства, однако миссис Андерсон не проснулась после анестезии и через два дня умерла.

Хоуп знала и хирурга, и анестезиолога, и медсестер. Операция матери была в тот день одной из нескольких, и больше ни у одного пациента не

возникло ни малейших осложнений. Хоуп не была новичком в медицине и знала, что смерть иногда наступает без явных причин. В глубине души она придерживалась мнения, что мать просто очень хотела умереть и добилась своего.

Хоуп почти не запомнила ни прощания, ни похорон. В первые недели ни у нее, ни у сестер не хватало духу разобрать оставшиеся после матери вещи. Хоуп бродила по дому, где выросла, и не могла понять, как это – жить без родителей. Лишь через несколько лет она перестала ловить себя на мысли взять телефон и позвонить отцу или матери.

Боль утраты и печаль постепенно сменились воспоминаниями. Хоуп думала о каникулах, когда они отдыхали всей семьей, о прогулках с отцом, о семейных обедах и днях рождения, о кроссах, которые они бегали с папой, и о школьных проектах, которые делали с мамой. Больше всего она любила вспоминать своих родителей как любящую пару – супруги до седых волос флиртовали друг с другом, думая, что дети их не видят. Но улыбка пропадала так же быстро, как расцветала, потому что на память сразу же приходили Тру и утраченная возможность прожить с ним всю жизнь.

Вернувшись в коттедж, Хоуп несколько минут грела руки над конфоркой – октябрь выдался на редкость промозглый. Зная, что после захода солнца станет еще холоднее, она колебалась, не включить ли камин – автоматический, газовый, с имитацией дров, но потом решила прибавить температуру на термостате и сделать себе чашку горячего шоколада. В детстве Хоуп обожала согреваться таким способом, но в подростковом возрасте отказалась от шоколада, считая, что в нем слишком много калорий. Сейчас ее уже не волновали подобные мелочи.

Это напомнило Хоуп о возрасте, а на эту тему она предпочитала не думать. Хочешь не хочешь, но они живут в обществе, где в женщинах ценятся в первую очередь молодость и красота. Хоуп нравилось думать, что она выглядит моложе своих лет, но в глубине души она готова была признать, что обманывает себя.

Впрочем, все это несущественно – здесь есть более важные дела. Пригубив горячий шоколад, Хоуп смотрела, как заходящее солнце расплавленным золотом заливает океанскую гладь, и вспоминала двадцать четыре года своей жизни. Интересно, Джош догадывался, что она любит другого? Как бы Хоуп ни старалась скрыть свои чувства, порой ей казалось, что тайная любовь к Тру подточила ее брак. Может, Джош интуитивно знал, что в постели с ним Хоуп думает о ком-то еще? Понимал

ли он, что часть ее души навсегда закрыта для него?

Хоуп не хотелось верить, что это в какой-то мере объясняло частые измены мужа. Всю ответственность целиком (и даже сколько-нибудь значительную ее часть) за его амурные похождения она принимать не собиралась: он взрослый человек, сам отвечает за свои поступки. Но что, если...

Этот вопрос не давал ей покоя с того дня, как она узнала о первой измене Джоша. Хоуп прекрасно осознавала, что не до конца откровенна с мужем и что их брак был обречен с той минуты, как она ответила «да». Хоуп готова была загладить это нынешней дружбой, но не имела ни малейшего желания что-то пробовать еще раз. Для нее это просто попытка реабилитировать себя в собственных глазах, пусть Джошу и невдомек.

Она так и не сказала ему, что любит Тру, не желая больше никому и никогда делать больно, но отсутствие признания означало отсутствие прощения. Хоуп приняла это и смирилась с чувством вины – так люди привыкают жить с угрызениями совести за совершенные ошибки. Хоуп говорила себе, что большинство ее проступков можно считать мелкими по сравнению с тайной, которую она хранит от мужа, но как раз эта тайна не давала ей покоя.

Именно поэтому Хоуп и приехала к океану. Зеркальное сходство двух самых больших ошибок в ее жизни казалось ироничным и вместе с тем глубоким.

Джошу она не говорила о Тру, щадя его чувства.

Тру она сказала правду о Джоше, зная, что эти слова разобьют ему сердце.

Шкатулка

Хоуп проснулась, когда за белыми тюлевыми шторами уже сияло солнце. Небо было пронзительно-синее, а песчаный пляж слепил глаза неистовой белизной. День обещал быть прекрасным, несмотря на низкую температуру. Холодный фронт из долины реки Огайо, принесший с собой резкий ветер, от которого перехватывало дыхание, по прогнозам, задержится еще на несколько дней. В последние годы Хоуп начала понимать, почему Флорида и Аризона столь популярны среди пенсионеров.

Размяв затекшие ноги, она встала и сделала кофе, затем приняла душ и оделась. Хоуп не была голодна, но пожарила на завтрак яичницу и заставила себя ее съесть. Надев куртку и перчатки, она вышла на заднее крыльцо со второй чашкой кофе посмотреть, как все вокруг постепенно просыпается.

На пляже было почти безлюдно, только мужчина медленно брел за собакой – точно так же Хоуп в свое время гуляла со Скотти – и женщина вышла на утреннюю пробежку: вдоль кромки воды тянулась цепочка следов. Убранные в хвост волосы энергичной бегуни раскачивались из стороны в сторону. Глядя на нее, Хоуп вспомнила, как сама любила бегать. Спорт она забросила, когда дети были маленькими, и так и не вернулась к полезной привычке. Сейчас оставалось лишь сожалеть об этом: здоровье начало подводить. Как же чудесно принимать как должное избыток сил и энергии, молодое послушное тело! С возрастом много чего о себе узнаешь.

Хоуп отпила кофе, думая, как пройдет сегодняшний день. Она уже волновалась, хоть и убеждала себя не унывать и не терять надежды. В прошлом году Хоуп приехала сюда, окрыленная своим планом, несмотря на призрачный успех. Но прошлый год был началом, а в нынешнем все закончится... раз и навсегда ответив на вопрос: бывают ли на свете чудеса.

Допив кофе, она вернулась в коттедж и взглянула на часы. Пора было начинать собираться.

На кухонном столе стоял радиоприемник, и Хоуп его включила – музыка являлась частью ритуала. Она крутила колесико настройки, пока не нашла нежную мелодию. Прибавив звук, Хоуп вспомнила, как радио играло в тот вечер, когда они с Тру впервые занялись любовью.

Достав из холодильника бутылку вина, открытую вчера, Хоуп налила в

бокал не больше чем на один глоток. Как и музыка, вино тоже было частью ритуала открывания шкатулки, но так как сегодня предстояло вести машину, Хоуп сомневалась, что допьет хотя бы это.

Она подошла к столу и присела. Шкатулка стояла там, где Хоуп оставила ее накануне. Отставив бокал в сторону, она придвинула шкатулку к себе. Та была тяжелая, из массива очень плотного дерева, шоколадно-карамельного цвета, с нарочито большими медными петлями. Хоуп невольно залюбовалась искусной резьбой на крышке и стенках: оригинально стилизованные слоны и львы, зебры и носороги, жирафы и гепарды. Она увидела эту шкатулку на уличной ярмарке в Роли и, узнав, что вещь изготовлена в Зимбабве, сразу решила ее купить.

Джош, однако, вовсе не был очарован приобретением.

– Для чего, черт побери, такое покупать? – поморщился он, жуя хот-дог, пока Джейкоб и Рейчел играли в надувном замке. – Куда ты ее поставишь?

– Я еще не решила, – ответила Хоуп. Дома она отнесла шкатулку в спальню и поставила под кровать. Дождавшись, когда в понедельник Джош ушел на работу, Хоуп кое-что убрала в шкатулку и спрятала ее на дно коробки с детской одеждой на чердаке, зная, что Джош туда в жизни не заглянет.

После возвращения из Сансет-Бич Тру ни разу не попытался дать о себе знать. Первые год-два Хоуп боялась увидеть письмо в почтовом ящике или услышать его голос на автоответчике. Когда по вечерам звонил телефон, она напрягалась, собираясь с духом на всякий случай. Странно, но облегчение оттого, что это не Тру, сменялось разочарованием. Впрочем, он сразу написал в своем единственном письме, что в новой жизни Хоуп третий будет лишним, и она с болью в душе осознавала, что это правда.

Сама Хоуп не писала ему даже в худшие дни, когда брак с Джошем трещал по швам. Ей приходила мысль разыскать Тру; несколько раз она готова была так и сделать, но устояла перед искушением. Сбежать к нему было легко, но что дальше? Второго расставания ей не выдержать, да и семью Хоуп намеревалась сохранить. К Джошу у нее накопился длинный список претензий, но дети для Хоуп были важнее всего, она не могла делить свое внимание между ними и кем-то еще.

Поэтому Тру жил только в ее воспоминаниях – иначе Хоуп не могла. Она хранила памятные вещицы в шкатулке, время от времени перебирая ее содержимое, предварительно убедившись, что ей не помешают. Всякий раз, как шла программа о царственно прекрасных африканских животных, она обязательно включала телевизор, а в конце девяностых открыла для

себя книги Александра Маккола Смита и сразу увлеклась, потому что действие многих романов разворачивалось в Ботсване – не Зимбабве, конечно, но совсем близко, по ее мнению. Книги открыли для нее мир, о котором Хоуп решительно ничего не знала. За последнюю четверть века о Зимбабве несколько раз писали в крупных газетах и «Ньюс энд обсервер», выходившей в Роли; Хоуп узнала о конфискации земель правительством Зимбабве и гадала, что случилось с фермой, где вырос Тру. Она прочла, что в стране гиперинфляция, и сразу забеспокоилась, как это скажется на туриндустрии. Иногда по почте приходили туристические каталоги, и Хоуп сразу открывала раздел сафари. Хотя в основном сафари предлагались в ЮАР, иногда попадались упоминания о лодже в Хванге, и Хоуп долго рассматривала фотографии, стараясь почувствовать мир, который Тру называл домом. Ночью, лежа в кровати, она признавалась себе, что ее чувства к Тру остались такими же сильными и реальными, какими были много лет назад, когда Хоуп впервые прошептала, что любит его.

В 2006 году, когда развод был окончательно завершен, Тру исполнилось пятьдесят восемь лет. Хоуп было пятьдесят два, Джейкоб и Рейчел были еще подростками, а Джош уже встречался с Денизой. Хоуп не видела Тру шестнадцать лет, но надеялась, что у нее еще есть время все исправить. В Интернете можно было найти любую информацию, но реклама лоджей в Хванге не содержала сведений о гидах, кроме упоминания, что там работают самые опытные проводники в Зимбабве. Однако нашелся электронный адрес, и женщина, ответившая на запрос Хоуп, сообщила, что о Тру ничего не знает и он у них давно не работает. Тот же ответ Хоуп получила и на вопрос о Роми, приятеле Тру. Но женщина сообщила Хоуп имя прежнего управляющего, который перевелся в другой лагерь, и его электронный адрес. Хоуп написала управляющему, и он хотя и не знал, где сейчас может быть Тру, все же подсказал имя другого менеджера лагеря в Хванге, который работал там в девяностые. Номера телефона или электронного адреса у него не было, но он прислал почтовый адрес с оговоркой, что данные, возможно, уже устарели.

Хоуп написала второму менеджеру и с тревогой ждала ответа: Тру предупреждал, что время в буше течет медленнее и на почту не всегда можно положиться. Шли недели, месяцы, и Хоуп постепенно теряла надежду, что этот человек откликнется, но однажды в почтовом ящике оказалось письмо.

Дети еще не вернулись из школы, и Хоуп тут же надорвала конверт, жадно читая корявые строки. Она узнала, что из Хванге Тру уволился, и ходят слухи, что он подался на работу в Ботсвану. Куда конкретно,

менеджер не знал, но заверил, что дом в Булавайо Тру продал, когда его сын уехал учиться в университет в Европу (название университета и даже страны он не знал).

С этой скудной информацией Хоуп начала искать по лоджам Ботсваны, которых было несколько десятков. Она рассылала письмо за письмом, но Тру нигде не значился.

Наводить справки в европейских университетах она не стала – это было все равно что искать иголку в стоге сена, зато обратилась в «Зимбабвийские авиалинии», ища сотрудника, жену которого зовут Ким. Может, через бывшую супругу Тру получится что-то выяснить? Но и это оказалось тупиком: ей ответили, что человек по имени Кен работал в авиакомпании до 2001 или 2002 года, но уволился, и сейчас о нем сведений нет.

Тогда Хоуп решила расширить круг: она начала звонить в разные правительственные организации Зимбабве, спрашивая о крупной ферме, принадлежащей семье по фамилии Уоллс. Хоуп приберегла этот вариант напоследок, подозревая, что Тру окончательно перестал общаться с отчимом и сводными братьями после того, что узнал от своего биологического отца. Зимбабвийские чиновники тоже ничем не помогли, но напрашивался логический вывод, что ферму конфисковали, а землю раздали новым владельцам. Об Уоллсах не было никакой информации.

Исчерпав возможности, Хоуп решила облегчить Тру задачу на тот маловероятный случай, если он будет ее искать, и в 2009 году создала страницу в «Фейсбуке» и каждый день ее проверяла. Ей писали старые и новые друзья и подруги, родственники и бывшие коллеги, но Тру так ни разу на страницу и не зашел.

Осознание, что любимый человек как сквозь землю провалился и что они могут никогда больше не увидаться, повергло Хоуп в сильнейшую хандру. Она пережила немало утрат, но эта потеря была иного рода – с годами тоска по Тру только усиливалась. Дети выросли, и Хоуп дни и ночи проводила одна. Время неумолимо – жизнь прошла, конец, можно сказать, близок, и Хоуп невольно гадала, неужели ей суждено умереть в одиночестве.

Ей казалось, что слишком большой для одинокой женщины дом медленно превращается в ее склеп.

Хоуп пригубила бокал. Вино оказалось легким, сладким, но пить с утра было непривычно: ни разу в жизни Хоуп не пила алкоголя в такой ранний час и сомневалась, что снова отважится на этот опыт. Но сегодня она

решила, что заслуживает этого.

Какими бы увлекательными ни были воспоминания, как бы они ее ни поддерживали, ей уже тесно в ловушке памяти. Хоуп хотела прожить оставшиеся годы, не гадая с утра до вечера, отыщет ли ее Тру, – лучше посвятить больше времени Джейкобу и Рейчел. Но сильнее всего Хоуп жаждала душевного покоя, чтобы хотя бы месяц ее не посещало непреодолимое желание перебрать содержимое африканской шкатулки. Она твердо решила разобраться хотя бы с первыми пунктами в списке «предсмертных дел»: посидеть в аудитории на «Шоу Эллен Дедженерес», на Рождество съездить в поместье Билтмор, сделать ставку на Кентуккийском дерби и посмотреть, как «Тар Хилз» сыграют с «Дьюк Блю Девилз» на крытой арене Кэмерон в Дареме. С исполнением последнего желания могли возникнуть проблемы: билеты на баскетбол достать почти невозможно, но ведь так даже интереснее, не правда ли?

В прошлом году, вскоре после поездки к океану, когда Хоуп было особенно тоскливо, она удалила свою страницу в «Фейсбуке», отнесла шкатулку на чердак и больше к ней не притрагивалась, несмотря на огромное желание. Однако сейчас шкатулка словно звала ее, и Хоуп наконец приподняла крышку.

Сверху лежало выцветшее приглашение на свадьбу Эллен. Хоуп смотрела на тисненные буквы, вспоминая, какой она тогда была, воскрешая в памяти терзавшие ее тревоги, с которыми она приехала в Сансет-Бич. Иногда ей хотелось поговорить с собой тридцатилетней, но, с другой стороны, Хоуп не могла решить, что сказала бы себе прежней. Наверное, обнадеедила бы, что дети обязательно будут, но растить их придется совсем не так, как она себе представляет. Хоуп безмерно любила своих детей и дорожила ими, но как же порой они бесили и раздражали ее! Может, посоветовать себе молодой не сходить с ума из-за каждого чиха своих крошек или намекнуть, что, став мамой, она будет скучать по былой свободе?

А что сказать о Джоше?

Сейчас это уже размышления в пользу бедных, но при виде приглашения Хоуп невольно подумала, что жизнь похожа на узор из костей домино, расставленных на самом большом полу в мире: одна упавшая пластинка заставляет сложиться все остальные. Если бы не это приглашение, Хоуп не поссорилась бы с Джошем, не уехала бы на неделю в Сансет-Бич и не встретила бы Тру. Приглашение на свадьбу она сравнивала с первой упавшей доминошкой, ставшей началом цепочки событий, которые привели к самой большой любви в ее жизни. Совпадения

казались невероятными и одновременно виртуозно подстроенными, и Хоуп в тысячный раз гадала, чем это все закончится.

Отложив приглашение, она взяла рисунок, который Тру начал после первой ночи любви. Хоуп осознавала, что уже мало напоминает женщину на портрете с нежной, без морщин, кожей, еще дышащей уходящей молодостью. В густых волосах выделяются осветленные, будто выгоревшие на солнце, пряди, груди упругие, ноги стройные, без возрастных пятен и вен. Сходство было схвачено удивительно верно – куда там фотографам. И, глядя на свой портрет, Хоуп думала, что никогда не выглядела красивее, чем здесь. Потому что такой она выглядела в глазах влюбленного.

Отложив портрет к приглашению, Хоуп вынула из шкатулки второй лист. Этот рисунок Тру закончил, когда Хоуп уезжала на свадьбу; всякий раз, перебирая свои сокровища, она подолгу смотрела на этот рисунок. Они с Тру стоят на песчаном пляже у кромки воды, вдалеке виднеется пирс, и солнце ослепительными бликами отражается от поверхности воды. Тру и Хоуп смотрят друг на друга, обращенные в профиль к смотрящему на рисунок. Хоуп закинула руки на шею Тру, а его ладони легли ей на талию. Она снова отметила, что художник сделал модель красивее, чем в жизни, но ее внимание привлекло изображение самого Тру. Она смотрела на морщинки в уголках глаз, на ямочку на подбородке, окинула взглядом широкие плечи под тонкой тканью рубашки – и залюбовалась выражением лица человека, глубоко любящего женщину, которую он держит в объятиях. Хоуп поднесла рисунок ближе к глазам, гадая, смотрел ли Тру вот так на другую женщину. Ей этого никогда не узнать; в душе Хоуп желала ему счастья, но вместе с тем хотела верить, что чувства, которые они питали друг к другу, исключительны, уникальны.

Наконец она отложила и этот рисунок. Ниже находилось письмо, которое Тру положил ей в бардачок машины. Листок пожелтел по краям и начал рваться на сгибах – письмо постарело, как сама Хоуп. От осознания этого у нее в горле встал ком; она провела пальцем от обращения в начале до подписи в конце, словно соединяя оба имени, и начала читать строки, выученные наизусть. Сила, которой дышало письмо, ничуть не ослабла со временем.

Поднявшись из-за стола, Хоуп подошла к кухонному окну, рассеянно думая обо всем этом, и вдруг увидела, как Тру прошел мимо с удочкой на плече и ящиком со снастями в руке, на ходу обернувшись, чтобы взглянуть на Хоуп. Он приветственно помахал, и она невольно подняла руку, коснувшись стекла.

– Я всегда любила тебя, – прошептала Хоуп, но стекло было холодным, на кухне царил тишина, и Хоуп, моргнув, увидела, что на пляже нет ни души.

Через двадцать минут в шкатулке была только ксерокопия письма, написанного самой Хоуп в прошлом году. Оригинал она оставила в «Родственных душах», сходя к почтовому ящику во время отлива. Не попавшее к адресату письмо бесполезно, и сейчас, разворачивая листок, Хоуп корила себя за глупую затею. Тру не увидит этого письма, однако в размашистых строчках крылось обещание, которое она намеревалась сдержать. Хоуп надеялась, что это придаст ей силы наконец сказать «прощай».

«Это письмо Богу и Вселенной.

Мне нужна ваша помощь в последней попытке извиниться за решение, принятое много лет назад. Моя история одновременно проста и сложна. Для точного воссоздания событий потребовался бы целый том, поэтому я перечислю самое основное.

В сентябре 1990 года, приехав в Сансет-Бич, я встретила человека родом из Зимбабве, Тру Уоллса. В то время он работал сафари-гидом в заповеднике в Хванге. У него есть собственный дом в Булавайо, но вырос он на ферме возле Хараре. Ему было сорок два года, в разводе, и у него был десятилетний сын Эндрю. Мы познакомились в среду утром, а к вечеру четверга я полюбила Тру навсегда.

Кто-то сочтет, что это невозможно и я путаю страсть с любовью. Могу лишь ответить: я десятки раз обдумывала такую вероятность и отвергла ее как ошибочную. Если бы вы знали этого человека, вы бы поняли, почему я отдала ему свое сердце. При виде нас каждому стало бы ясно, что чувства, которые мы питаем друг к другу, реальны и неподдельны. За несколько дней, проведенных вместе, мы стали, как мне хочется думать, половинками одного целого, неразрывно связанными навеки. Но к воскресенью все было кончено, и завершила все это я по причинам, стоившим мне двух с половиной десятков лет мучительных раздумий.

Мое решение было правильным – и вместе с тем неверным. Доведись мне выбирать снова, я сделала бы все так же/я поступила бы иначе. Внутренний конфликт не утих до сих пор, но я уже смирилась, что никогда не найду ответа на этот вопрос.

Незачем и говорить, что мое решение стало для Тру страшным

ударом. Огромное чувство вины не дает мне покоя до сих пор. Сейчас я достигла возраста, когда люди стараются исправить прежние ошибки, и вот здесь Бог и Вселенная могут помочь, потому что моя просьба совсем простая.

Я хочу снова увидеть Тру и извиниться перед ним. Хочу, чтобы он меня простил, если сможет, потому что я мечтаю обрести душевный покой. Хочу, чтобы он знал, как сильно я любила его тогда и люблю до сих пор. Хочу признаться, как я сожалею.

Кто-то недоуменно спросит, отчего бы мне не связаться с ним более традиционными способами. Поверьте, я пыталась. Я несколько лет безуспешно его ищу. Не то чтобы я действительно верю, что это письмо найдет Тру, но если до него дойдет весточка, то пусть он вспомнит, куда мы ходили в четверг днем перед самым дождем.

Там я буду ждать его шестнадцатого октября 2014 года. Если Тру вспоминает это место с тем же благоговением, что и я, тогда он будет знать час, когда я туда приду.

Хоуп»

Взглянув на часы, Хоуп решила, что «Родственные души» уже ждут. Сложив все обратно в шкатулку, она закрыла ее со странной решимостью, зная, что не отнесет свое сокровище на чердак и даже не повезет домой. Шкатулка останется здесь, на каминной полке, и владелец коттеджа волен делать с ней что захочет. А содержимое, кроме приглашения на свадьбу, Хоуп отнесет в «Родственные души». Ей нужен день-два, чтобы убрать имена, но она надеялась, что другие люди, которые ходят к этому почтовому ящику, полюбят эти реликвии, как когда-то они с Тру благоговейно отнесли к письму Джо Лене. Пусть люди не забывают, что любовь часто ждет своего часа, ведомого только ей, и расцветает, когда на это меньше всего рассчитываешь.

Поездка была недлинной, и дорогу Хоуп знала как свои пять пальцев: через новый мост Сансет-Бич, мимо пирса и к западной оконечности острова.

Оставив машину, она закуталась потеплее и медленно пошла по низким дюнам, с облегчением убедившись, что пляж остался прежним. Штормы, ураганы и течения понемногу меняют рельеф барьерных островов у побережья Северной Каролины, однако Сансет-Бич, видимо, оказался относительно устойчивым к природному воздействию, хотя уже в прошлом году на Берд-Айленд можно было пройти пешком даже во время прилива.

Идти по мягкому, сыпучему песку – дело непростое, и Хоуп скоро

выбилась из сил и с трудом переставляла ноги. Дойдя до западной границы Сансет-Бич, она оглянулась: сзади тянулся пустой песчаный пляж. Берег лизали небольшие волны, коричневый пеликан пролетел над самыми бурунами. Хоуп провожала его взглядом, пока он не превратился в маленькое пятнышко вдали.

Собравшись с силами, она зашагала дальше, пересекая ложбину с твердым песком, которая была под водой всего несколько часов назад. У Берд-Айленд ветер вдруг стих, словно приветствуя ее возвращение. Воздух казался мягче, не таким насыщенным запахами моря, а солнце, которое поднялось уже довольно высоко, заставляло щуриться, отражаясь от огромной линзы океана. В неожиданно наступившей тишине Хоуп поняла, что лгала себе с самого приезда: она пришла не затем, чтобы попрощаться. Она проделала весь этот путь, потому что хотела верить в невозможное. Она пришла, не в силах отпустить иррациональную веру в то, что «Родственные души» хранят ключ к ее будущему. Хоуп пришла, всем своим существом надеясь, что Тру каким-то непостижимым образом узнал о ее письме и будет ждать на пляже.

Рассудком она понимала, что это абсурд, но предчувствие подсказывало – Тру придет. С каждым шагом Хоуп словно приближалась к нему – в бесконечном шуме океана слышался его голос, и, несмотря на холодный ветер, ей стало теплее. Ноги уходили в песок, точно некие силы пытались ее задержать, но Хоуп лишь ускорила шаг. Дыхание вырывалось белыми клубами, сердце колотилось, но она все равно спешила вперед. Крачки и чайки сидели стаями, кулики-песчанки ныряли в набегающие волны и тут же показывались снова. Хоуп даже ощутила некую симпатию к этим птицам, единственным свидетелям встречи, которая готовилась двадцать четыре года. Чайки увидят, как она упадет в объятия Тру, и услышат, как Тру скажет, что никогда не переставал ее любить. Он окружит ее и поцелует, и они поспешат в коттедж, наверстывать упущенное время...

Резкий порыв ветра будто встряхнул ее, вырвав из грез. Хоуп, пошатнувшись, едва устояла на ногах и с горечью подумала: «Кого я обманываю?»

Она просто дурочка, верящая в сказки, живущая в плену воспоминаний. Никто не стоял у кромки воды и не приближался издалека. На пляже она одна, и необъяснимая уверенность в том, что Тру непременно окажется у почтового ящика, стремительно улетучивалась. Он не придет. Как Тру может прийти в назначенный час, распекала себя Хоуп, если он ничего не знает о ее письме!

Она пошла медленнее. Каждый шаг давался с боем, позволяя продвинуться всего на несколько дюймов. Шли минуты – десять, пятнадцать. Наконец Хоуп увидела вдали американский флаг, бившийся на ветру, и свернула к дюне.

За первым же песчаным выступом она увидела почтовый ящик и скамью, пустую, как всегда. Дойдя до скамьи, Хоуп буквально упала на нее.

Тру нигде не было видно.

Погода налаживалась – оглядывать пляж приходилось из-под ладони. В прошлом году этот день был облачным, как тот, когда они были здесь с Тру, и Хоуп посетило ощущение дежавю. Сейчас высоко стоявшее солнце словно дразнило ее за глупость.

Край дюны загораживал отрезок пляжа, по которому она только что прошла, и Хоуп стала смотреть в противоположную сторону на флаг, на волны, на прибрежных птиц и мягко покачивавшуюся меч-траву, которой поросли дюны. Хоуп не уставала поражаться, как мало изменился ландшафт с тех пор, как отец водил ее сюда, и как изменилась внутренне она сама. Прожив почти целую жизнь, Хоуп не совершила ничего выдающегося, не оставила после себя сколько-нибудь значительного следа и уже не оставит, но любовь, как она уже твердо знала, единственное, что имеет значение. Хоуп вдруг осознала, что в ее жизни было это редкое счастье.

Она решила отдохнуть перед обратной дорогой и обязательно заглянуть в почтовый ящик. Пальцы покалывало от нетерпения, когда Хоуп открыла дверку и вынула стопку писем. Отнеся их на скамью, она для надежности прижала письма своим шарфом.

Следующие полчаса Хоуп увлеченно читала послания неизвестных авторов. Почти в каждой речь шла об утрате, будто люди писали на заданную тему. Два письма от отца и дочери были адресованы жене и матери, умершей четыре месяца назад от рака яичников. Еще одно письмо было от некоей Валентины, скорбевшей по скончавшемуся мужу. Четвертое было о внуке, погибшем от передозировки наркотиков. Очень хорошо и грамотно написанное письмо повествовало о страхах автора потерять работу, а затем и заложенный дом. Три письма были от женщин, недавно ставших вдовами, и хотя Хоуп хотелось верить в лучшее, в душу невольно закралась мысль, что и Тру потерян для нее навсегда.

Она отложила прочитанное в сторону. Оставалось два письма, и Хоуп, решив дочитать все, взялась за очередной конверт. Он не был запечатан. Вынув сложенный лист – желтый, из линованного блокнота – Хоуп

расправила его на солнце и некоторое время смотрела на обращение, не веря своим глазам:

«Хоуп».

Она заморгала, глядя на собственное имя:

«Хоуп».

Это невозможно, но желтый листок был реален, и у нее закружилась голова. Хоуп узнала почерк – не далее чем утром она видела эти самые буквы в прощальном письме. Она узнала бы его из тысячи, но в таком случае где же сам Тру?

Почему он не пришел?

Мысли понеслись кувырком, все вдруг утратило логику и смысл, кроме письма в руке. На листке стояла дата – второе октября, то есть двенадцать дней назад...

Двенадцать дней?!

Хоуп уже ничего не понимала. Смятение породило целый вихрь вопросов: может, ему сообщили неправильную дату? Ее письмо каким-то образом попало к Тру или это невероятное совпадение и новое письмо предназначено другой Хоуп? Действительно ли это почерк Тру? А если да, то...

Где же он?

Где же он?

Где же он?

Руки задрожали, и Хоуп плотно закрыла глаза, стараясь успокоиться и остановить лавину вопросов. Она несколько раз медленно и глубоко вздохнула, убеждая себя, что ей показалось. Сейчас она откроет глаза, и в письме окажется другое имя, да и почерк будет не особенно похож.

Овладев собой, Хоуп взглянула на разлинованный листок:

«Хоуп».

Нет, она не ошиблась – это действительно его рука. После первых же строк у нее перехватило дыхание.

«Хоуп».

Предназначение, больше всего волнующее людей, касается любви.

Я пишу это письмо, сидя в комнате, которую занимаю уже больше года, – в домашней гостинице «Стэнли-хаус» в историческом центре Уилмингтона. Владельцы очень приятные люди, заведение тихое, и стол приличный.

Такие подробности могут показаться несущественными, но я волнуюсь, поэтому позволь мне сразу перейти к главному: я узнал о твоём

письме двадцать третьего августа и вылетел в Северную Каролину двумя днями позже. Я понял, где ты хочешь со мной встретиться, и предположил, что ты появишься во время отлива, но по причинам, которые я объясню позже, точной даты я не знал; оставалось догадываться по смутным намекам. Поэтому я решил остановиться в гостинице домашнего типа – раз уж придется некоторое время пробыть в Северной Каролине, нужно что-то поудобнее отеля, а снимать коттедж я не хотел (признаюсь, я просто не знал, как это делается в чужой стране). Зато я твердо знал, что не могу не прийти, раз обещал тебе, что приду.

Не располагая точным содержанием письма, я предположил, что ты выберешь сентябрь, месяц нашего знакомства. Я ежедневно ходил к «Родственным душам», высматривал и ждал тебя, но безуспешно. Я уже начал гадать, не разминулись ли мы с тобой или, может, ты передумала. «Неужели судьбе угодно разлучить нас и на этот раз», – думал я. Когда сентябрь закончился и начался октябрь, я решил оставить здесь письмо в надежде, что однажды оно попадет к тебе, благодаря какому-нибудь необъяснимому стечению обстоятельств, которое имело место быть с твоим посланием.

Мне передали, что ты хочешь извиниться за то, что когда-то ты приняла болезненное для меня решение. Я сказал тебе тогда и повторю сейчас: ты не должна этого делать. Нашу встречу и мою любовь к тебе я с радостью пережил бы еще тысячу раз в других жизнях, выпади мне такой шанс.

Я не держал и не держу на тебя никакого зла.

Тру»

Дочитав письмо, Хоуп с бешено бьющимся сердцем некоторое время смотрела на желтый листок. Дюны и океан точно надвинулись на нее, угрожая обрушиться и похоронить под слоем песка и воды. В письме не говорилось, живет ли еще Тру в своем пансионе и как его найти, если он вернулся в Африку.

– Так ты что, уехал? – крикнула Хоуп. – Только не говори мне, что ты уже уехал!

При этих словах она подняла голову и увидела человека, стоявшего не более чем в десяти футах. Солнце светило ему в спину, лица было не разглядеть, но Хоуп столько раз мысленно рисовала себе этот образ, что мгновенно узнала его. У нее приоткрылся рот, и когда Тру нерешительно шагнул к ней, в уголках его губ Хоуп разглядела улыбку.

– Я не уехал, – заверил он. – Я здесь.

Воссоединение

При виде Тру Хоуп будто приросла к скамье. Это невозможно – откуда ему здесь взяться? – она была не в силах справиться с эмоциями. Радостное изумление смешивалось с настоящим шоком, лишившим Хоуп дара речи: ей даже показалось, что, заговорив, она прогонит виденье.

Он здесь! Она смотрит на него и слышит его! При звуках голоса Тру воспоминания о неделе, проведенной с ним, нахлынули с новой силой. Первой мыслью Хоуп было, что Тру мало изменился за четверть века. Он остался стройным, широкие плечи не согнуло бремя прожитых лет. Волосы, несколько поредевшие и ставшие совершенно серебристыми, сохранили небрежный, немного растрепанный вид, который Хоуп обожала. Одет Тру оказался в точности как тогда: аккуратно заправленная рубашка, джинсы и сапоги. Она помнила, что Тру словно не замечал холода, но сегодня на нем была куртка, правда, расстегнутая.

Он по-прежнему стоял на некотором расстоянии, потрясенный не меньше ее, и наконец решился:

– Здравствуй, Хоуп.

При звуках знакомого голоса, произносящего ее имя, сердце Хоуп подпрыгнуло в груди.

– Тру? – выдохнула она.

Он двинулся навстречу.

– Я смотрю, ты нашла письмо, которое я для тебя оставил...

Только тут Хоуп спохватилась, что по-прежнему держит в руке листок.

– Да, – кивнула она. Свернув послание, Хоуп машинально опустила его в карман куртки. В голове спутались все мысли – столкнулись образы из прошлого и настоящего. – Ты шел за мной по пляжу? Я тебя не видела.

Тру показал большим пальцем за плечо:

– Я шел от Сансет-Бич, но я тебя тоже не заметил, пока не стал виден почтовый ящик. Прости, если я тебя напугал.

Хоуп покачала головой, поднимаясь со скамьи.

– До сих пор не верю, что ты здесь. Мне кажется, я во сне!

– Это не сон.

– Откуда ты знаешь?

– Потому что один и тот же сон не может сниться обоим, – мягко ответил Тру с легким акцентом, который она прекрасно помнила. – Много времени прошло, – добавил он.

– Да...

– А ты по-прежнему красавица, – сказал Тру с ноткой восхищения в голосе.

Хоуп почувствовала, как запылали щеки – давно позабытое ощущение.

– Ну, это не так, – она убрала с лица прядь волос, – но спасибо.

Он подошел почти вплотную и мягко взял ее за руку. Тепло от его прикосновения распространилось по телу Хоуп, и хотя Тру был достаточно близко, чтобы ее поцеловать, он этого не сделал. Тру легонько водил по ее коже большим пальцем, оставляя невидимый, но ощутимый след легчайшего электрического покалывания.

– Как ты? – спросил он.

Каждая клеточка ее тела вибрировала.

– Я... – Хоуп сжала губы, но справилась с собой: – Не знаю. Как оглушенная.

Тру не отрываясь смотрел ей в глаза, и от этого годы, которые они потеряли, как будто исчезали.

– Я о стольком хочу у тебя спросить, – сказал он.

– Я тоже, – прошептала она.

– Как прекрасно снова тебя увидеть...

Хоуп показалось, что она смотрит в подзорную трубу – весь мир уменьшился до размеров этого необыкновенного мгновения. Тру стоял рядом после стольких лет разлуки! Не прибавив больше ни слова, они бросились в объятия друг друга. Тру привлек ее к себе, и Хоуп будто снова стало тридцать шесть лет. Она наслаждалась ощущением его надежного, сильного тела, а яркое октябрьское солнце заливало все вокруг.

Так они простояли довольно долго. Наконец Хоуп чуть отстранилась, чтобы рассмотреть Тру. Морщины стали заметнее и глубже, но ямочка на подбородке и теплый взгляд синих глаз остались прежними. Хоуп поймала себя на мысли: хорошо, что она недавно подстриглась, а утром навела красоту... Воспоминания накладывались на ощущения, испытываемые в настоящем, и по непонятной причине глаза Хоуп увлажнились. Смутившись, она вытерла слезы.

– Ты расстроена? – спросил Тру.

– Нет, все в порядке. – Она шмыгнула носом. – Прости, что я плачу, но я... просто не верила, что такое возможно... Что ты придешь...

Он улыбнулся уголками губ.

– Признаюсь, меня привела сюда череда экстраординарных событий.

Несмотря на слезы, Хоуп рассмеялась, отвыкнув от его манеры говорить. Тру по-прежнему выражался несколько необычно, и от этого она

немного пришла в себя.

– Как ты нашел мое письмо? – спросила Хоуп. – Или ты был здесь в прошлом году?

– Не был, – отозвался Тру. – И письма я не читал, мне о нем рассказали. Но... давай сначала о тебе. Как у тебя сложилась жизнь?

– У меня все хорошо, – привычно ответила Хоуп, – я... – и замолчала, вдруг растерявшись. Что сказать бывшему любовнику спустя двадцать четыре года? Что она мечтала об этой минуте, едва они попрощались? – У меня многое произошло, – только и сказала Хоуп.

– Правда? – Тру шутливо приподнял бровь, и Хоуп не сдержала улыбки. Им всегда было легко друг с другом, и это не изменилось.

– Даже не знаю, с чего начать, – призналась она.

– Может, с того момента, где мы остановились?

– Я не вполне понимаю, что это значит.

– Хорошо, тогда вот с чего: полагаю, ты вышла замуж?

Разумеется, Тру догадался, почему она ни разу не напомнила о себе. Но в его тоне не было печали или горечи, а лишь любопытство.

– Да, – ответила Хоуп, – мы с Джошем поженились, но... – пускаться в подробности не хотелось. – Но восемь лет назад развелись.

Тру опустил взгляд, но тут же снова посмотрел на нее:

– Должно быть, тебе пришлось нелегко. Сочувствую.

– Не стоит, – пожала плечами она. – Брак себя исчерпал, пора было заканчивать. А ты женился?

– Нет, – ответил Тру. – До этого так и не дошло. Сейчас живу один.

Хотя это было довольно эгоистично, Хоуп почувствовала облегчение.

– Но зато у тебя есть Эндрю. Ему ведь уже за тридцать?

– Тридцать четыре, – отозвался Тру. – Я вижусь с ним несколько раз в год, он сейчас живет в Антверпене.

– Он женат?

– Да, уже три года.

Ничего себе, поразила Хоуп. Это не укладывалось в голове.

– А дети есть?

– Моя невестка Аннетт беременна первенцем.

– Значит, ты скоро станешь дедушкой?

– Похоже на то, – признал Тру. – А у тебя есть дети, о которых ты так мечтала?

– Двое, – кивнула Хоуп. – Мальчик и девочка. Хотя, наверное, правильнее сказать, молодой человек и девушка, им уже за двадцать. Джейкоб и Рейчел.

Тру нежно сжал ее руку:

– Я рад за тебя.

– Спасибо. Ими я горжусь больше всего в жизни, – ответила Хоуп. – Ты по-прежнему работаешь гидом?

– Нет, три года назад ушел на покой.

– Скучаешь по работе?

– Ничуть, – заверил Тру. – Мне уже стало нравиться вволю спать по утрам и не думать, явились львы ко мне на порог или нет.

Хоуп чувствовала, что беседа, как ручеек, обегает самые серьезные темы, но разговаривать с Тру было удивительно легко. Она невольно вспомнила своих подруг, с которыми можно было не общаться по несколько месяцев, а потом продолжить разговор с того места, на котором расстались. Хоуп и не предполагала, что с Тру будет примерно так же, но приятную непринужденность подпортил истинно арктический порыв ледяного ветра, от которого не спасла и теплая куртка, – над дюной даже поднялся песок. Оглянувшись, Хоуп увидела, что шарф слегка сдвинулся на скамье, а края писем затрепетали.

– Подожди, я сложу все обратно, а то унесет.

Она поспешила к почтовому ящику. По дороге сюда ноги казались свинцовыми, зато сейчас Хоуп чувствовала себя помолодевшей, будто время повернуло вспять. Так оно и есть, подумала она.

Закрыв дверцу ящика, Хоуп обернулась к Тру, подошедшему следом.

– Твое письмо я оставлю себе, – сказала она, – если ты не против.

– Отчего же, я писал его для тебя.

Хоуп надела шарф.

– Почему ты не написал, что по-прежнему в Уилмингтоне? Можно было добавить строчку: «Жди меня».

– Я не знал, надолго ли останусь. Мне было неизвестно, в каких числах ты придешь, а оригинала твоего письма в ящике уже не было.

Она склонила голову набок:

– На сколько же ты планировал остаться?

– До конца года.

Хоуп показалось, что она ослышалась.

– Ты собирался ходить сюда до января?! А потом что, вернуться в Африку?

– Ты наполовину права. Я собирался остаться до января, но в Африку не хотел возвращаться. По крайней мере, не сразу.

– Куда же ты планировал отправиться?

– Я собирался поселиться в Штатах.

– Почему?

Казалось, его озадачил этот вопрос.

– Чтобы искать тебя, – ответил он.

Хоуп открыла рот, но не нашла слов. «Это как-то нелогично», – пришла ей в голову мысль. Она не заслуживает такой преданности. Она же его бросила. Видела, как он страдает, но уехала, оставив Тру одного на дороге. Она разрушила его надежды и принялась строить жизнь с другим человеком.

Но во взгляде Тру читалось, что его любовь не потускнела, а ведь он еще не знает, как она тосковала по нему и как до сих пор его любит. Тихий, но внятный голосок призывал ее быть осторожной и абсолютно честной, чтобы не сделать Тру больно еще раз. Но в эмоциональном вихре их воссоединения этот голосок звучал будто издалека, становясь эхом, стихшим почти до шепота.

– Что ты делаешь сегодня днем? – спросила Хоуп.

– Ничего. А что ты задумала?

Не отвечая, она улыбнулась, уже зная, куда им пойти.

Они возвращались той же дорогой и достигли наконец песчаной ложбины, отделявшей Берд-Айленд от Сансет-Бич. Вроде бы показались очертания пирса, но ослепительный блеск водной глади под солнцем мешал смотреть вдаль. Длинные, спокойные волны мерно набегали на берег. На пляж высыпали люди: крохотные фигурки двигались у кромки воды. Воздух был напоен запахом сосен и ветра, но от обжигающего холода сводило пальцы.

Они шли неторопливо. Тру не возражал, Хоуп заметила, что он немного прихрамывает, и задалась вопросом: что же случилось. Может, и ничего особенного – артрит, например, или какой-нибудь результат активной жизни, но это напомнило ей, что, несмотря на общую историю, они во многих отношениях незнакомцы. Она бережно хранила память о Тру, но он не был обязан оставаться прежним.

А вдруг остался?

Идя рядом с ним, Хоуп не была уверена. Все, что она знала, – с Тру ей все так же легко и комфортно, как двадцать четыре года назад. Поглядывая на него, Хоуп видела, что и ему с ней хорошо. Он тоже держал руки в карманах, щеки зарозовели на холоде, и вид у него был спокойный, даже умиротворенный, точно у вернувшегося домой человека после долгих странствий. Начинался прилив, поэтому они шли по краешку пляжа аккуратно, остерегаясь волн, которые могли промочить обувь.

Завязался разговор, свободный и непринужденный, совсем как прежде. Говорила в основном Хоуп, рассказывая о смерти своих родителей, о работе и совсем коротко о браке и разводе с Джошем. Центром же беседы, как она сама заметила, стали Джейкоб и Рейчел. Хоуп пересказала бесчисленные истории из их детства и юности, призналась, как боялась операции на сердце Рейчел, и все это время видела в лице Тру теплоту или тревогу, свидетельства сопереживания. Конечно, вспоминалось не все – некоторые детали забылись, но Тру инстинктивно угадывал недостающие нити в узорах ее прошлого. Когда они проходили под пирсом, Хоуп показалось, что Тру уже практически все знает об ее материнстве.

После подъема на сыпучий песок, сворачивая к тропе через дюны, Хоуп пошла впереди. В отличие от крайне утомительного пути до «Родственных душ», обратную дорогу она едва замечала. Пальцы в карманах куртки уже согрелись, и хотя говорила в основном Хоуп, она ничуть не запыхалась.

По тропинке они вышли на улицу, и Хоуп увидела, что рядом с ее машиной припаркована другая.

– Твоя? – спросила она.

– Прокатная, – отозвался Тру.

Логично, подумала Хоуп, но отметила, что машины стоят совсем рядом, будто притянутые друг к другу той же волшебной силой, воссоединившей Тру и Хоуп. Она нашла это удивительно трогательным.

– Давай я поеду первой? – предложила Хоуп. – А то путь довольно неблизкий.

– Поезжай.

Открыв дверь, Хоуп села за руль. В машине было холодно, и, заведя мотор, она поставила обогреватель на максимум. Через окно Хоуп видела, как Тру садится в свою машину. Она сдала назад и остановилась на улице подождать его. Когда Тру показал, что готов, Хоуп сняла ногу с педали тормоза, и машина покатила вперед, навстречу новому дню, начавшемуся с невероятного события, и к будущему, о котором она пока не могла и думать.

В тишине мысли начали разбредаться. Хоуп часто поглядывала в зеркало, убеждаясь, что Тру не исчез и у нее не галлюцинации. Она никак не могла поверить, что он узнал об ее письме.

«Но Тру же узнал», – мысленно возразила она себе.

Он здесь. Он приехал, потому что Хоуп хотела его видеть. И он все еще любит ее.

Она глубоко вздохнула, успокаиваясь. В салоне наконец стало теплее. Тру повторял все маневры автомобиля Хоуп. По мосту они выехали на

шоссе, где светофоры, будто сговорившись, давали им зеленый свет, и вскоре поравнялись с Каролиной-Бич. Проехав маленький мост, они через несколько поворотов оказались перед коттеджем, который снимала Хоуп.

Она подождала, пока Тру остановится рядом и выключит мотор, и только потом вышла, слыша, как постукивает остывающий двигатель. Тру в своей машине обернулся и что-то взял с заднего сиденья – его волосы серебристой копной мелькнули за стеклом.

По небу плыли тонкие облака, немного смягчая яркость солнца. Ветер не унимался, и после тепла машины Хоуп вздрогнула и обхватила себя руками. Где-то в кронах деревьев запела кардиналовая овсянка; разглядев ее, Хоуп сразу вспомнила письмо Джо Лене. «Кардиналы, – говорилось там, – образуют пары на всю жизнь...» При этой мысли Хоуп невольно улыбнулась.

Тру легко выбрался из машины с холщовой сумкой в руке – его движения остались такими же гибкими и ловкими, как четверть века назад, – и прищурился, рассматривая коттедж.

– Здесь ты остановилась?

– Сняла на недельку.

Он оглядел дом и повернулся к Хоуп:

– Напоминает коттедж твоих родителей.

Она снова улыбнулась, пребывая во власти воспоминаний.

– Я тоже об этом подумала, когда увидела его.

Лучи осеннего солнца косо ложились на землю, когда Тру шел за Хоуп к крыльцу. В прихожей она стянула шапку, перчатки и шарф и повесила куртку в шкаф. Тру повесил рядом свою куртку, а холщовая сумка отправилась на тумбочку, к вещам Хоуп. В этой слаженности было что-то очень уютное и домашнее, словно они всю жизнь делали это вместе.

Из окон слегка сквозило. Хоуп уже отрегулировала термостат, но дом с трудом выдерживал натиск стихий. Растирая руки выше локтей, чтобы разогнать кровь, Хоуп смотрела, как Тру изучает обстановку. У нее возникло ощущение, что от его взгляда по-прежнему ничто не может укрыться.

– Поверить не могу, что ты и в самом деле здесь, – сказала она. – Вот никогда бы не подумала, что ты приедешь!

– Однако ты ждала меня у почтового ящика.

Хоуп признала справедливость этого замечания и робко улыбнулась, а затем двумя-тремя движениями поправила уложенные волосы.

– Разговор вела почти исключительно я, и теперь мне хочется

послушать о тебе.

– Моя жизнь была вовсе не такой интересной.

– Так я тебе и поверила, – скептически протянула Хоуп и тронула его за локоть. – Ты голоден? Будешь есть?

– Только если ты составишь мне компанию. Я поздно завтракал, так что с голоду не умираю.

– Тогда, может, бокал вина? Наша встреча заслуживает того, чтобы ее отпраздновать.

– Согласен, – сказал Тру. – Тебе помочь?

– Нет, но, если ты не против, включи камин. Поверни вон тот выключатель возле каминной полки. Автоматика... Чувствуй себя как дома, я сейчас вернусь.

Хоуп пошла на кухню и открыла холодильник. Вынув бутылку вина, она наполнила два бокала и вернулась в гостиную. В камине уже горел огонь, Тру сидел на диване. Вручив ему бокал, Хоуп поставила свой на кофейный столик.

– Дать тебе плед? Мне все равно как-то зябко.

– Нет, мне нормально, – отказался Тру.

Хоуп взяла плед с кровати, присела на диван и как следует укрылась, после чего потянулась за бокалом. Тепло от камина медленно распространялось по комнате.

– Как хорошо... – мечтательно протянула она, думая, что Тру так же красив, как в их первую встречу. – Совершенно невероятно, но удивительно хорошо...

Тру засмеялся таким знакомым ей смехом.

– Не просто хорошо, а чудесно, – подняв бокал, он добавил: – За «Родственные души»!

Чокнувшись, они отпили вина. Тру улыбнулся:

– Знаешь, я удивлен, что ты не поехала в Сансет-Бич.

– Там теперь все иначе, – объяснила Хоуп. «Все стало по-другому с тех пор, как я встретила тебя», – мысленно добавила она.

– А здесь ты уже бывала?

Хоуп кивнула.

– Впервые я приехала сюда, когда разводилась с Джошем. – Она коротко рассказала, что ей пришлось пережить и как поездка на побережье привела в порядок мысли. – Я еле сдерживала эмоции, но пока была тут одна, до меня дошло, как страдают от развода наши дети, даже если они этого не показывают. Я была им нужна и именно здесь начала думать в первую очередь о них.

– Судя по всему, ты отличная мать.

– Я старалась, – пожала плечами Хоуп. – Но я и ошибок много совершила.

– Мне кажется, одно другому не мешает. Такова родительская доля. Я вот до сих пор сокрушаюсь, что мало времени уделял Эндрю.

– Он что-то сказал по этому поводу?

– Нет, но он бы и не стал ничего говорить. Время действительно летит: совсем недавно он был маленьким мальчиком – и вдруг отправился в Оксфорд.

– Но до его отъезда ты жил в Хванге?

– Да.

– А потом уехал!

– Откуда ты знаешь?

– Я тебя искала, – объяснила Хоуп. – Прежде чем положить письмо в почтовый ящик.

– Когда?

– В 2006-м, после развода с Джошем, когда впервые съездила в Каролину-Бич. Я помнила, где ты работаешь, и связалась с лагерем в Хванге, а потом с другими лоджами, но ты как в воду канул.

Тру словно обдумывал услышанное – взгляд на несколько секунд стал рассеянным, и у Хоуп возникло ощущение, что он хочет что-то сказать, но не может. Потом Тру мягко улыбнулся.

– Жаль, что я не знал, – сказал он наконец. – Хотелось бы мне, чтобы ты меня нашла...

«А мне-то как хотелось», – подумала Хоуп.

– А что случилось? Мне казалось, тебе нравилось в Хванге?

– Нравилось, – согласился Тру. – Но пришло время двигаться дальше.

– Почему?

– В лагере сменилось руководство, и многие гиды ушли, включая моего друга Роми. Он удалился на покой года на два раньше меня. В лодже началась реорганизация, Эндрю поступил в колледж – меня больше ничто не держало в Зимбабве. Я подумал, если начинать на новом месте, то лучше раскачиваться побыстрее, поэтому продал дом в Булавайо и уехал в Ботсвану. Поступил работать в лагерь, о котором слышал много интересного.

«Значит, он все же уехал в Ботсвану», – подумала Хоуп.

– А мне все ваши заповедники кажутся интересными.

– В большинстве случаев действительно есть на что посмотреть, – согласился Тру. – Ты ездила на сафари? Ты говорила, что непременно

соберешься.

– Пока нет, но это в планах, – отозвалась Хоуп. Вспомнив, сколько лоджей обзвонила и сколько писем разослала, она спросила: – А что такого интересного в том лагере в Ботсване? Он известный?

– Нет, совсем нет. Скорее, это лагерь средней руки: удобства на улице, еда из полуфабрикатов и тому подобное, да и животных немного. Но я слышал, что на той территории есть львы, точнее, конкретный прайд.

– Тебе же львы не в диковинку!

– Тут другое, – отозвался Тру. – Ходили слухи, что те львы успешно охотятся на слонов.

– Как могут львы одолеть слона?

– Сперва и я не поверил, но потом встретил гида, который там раньше работал, и он рассказал, что хотя своими глазами охоты не видел, но на следующий день наткнулся на обглоданный слоновий скелет – львы пировали почти целую ночь.

Хоуп с сомнением посмотрела на него:

– Может, слон был болен и львы добили ослабленное животное?

– Я вначале тоже так подумал. Знаешь, львов называют царями зверей. Даже диснеевский мультфильм «Король Лев» поддерживает этот миф, но я по опыту знаю: это не так. Царями буша всегда были слоны. Это огромные, устрашающие, истинно доминирующие лидеры. Сотни раз я видел, как слоны приближались к львам, и те пятились. Но если гид прав, я должен был это увидеть – мысли о подобной возможности не давали покоя. Эндрю все равно уехал учиться, и я подумал – почему бы и нет?

Тру сделал глоток вина и продолжил:

– Когда я начал там работать, выяснилось, что ни один из гидов лично львиных подвигов не видел, но все в это верили, потому что время от времени натыкались на обглоданные слоновьи скелеты. Если это правда, то имела место огромная редкость: даже если львиный прайд в состоянии завалить слона, львы всегда предпочтут более легкую добычу. Главным источником пищи местным львам, как и везде, традиционно служили импалы, бородавочники, зебры и жирафы. За время работы мне ни разу не попался ни один обглоданный слон, но на третий год настала засуха, да еще какая... На несколько месяцев. Среди зверей начался падеж, уцелевшие мигрировали в дельту реки Окаванго. Львы же никуда не делись и постепенно оголодали. И однажды, выехав на экскурсию с гостями, я это увидел.

– Ты серьезно?!

Тру кивнул, точно погружаясь в прошлое. Хоуп смотрела, как он

крутит в руках бокал с вином.

– Слон был небольшой, не из главных самцов, но львы отделили его от стада и взялись за дело. Военная операция, да и только, – у каждого была своя задача. Один начал рвать ему ногу, второй прыгнул на спину, остальные окружили и выжидали, когда слон утратит силы. Не поверишь, это не была кровавая бойня. Напротив, все проходило очень спокойно и методично. Прайд вел себя осторожно, нападение заняло от силы полчаса. А когда слон начал слабеть, они набросились на него всей стаей. Слон повалился на бок, и вскоре все было кончено.

Пожав плечами, Тру добавил:

– Может, тебе жалко слона, но меня восхитили львы. Это, безусловно, один из самых запоминающихся случаев за всю мою карьеру.

– Невероятно, – проговорила Хоуп. – Но, получается, это видел не только ты?

– Да, в джипе было шестеро гостей. Кто-то из них затем продал снятое видео каналу «Си-эн-эн». Я ролика не видел, но несколько лет потом слышал от гостей, что многие смотрели. Сафари-лодж, где я работал, стал очень популярен после этого. Но вскоре пошли дожди, засуха закончилась, вернулись обычные для тех мест животные, и львы переключились на более легкую добычу. Я больше ни разу не видел нападения на слона или обглоданный скелет. Вроде был еще один случай, несколько лет спустя, но я тогда уже там не работал.

Хоуп улыбнулась:

– Могу только повторить то, что я сказала тебе при нашем знакомстве: у тебя самая интересная работа из всех, какие я знаю.

– Случаются любопытные моменты, – согласился Тру.

Она наклонила голову набок:

– Ты сказал, Эндрю поступил в Оксфорд?

Тру кивнул.

– Он учился гораздо лучше меня. Блестящие способности к точным наукам.

– Ты, наверное, гордишься им?

– Горжусь, конечно, но тут он явно не в меня, а в себя самого. И в Ким, разумеется.

– Как она, кстати? По-прежнему замужем?

– Да. Другие дети уже взрослые. По иронии судьбы она снова живет рядом со мной: я обосновался в Бантри-Бей, а они с мужем переехали в Кейптаун.

– Я слышала, там очень красиво.

– О да. Изумительное побережье, великолепные закаты.

Хоуп смотрела в свой бокал.

– Не передать, сколько раз я думала о тебе за эти годы. Как ты проводишь дни, что видишь, как там поживает Эндрю...

– Довольно долго я жил как и прежде. Сосредоточился на работе и Эндрю. Ездил на два, иногда даже на три сафари в день, играл на гитаре, по вечерам рисовал, а приезжая в Булавайо, смотрел, как растет сын. Через год Эндрю увлекся моделями поездов, затем скейтбордингом, после игрой на электрогитаре, дальше химией и, наконец, девушками. В таком порядке.

Хоуп кивнула, вспоминая, чем в свое время увлекались Джейкоб и Рейчел.

– А как прошел переходный возраст?

– У него уже образовался свой круг общения – приятели, постоянная девушка. Был период, когда я в Булавайо чувствовал себя держателем гостиницы, но я понимал тягу сына к независимости и относился к этому спокойнее, чем Ким. Ей было труднее отпустить от себя сильно подросшего маленького мальчика.

– Со мной та же история, – призналась Хоуп. – Наверное, это чисто материнская особенность.

– Труднее всего пришлось, когда он уехал в университет. Это очень далеко, я не мог приезжать часто, да Эндрю этого и не хотел, поэтому мы виделись на каникулах либо между семестрами. Но это уже совсем не то. Возвращаясь из буша в Булавайо, я не находил себе места, не знал, куда себя деть. Поэтому, услышав про львов, живо собрался и уехал в Ботсвану.

– Эндрю к тебе приезжал?

– Да, но нечасто. Иногда мне казалось, что я зря продал дом в Булавайо. Эндрю никого не знал в Габороне – у меня там была квартира, – а приезжая на каникулы, он хотел повидать друзей. Ким тоже требовалось общение с сыном. Иногда я возвращался в Булавайо и останавливался в гостинице, но это все было не то. Сын уже стал взрослым. Я видел, что у него своя жизнь.

– А кто Эндрю по специальности?

– Сперва он выбрал химию и говорил, что будет инженером, но после выпуска заинтересовался драгоценными камнями, особенно цветными бриллиантами. Теперь он бриллиантовый брокер, регулярно летает в Нью-Йорк и Пекин. Он был хорошим мальчишкой, из которого вырос прекрасный человек.

– Я бы хотела с ним познакомиться, – сказала Хоуп.

– Я тоже хочу вас познакомить.

– А в Зимбабве он ездит?

– Нечасто, как и мы с Ким. Там сейчас непростые времена.

– Я слышала о конфискации земель. Это и вашей фермы коснулось?

Тру кивнул.

– Да. Бесчинств, которые творили люди вроде моего деда, не счесть, но все равно отбирать землю было жестоко. У Родни в правительстве имелось множество знакомых, поэтому он был уверен, что ему ничего не грозит, но однажды на грузовиках подъехали солдаты с представителями власти и окружили ферму. У них с собой были официальные бумаги, где говорилось, что ферма конфискуется вместе со всем имуществом, буквально до нитки. Отчиму и сводным братьям дали двадцать минут на сборы самого необходимого из личных вещей и вывели с фермы под дулами автоматов. Кто-то из наших работников попытался протестовать – их застрелили на месте. Вот так отчим со своими сыновьями лишился всего. Ферма им больше не принадлежала, и ничего поделать они не могли. Это случилось в 2002 году. Я тогда был в Ботсване. Мне рассказывали, что отчим быстро опустил, начал пить и через год покончил с собой.

Хоуп сидела молча, вспоминая историю семьи Тру. Эпический, мрачный, прямо шекспировский сюжет.

– Это ужасно.

– Да. Те, кому раздали эту землю, мучаются до сих пор. Они не знают, что с ней делать, не умеют ее обрабатывать, не понимают, как чинить оборудование, что такое ирригация, не умеют грамотно чередовать культуры. Сейчас вообще ничего не растет. Теперь ферма стала пристанищем для непонятных людей, и так по всей стране. Прибавь сюда крах национальной валюты...

Тру не договорил. Хоуп попыталась себе это представить и не смогла.

– Похоже, ты вовремя оттуда выбрался.

– Радоваться тут нечему. Зимбабве всегда была моим домом.

– А твои сводные братья, что с ними?

Тру осушил бокал и поставил его на стол.

– Оба в Танзании. Снова фермерствуют, но, конечно, не сравнить с тем, что было. Земли у них мало, и она далеко не такая плодородная, как на ферме деда. Я знаю об этом только потому, что им пришлось занять денег у меня, и они не всегда вовремя вносят платежи.

– С твоей стороны было благородно помочь им.

– Они, как и я, не выбирали семью, в которой родились. Да и мама, наверное, хотела бы, чтобы я так поступил.

– А твой биологический отец, ты с ним еще встречался?

– Нет, – отозвался Тру. – Мы пару раз говорили по телефону, когда я

вернулся в Зимбабве, но он вскоре умер.

– С его другими детьми ты так и не стал знакомиться?

– Нет, – ответил Тру. – Уверен, они тоже не горят желанием. Письмо от поверенного, в котором меня извещали о смерти отца, ясно дало это понять. Не знаю, какими соображениями они руководствовались. Может, я для них лишь напоминание о том, что их мать не была единственной женщиной, которую любил отец, или они боялись, что я предъявлю права на наследство, но я не видел причин игнорировать их волю. И мой отец, и его дети для меня остались практически чужими людьми.

– Все же я рада, что тебе удалось с ним познакомиться.

Тру отвел взгляд от огня.

– Я тоже. Я по-прежнему храню рисунки и фотографии, которые он мне отдал. Кажется, это было так давно...

– Это и было давно, – тихо сказала Хоуп.

– Слишком давно, – произнес Тру, взяв ее за руку, и Хоуп вдруг поняла, что он говорит о ней. Она почувствовала, как запылали щеки, когда Тру пальцем начал поглаживать ее кожу. До боли знакомое прикосновение. Как же им посчастливилось отыскать друг друга? Тру словно и не изменился за четверть века, но это лишь подчеркивало, какой неузнаваемой стала ее жизнь. Если он был, как прежде, хорош собой, Хоуп ощущала себя постаревшей. Если он чувствовал себя легко в ее присутствии, то у нее его прикосновение вызывало волну эмоций. Еле справившись с собой, Хоуп сжала его руку, а затем отпустила: она еще не готова к большей близости. Но все же ободряюще улыбнулась Тру, прежде чем отодвинуться.

– Значит, я правильно поняла: ты был в Хванге до девяносто девятого или двухтысячного, а затем перебрался в Ботсвану?

Он кивнул.

– Я уехал в девяносто девятом и прожил в Ботсване пять лет.

– А потом?

– А вот для дальнейшего рассказа мне, пожалуй, нужно еще вина.

– Я принесу, – взяв у него бокал, Хоуп скрылась на кухне и через минуту вернулась. Накрывшись мягким пледом, она подумала, что комната наконец-то прогрелась. Как уютно... День продолжал оправдывать ожидания.

– Так, – начала она. – В каком году это произошло?

– В две тысячи четвертом.

– А что случилось?

– Я попал в аварию, – сказал Тру. – Довольно серьезную.

– Довольно – это насколько?

Он отпил вина, глядя Хоуп в глаза.
– Я умер.

Умирание

Лежа в кювете у шоссе, Тру чувствовал, что умирает. Он смутно осознавал, что пикап перевернулся, полностью смяв переднюю часть, и одно из колес долго крутилось в воздухе. Тру едва заметил, что к нему бегут люди. Он не очень понимал, где находится и что случилось, почему перед глазами все расплывается. Тру не знал, отчего ноги перестали слушаться и откуда взялись волны сильнейшей боли, накатывавшие на него.

Очнувшись в незнакомой больнице в совершенно другой стране, Тру ничего не помнил об аварии – он же возвращался в лодж, проведя несколько дней в Габороне! Только позже медсестра рассказала, что на него со встречной полосы вылетел грузовик. Тру не был пристегнут и от удара вылетел через лобовое стекло (отчего треснули кости черепа) и приземлился футах в сорока, получив еще восемнадцать переломов, включая оба бедра, все кости правой руки, три позвонка и пять ребер. Незнакомые люди, оказавшиеся рядом, положили его на тележку торговца овощами и бегом повезли во временный медпункт неправительственной организации, где делали прививки жителям ближайших деревень. Там не было ни необходимого оборудования, ни лекарств, ни даже врача; пол был грязный, а в палате лежали дети, не обращавшие внимания на мух, роившихся над их лицами и телами. Медсестра, молодая шведка, терявшая голову от обилия больных, не знала, что делать, когда Тру вкатили в приемный покой, но люди ждали от нее помощи, и она подбежала к тележке проверить пульс. Пульса не было. Медсестра прижала пальцы к сонной артерии. Тишина. Она наклонила голову к губам Тру и прислушалась. Не почувствовав дыхания, девушка кинулась к медицинской сумке за стетоскопом. Прижав кругляшок к груди, она напряженно вслушивалась, ловя малейший шум, но стетоскоп молчал. Тру был мертв.

Владелец тележки попросил убрать тело – он торопился вернуться на шоссе и собрать овощи, прежде чем все разворуют. Девушка пыталась доказать, что он должен дождаться полиции, но торговец кричал громче ее и в итоге настоял на своем. Они с отцом одного из больных малышей сняли тело Тру с тележки и положили на пол в углу. Сломанные кости при этом щелкали и скрипели. Медсестра накрыла тело одеялом. Люди потеснились, освободив место мертвецу, но особого внимания не обратили. Владелец

овощной тележки сразу ушел, и вакцинация пошла своим чередом.

А чуть позже Тру закашлялся.

В больницу в Габороне его привезли в кузове попутного грузовика. Дорога от деревни заняла больше часа. Врач, осматривавший его в приемном покое, мало что мог – чудо, что Тру был еще жив. Носилки оставили в людном коридоре и стали ждать, когда он умрет. Медики рассчитывали, что смерть наступит через несколько минут, максимум через полчаса. Между тем солнце уже клонилось к закату.

Тру не умер. Он дожил до утра, но у него начался сепсис. В больнице не хватало антибиотиков, а дорогие препараты на безнадежных не тратили. От жара развился отек мозга. Прошло два дня, потом три, а Тру все находился между жизнью и смертью. Известили Эндрю как ближайшего родственника, указанного в удостоверении личности Тру, и сын вылетел из Англии к отцу. Эндрю сообщил о случившемся матери, и Ким прилетела в Ботсвану из Йоханнесбурга, где она жила в то время. Удалось срочно организовать медицинский самолет, и Тру перевезли в травматологическую больницу в ЮАР. Каким-то чудом он перенес перелет и сразу получил огромную дозу антибиотиков, пока врачи откачивали избыток мозговой жидкости. Восемь дней он лежал без сознания, но на девятый наступил кризис, Тру очнулся и увидел Эндрю у больничной койки.

Он провел в больнице семь недель, пока одну за другой ему чинили сломанные кости, вставляли спицы и накладывали гипс. Потом полупарализованного, с двоением в глазах и постоянным головокружением его перевели в реабилитационную клинику.

Там Тру оставался почти три года.

Огонь в камине отражался в глазах Хоуп, и Тру снова подумал, что она так же красива, как много лет назад. А может, и красивее: в тонких морщинках у глаз он видел мудрость и безмятежность, которые дает только опыт. При виде ее лица в душе Тру рождалось ощущение чуда.

Он знал, что ей пришлось нелегко. Хотя Хоуп мало говорила о браке с Джошем, Тру чувствовал, что она щадит не только его чувства, но и свои.

Хоуп смотрела на него так, будто видела впервые.

– Господи, – сказала она наконец, – я ничего ужаснее в жизни не слышала! Как же ты выкарабкался?

– Не знаю.

– Ты что, правда был мертв?

– Мне так сказали. Год спустя я звонил медсестре в пункт вакцинации –

она поклялась, что жизненные показатели у меня были на нуле. Когда я закашлялся, по ее словам, половина пациентов в приемной закричали. Помню, я еще смеялся, слушая об этом.

– Ты все отшучиваешься, а ведь ничего смешного нет!

– Нет и не было, – согласился Тру. Он тронул висок, где волосы совсем побелели. – У меня была травма мозга – осколки сломанных костей куда-то там воткнулись, и довольно долго нейронные связи потом не восстанавливались. Очнувшись, я пытался общаться с Эндрю и врачами, но говорил одно, а выходило совершенно другое. Мне казалось, я говорю, допустим, «Доброе утро», а с языка слетало «Сливы кричат на лодках». Это меня страшно расстраивало, а с раздробленной правой рукой я еще и писать не мог. В конце концов путаница начала выправляться, правда медленно. Но когда я смог произносить элементарные связные фразы, в памяти начались дурацкие провалы. Я забывал самые простые слова – приходилось говорить: «Та штука, которой едят, с зубчиками, серебристая» вместо «вилка». Врачи не могли сказать, временный у меня паралич или уже навсегда: отек спинного мозга из-за сломанных позвонков долго не проходил, хотя мне и вставили штифты...

– О боже, Тру... А я ничего не знала, – срывающимся голосом проговорила Хоуп.

– Но ты бы ничем не помогла, – напомнил Тру.

– Все равно, – возразила она, согнув под пледом колени. – Как раз тогда я начала тебя искать, но мне и в голову не пришло проверять больницы.

– Понимаю, – кивнул Тру.

– Я бы к тебе приехала.

– Но я не был один, – возразил он. – Эндрю прилетал при каждой возможности, Ким тоже приезжала. Роми откуда-то узнал о случившемся, и пять дней на автобусе добирался в реабилитационный центр. Он пробыл со мной неделю... Но, понимаешь, эти визиты не приносили мне особой радости, особенно в первый год. У меня все болело, я не мог нормально общаться и видел, что они боятся не меньше моего: пойду ли я когда-нибудь своими ногами, смогу ли снова нормально говорить и жить самостоятельно... Мне было очень несладко.

– И когда у тебя наметилось улучшение?

– Двоение в глазах пропало через месяц, но еще с полгода я видел нечетко. Садиться в кровати я начал через четыре месяца. Стали слушаться пальцы на ногах, но кости ног срослись неправильно, пришлось ломать и заново сращивать. Были операции на мозге, на позвоночнике и... в общем, такого я никому не пожелаю.

– А когда ты понял, что снова будешь ходить?

– Когда шевельнулись пальцы, это был очень обнадеживающий признак, но на то, чтобы задвигались стопы, ушла целая вечность. Ходьба вообще долго оставалась мечтой: сперва нужно было выучиться заново стоять, но мышцы ног атрофировались, и нервные импульсы тоже не всегда проходили. Я мучился от простреливающей боли в седалищном нерве. Иногда я делал шаг с опорой – знаешь, такие брусья, – а вторую ногу приставить не мог, будто обрезали связь между мозгом и ногами. Где-то через год я наконец прошел по палате. Там было всего десять футов, и левую ногу я еле подтягивал, но в итоге я прослезился. Впервые увидел, так сказать, свет в конце тоннеля. Поверил, что если я буду тренироваться, то рано или поздно смогу выписаться из клиники.

– Представляю, какой кошмар ты пережил...

– Вообще-то я этого почти не помню. Все кажется таким далеким: дни, недели, месяцы и годы словно стерлись из памяти.

Хоуп пристально смотрела на него.

– Я бы ничего не заметила, если бы ты мне не рассказал. Ты выглядишь как и прежде. Я обратила внимание, что ты прихрамываешь, но это такие пустяки...

– Приходится активно двигаться и выполнять довольно сложный комплекс упражнений. Я много хожу. Это помогает бороться с болью.

– У тебя до сих пор сильные боли?

– Бывает, но от физической нагрузки несравненно легче.

– Наверное, Эндрю было очень тяжело видеть тебя в таком состоянии...

– Он до сих пор не может говорить о том, как впервые увидел меня в ботсванской больнице, или как переживал во время полета, или как ждал в клинике, очнусь я или нет. Сын не отходил от моей постели... Надо отдать им должное, Эндрю с Ким не растерялись: не организуй они срочный перелет, я бы сейчас здесь не сидел. Но в реабилитационной клинике сын всегда был настроен оптимистичнее моего. Он навещал меня раз в два-три месяца, и ему казалось, что улучшение идет семимильными шагами. Я-то знал, что все иначе.

– Ты сказал, что провел там три года?

– В последний год я уже не лежал в палате, но каждый день приходил на многочасовую терапию. Ощущение было сродни тому, как если бы меня выпустили из тюрьмы – за два года я почти не бывал на воздухе. Если я больше никогда не увижу ламп дневного света, этого все равно будет недостаточно.

– Мне так жаль.

– Не стоит, – сказал Тру. – Сейчас все хорошо. Зато я познакомился с замечательными людьми: физиотерапевтом, речевым терапевтом, врачами, медсестрами. Потрясающие специалисты... Но вспоминать об этом как-то странно: будто я поставил жизнь на трехлетнюю паузу. Что в принципе и случилось.

Хоуп медленно вздохнула, наслаждаясь теплом камина, и сказала:

– Ты гораздо сильнее меня. У меня и близко нет такого мужества.

– Неправда. Не думай, что я все стоически стерпел – я почти год был на антидепрессантах.

– Неудивительно, – сочувственно сказала Хоуп. – Тебе вон как досталось.

Некоторое время она смотрела на огонь, пододвинув ноги под пледом ближе к Тру. У него было чувство, что Хоуп постепенно осмысливает услышанное, начиная понимать, что они чуть не потеряли друг друга навсегда. Такая возможность была за пределами понимания, думать о ней было невыносимо, но, с другой стороны, весь сегодняшний день не поддавался логическому объяснению. То, что они сидели рядышком на диване у камина, казалось нереальным и очень романтичным, но тут в животе Тру громко заурчало.

Хоуп засмеялась:

– Ты, наверное, умираешь с голоду! – Она отбросила плед. – Я тоже хочу есть. Давай, может, поедим салат с курицей, а к нему свежие овощи. Если не хочешь, у меня еще есть лосось и креветки.

– Курица очень даже сгодится, – заверил Тру.

– Тогда я пошла готовить, – Хоуп встала.

– Тебе помочь? – спросил он, потягиваясь.

– Помогать особо не с чем, но я не стану возражать против приятной компании.

Хоуп сложила плед на диване, и они понесли бокалы на кухню. Она открыла холодильник, а Тру прислонился к кухонному столу и смотрел, как Хоуп вынимает зеленый салат, помидоры черри, нарезанные перцы разных цветов. Он думал о том, что рассказала Хоуп. Пережитое разочарование не породило в ней озлобленности или желчности, а словно научило, что жизнь редко идет так, как хочется человеку.

Она будто прочла его мысли, потому что улыбнулась и достала из ящика доску и маленький ножик.

– Мне точно не нужно помогать? – спросил Тру.

– Я все быстренько порежу, а ты тогда достань тарелки и вилки, они в шкафу у раковины.

По ее указанию Тру поставил тарелки к разделочной доске и смотрел, как Хоуп ловко крошит овощи. Высыпав все в миску, она заправила их лимонным соком и оливковым маслом, после чего разложила по тарелкам, щедрой рукой добавив сверху куриного салата. Тру представил, сколько же раз она вот так виртуозно колдовала на кухне за последние двадцать четыре года.

– Вуаля!

– Аппетитно, – признался он, идя за Хоуп к столу.

Поставив свою тарелку, она показала на холодильник:

– Еще вина?

– Спасибо, но два бокала для меня теперь предел.

– А для меня один, – отозвалась Хоуп, берясь за вилку. – Помнишь, как мы ужинали в «Клэнси», а потом пили вино на веранде?

– Разве это можно забыть? – ответил Тру. – В тот вечер мы и познакомились. Я пришел от тебя в неопиcуемый восторг.

Она кивнула, едва заметно порозовев, и нагнулась над тарелкой. Он сделал то же самое.

Тру кивнул на резную шкатулку, стоявшую на столе:

– А что в ней?

– Воспоминания, – таинственно протянула Хоуп. – Я тебе потом покажу, а сейчас давай еще поговорим о тебе. Мы остановились на две тысячи седьмом. Что ты делал после реабилитации?

Тру колебался, словно прикидывая, что рассказать.

– Я нашел работу в Намибии. Гидом. Отличный лодж, большой заповедник, одна из самых высоких концентраций гепардов на континенте. Намибия очень красивая страна. Берег Скелетов и плато Соссусфлей – одни из самых феерических мест на планете. В свободное время, когда я не летал в Европу к Эндрю, я занимался туризмом, осматривая окрестности. Я жил в этом лагере, пока не пришло время отправляться на пенсию, и я переехал в Кейптаун. Вернее, в Бантри-Бэй – это пригород Кейптауна у самого океана. Я нашел там маленький дом, откуда открывается великолепный вид. Кругом много кафе, книжных магазинов, рядом рынок... Мне подходит.

– А ты не думал перебраться в Европу, поближе к Эндрю?

Тру покачал головой:

– Я туда приезжаю, а Эндрю по работе бывает в Кейптауне. Будь его воля, он бы там и поселился, но Аннетт не разрешает: у нее все родственники в Бельгии. Однако Африка не отпускает. Чтобы это понять, надо там вырасти.

Хоуп смотрела на него с восхищением.

– Твоя жизнь кажется мне невероятно романтической, конечно, не считая трех ужасных лет.

– Я прожил жизнь так, как хотел, в основном, – он провел рукой по волосам. – А ты не планировала снова выйти замуж после развода?

– Нет, – искренне ответила Хоуп. – Даже ходить на свидания желания не было. Я говорила себе: у меня дети, но...

– Но?..

Не отвечая, она покачала головой:

– Неважно. Давай-ка снова про тебя. Вот сейчас ты ушел на покой. Как проходят твои дни?

– Я почти ничего не делаю, но мне понравилось гулять без винтовки на плече.

Хоуп улыбнулась.

– А хобби у тебя есть? – Она уперлась подбородком в ладони совершенно по-девичьи. – Не считая рисования и гитары?

– По утрам на час хожу в спортзал, затем долго гуляю. Много читаю: за три года прочел больше книг, чем за предыдущие шестьдесят три. Я еще не сдался и не купил компьютер, но Эндрю ворчит, что нельзя быть таким динозавром...

– У тебя нет компьютера?!

– А что бы я стал с ним делать? – с неподдельным удивлением переспросил Тру.

– Господи, ну, читать газеты онлайн, заказывать разные вещи, писать письма по электронной почте! Общаться с целым миром!

– Может, когда-нибудь и куплю. Газеты я привык читать бумажные, из вещей у меня есть все, что необходимо, вступать в переписку особого желания тоже нет.

– А ты знаешь, что такое «Фейсбук»?

– О «Фейсбуке» я слышал, – признался Тру. – Я же читаю газеты.

– Я завела там страницу специально на тот случай, если тебе захочется мне написать.

Тру ответил не сразу. Он смотрел на Хоуп, решая, что ей сказать, потому что выложить все он пока не был готов.

– Я думал тебе написать, – наконец признался он. – Чаше, чем ты можешь себе представить. Но я не знал, по-прежнему ли ты замужем или уже в новом браке, нужен я тебе или нет. Не хотел все усложнять. Да и не очень я умею обращаться с компьютерами и «Фейсбуком». Помнишь американскую поговорку «Старого пса новым трюкам не научить»? – Тру

улыбнулся. – Для меня и покупка мобильного телефона стала значительным прогрессом. Я пошел на это только для того, чтобы Эндрю мог в любой момент мне позвонить.

– У тебя и мобильного не было?!

– До недавнего времени я прекрасно обходился без него. В буше, знаешь ли, не ловит, да и звонить мне мог только Эндрю.

– А Ким? Или вы не общаетесь?

– Изредка. Эндрю вырос, нам стало не о чем разговаривать. А ты? Ты общаешься с Джошем?

– Иногда, – процедила Хоуп. – Но пора и это сводить на нет.

Тру непонимающе посмотрел на нее.

– Несколько месяцев назад он предлагал мне попробовать еще раз. С ним.

– Это тебя не заинтересовало?

– Еще чего! – вспыхнула она. – Как он вообще набрался наглости предложить подобное!

– А что такое?

Пока они доедали салат, Хоуп немного рассказала о Джоше: о его изменах и поведении во время развода, о скоропалительной женитьбе и втором разводе и во что он сейчас превратился. Тру слушал, чутко улавливая отголоски душевной боли, и пришел к выводу, что Джош редкостный болван. То, что Хоуп в конце концов смогла его простить, вызвало у него невольное восхищение, но, с другой стороны, в ней его восхищало решительно все.

Они сидели за кухонным столом, рассказывая о себе и подробно отвечая на вопросы о прошлом. Когда они наконец отнесли тарелки в раковину, Хоуп включила радио, и по комнатам разлилась музыка. Они вернулись на диван. Огонь в камине наполнял комнату теплым желтым светом. Тру смотрел, как Хоуп садится и тщательно укрывается пледом, и думал: хоть бы этот день никогда не кончался.

Пока Тру случайно не узнал, что Хоуп написала ему письмо и отнесла его к «Родственным душам», ему порой казалось, что он умер не однажды, а целых два раза.

Вернувшись в 1990 году в Зимбабве, Тру некоторое время побыл с Эндрю, но хорошо помнил навалившуюся на него непреодолимую апатию: его не радовала ни игра в соккер, ни заботы о сыне, ни совместный просмотр телевизора. Возвращение в буш и работа заставили отвлечься от грустных мыслей, но Тру не мог перестать думать о Хоуп. Когда во время

сафари он останавливал джип, чтобы гости могли сфотографировать какое-нибудь животное, то представлял, что рядом на переднем сиденье находится Хоуп, восхищенная его страной не меньше, чем он остался впечатлен ее миром, где они так недолго были вместе.

Хуже всего было по вечерам: Тру перестал рисовать и играть на гитаре, сократил до минимума общение с другими гидами и просто лежал и смотрел в потолок. В конце концов Роми забеспокоился и начал допытываться, что стряслось, но прошло еще много времени, прежде чем Тру заставил себя произнести имя Хоуп.

Лишь через много месяцев он вернулся к своим привычкам, но прежним так и не стал. До знакомства с Хоуп Тру иногда встречался с женщинами, но, узнав ее, потерял всякий интерес к случайным связям. Можно было подумать, что часть его души, тяга к женскому обществу или простому человеческому общению остались на песчаных пляжах Сансет-Бич в Северной Каролине.

Только Эндрю, сам того не зная, смог заставить отца снова начать рисовать, робко спросив во время одного из приездов Тру в Булавайо, за что папа сердится. Тру, присев на корточки, спросил, почему сын так думает, и мальчик смущенно ответил, что уже давно не получал нового рисунка. Тру пообещал исправиться, но всякий раз, поднося вечерами карандаш к бумаге, рисовал Хоуп. Обычно он изображал какой-нибудь из моментов той памятной недели: как она смотрела на него, когда Тру нес к ней Скотти, или какой чарующей красавицей она выглядела в вечер предсвадебного банкета. Только вволю порисовав Хоуп, Тру смог перейти к изображению того, что могло понравиться Эндрю.

Доработка портретов Хоуп занимала не дни, а целые недели: его охватило желание добиться идеального соответствия воспоминаниям, как можно точнее передать сходство. Когда он наконец становился доволен, то прятал рисунок понадежнее и начинал следующий. Постепенно это перешло в некую одержимость, питавшуюся неосознанной надеждой, что эти портреты каким-то мистическим образом приведут его к Хоуп. Тру сделал более пятидесяти рисунков, запечатлев на каждом то или иное памятное событие. Закончив, он сложил их в хронологическом порядке и начал рисовать себя: так, как ему казалось, он выглядел в те моменты. А потом отдал переплести свои работы в альбом – автопортреты слева, портреты Хоуп справа, – который никому не показывал. Альбом был готов через год после того, как Эндрю поступил в Оксфорд; на его создание ушло девять лет.

После этого Тру будто утратил цель в жизни: он ходил по дому, не зная,

чем заняться, листал каждую ночь свой альбом, осознавая, что все дорогие ему люди покинули его: мать, дед, Ким, Эндрю, Хоуп... Он один, думал Тру, и всегда будет один. Это был трудный период, в чем-то даже сравнимый с восстановлением после аварии несколькими годами спустя.

Ботсвана и львиное приключение, как Тру его окрестил, пошли ему на пользу, но он всюду возил с собой альбом с рисунками и берег его. После аварии альбом стал единственным, что Тру захотел вернуть, но он не стал обращаться к Эндрю: Тру ни о чем не рассказывал сыну и не хотел лгать ни ему, ни Ким. Вместо этого он попросил бывшую жену договориться, чтобы его вещи, оставшиеся в лодже в Ботсване, упаковали и поместили на хранение. Ким все сделала, но Тру еще два года волновался, что альбом потеряется или будет испорчен. Первое, что он сделал, выйдя из реабилитационной клиники, – съездил в Ботсвану. Оказавшись на месте, Тру нанял несколько мальчишек, открывавших для него коробку за коробкой, пока не нашелся драгоценный альбом – немного запылившийся, но совершенно целый.

Однако вскоре после этого желание вновь и вновь переживать изображенное на рисунках стало проходить. Ради своего же блага пора было прекращать грезить о том, как однажды они с Хоуп воссоединятся. Тру и не догадывался, что примерно в это же время Хоуп его разыскивала.

Знай он об этом, несмотря ни на какие травмы, прошел бы небо и землю, лишь бы ее найти. И однажды ему выпал шанс.

На Каролину-Бич мягко опускались сумерки.

Хоуп и Тру сидели на диване, касаясь друг друга локтями, и говорили, не замечая угасающего дня, с головой уйдя в жизнь друг друга. На смену давно опустевшим бокалам вина появились чашки с чаем, а вскользь упомянутые вещи сменились подробностями. Глядя на профиль Хоуп, подчеркнутый удлинившимися тенями, Тру никак не мог до конца поверить, что она рядом. Хоуп всегда была и остается его мечтой.

– Я должен сделать признание, – сказал он. – Я кое о чем умолчал. Это произошло перед тем, как я начал работать в Намибии. Я хотел рассказать тебе раньше, но когда ты сказала, что искала меня...

– О чем идет речь?

Тру опустил взгляд, уставившись в свою чашку.

– Я едва не улетел в Северную Каролину искать тебя. Сразу после реабилитации я купил билет, собрал вещи и приехал в аэропорт, но когда оставалось пройти, можно сказать, на борт, я... не смог, – он сглотнул, будто вспомнив свое состояние. – Стыдно признаться, но я в итоге уехал

обратно.

Хоуп осенило лишь через несколько секунд.

– Ты хочешь сказать, что когда я тебя искала, ты тоже пытался меня найти?

Тру кивнул. Во рту пересохло при мысли, что Хоуп сейчас думает о годах, которые они потеряли не однажды, а дважды.

– Не знаю, что и сказать, – медленно произнесла она.

– А что тут скажешь... Теперь это надрывает мне сердце.

– О Тру, – взмолилась Хоуп со слезами на глазах, – ну почему ты не сел в тот самолет?

– Я не был уверен, что найду тебя, – ответил он. – А если честно, боялся, что найду. Я представлял, как увижу тебя в ресторане, или на улице, или даже на вашем дворе, а ты будешь держаться за руки с другим мужчиной или смеяться со своими детьми... После всего, через что я прошел, я бы этого не вынес. Не то чтобы я не желал тебе счастья, напротив, я всем сердцем надеялся, что ты счастлива, хотя бы потому, что сам я счастлив не был. Во мне будто не хватало самой важной части, и казалось, что так и останется навсегда. Я побоялся что-то предпринять, но сейчас, узнав, как ты жила, я не могу не сожалеть о том, что не решился прилететь. Тогда бы я не потерял целых восемь лет.

Выслушав его, Хоуп отвернулась. Откинув плед, она встала и отошла к окну. Лицо оказалось в тени, но в лунном свете Тру разглядел влажные следы на щеках.

– Ну почему судьба всегда против нас? – спросила Хоуп, обернувшись. – Или у вселенной свои планы, недоступные нашему пониманию?

– Не знаю, – хрипло сказал Тру.

Плечи у него поникли. Хоуп опять отвернулась, некоторое время молча смотрела в окно и наконец тяжело вздохнула. Снова сев на диван, она придвинулась ближе к Тру.

«На таком расстоянии, – подумал он, – ее лицо выглядит точно как на рисунках, которые я сделал по памяти».

– Я очень сожалею об этом, Хоуп. Больше, чем ты можешь себе представить.

Она вытерла щеки.

– Я тоже.

– Что теперь? Тебе нужно побыть одной?

– Нет, – отказалась Хоуп. – Меньше всего на свете я хочу сейчас быть одна.

– Я что-нибудь могу для тебя сделать?

Не отвечая, она пододвинулась и получше накрыла пледом его ноги. Тру взял ее руку и держал как драгоценность, наслаждаясь мягкостью кожи. Он провел пальцем по тонким, будто птичьим, косточкам запястья, думая, что когда в последний раз держал руку женщины, это была та же самая рука.

– Расскажи, как ты узнал о моем письме, – попросила Хоуп, – которое я положила в «Родственные души». Ведь это оно помогло нам найти друг друга!

Тру на секунду закрыл глаза.

– Я даже не могу сколько-нибудь логически объяснить случившееся.

– То есть?

– Все началось со сна, – с усилием произнес он.

– Тебе приснилось мое письмо?!

– Нет, сон был о кафе, реальном кафе рядом с моим нынешним домом, – Тру грустно улыбнулся. – Я хожу туда, когда захочется побыть среди людей. Оттуда открывается фантастический вид на побережье... Обычно я беру с собой книгу, чтобы скоротать время. Владелец меня знает и не прогоняет, – он подался вперед, поставив локти на колени. – В общем, проснулся я как-то утром и понял, что мне только что снилось это кафе, но сон почему-то не спешил забываться. Я видел себя со стороны, будто на экране. При мне была книга, на столике чай со льдом, все как всегда. День во сне был солнечный – тоже ничего необычного. Тут входят мужчина и женщина и садятся за соседний столик. Я почему-то видел их очень расплывчато и не мог разобрать разговор, однако чувствовал, что мне нужно обязательно с ними поговорить. Я откуда-то знал, что они скажут мне нечто важное. Встал из-за стола, направился к ним, но с каждым шагом столик оказывался все дальше. Помню, меня еще охватила паника – мне же непременно нужно переговорить с ними, и тут я проснулся. Вроде бы нестрашный сон, но весь день на душе было беспокойно. Через неделю я пошел в то кафе...

– Из-за этого сна?

– Нет, к тому времени я уже почти забыл о нем, – ответил Тру. – Просто я там часто обедаю. Съел я, значит, поздний ланч и сидел со стаканом чая со льдом, читая книгу о бургских войнах. И тут в ресторан входят мужчина и женщина. Почти все столики в зале были свободны, но они почему-то сели за соседний.

– Надо же, как в твоём сне!

– Нет, – покачал головой Тру, – сном было все до той самой минуты...

Хоуп подалась вперед. Черты ее лица казались мягче в свете камина. Снаружи за окном сгущался мрак и наступала ночь, и Тру продолжил свой рассказ.

В жизни бывали моменты, когда Тру испытывал чувство дежавю, но тут, оторвав взгляд от книги, он словно очутился во сне недельной давности.

Однако сейчас Тру видел вошедших абсолютно отчетливо: тоненькая привлекательная блондинка сорока с небольшим лет и мужчина постарше, высокий, темноволосый, с золотыми часами, от которых по потолку разбежались солнечные блики. Тру спохватился, что наяву он и слышит вполне нормально – видимо, случайные фразы, которые он уловил, и заставили его поднять голову. За соседним столиком говорили о будущем сафари, и Тру узнал о планах гостей посетить не только Крюгер – большой заповедник в ЮАР, но и лагеря Момбо и Джекс в Ботсване. Туристы вовсю фантазировали, каких зверей они увидят и где будут жить, – вопросы, которые так надоели Тру за сорок лет работы.

Он обладал хорошей памятью на лица и знал, что раньше никогда не встречал этих людей. Для любопытства не было решительно никаких причин, однако Тру физически не мог отвернуться. Не из-за странного сна – дело было в чем-то еще, и только обратив внимание на певучую, протяжную речь женщины, Тру узнал акцент и все понял. Ощущение дежавю накатило с новой силой, смешавшись попутно с воспоминаниями о другом времени и месте.

«Хоуп», – мелькнула догадка. Женщина говорила совсем как Хоуп.

За два десятка лет после возвращения из Сансет-Бич Тру повидал тысячи туристов, в том числе нескольких человек из Северной Каролины. В их акценте чувствовалось что-то своеобразное, отличающееся от немного гнусавого южного произношения, – может быть, не такие растянутые гласные.

У этой пары есть важная для него информация.

Тру спохватился, уже когда шел к их столику – он и не заметил, как поднялся. Тру бы в жизни не вмешался в беседу незнакомых людей, обедающих в кафе, но им что-то двигало, какая-то неведомая сила.

– Простите, – начал он, – не хочу показаться назойливым, но вы, случайно, не из Северной Каролины?

Если незнакомцы и испытали раздражение при виде столь бесцеремонного человека, то никак не выказали своего недовольствия.

– Так оно и есть, – ответила женщина и выжидательно улыбнулась: –

Мы когда-то встречались?

– Пожалуй, нет.

– Тогда каким же образом вы умудрились угадать, откуда мы?

– Узнал акцент.

– Но сами вы не из Северной Каролины?

– Нет, я родился в Зимбабве, – кивнул Тру. – Но однажды мне довелось побывать в Сансет-Бич.

– Мир тесен! – воскликнула женщина. – У нас там дом. Вы когда приезжали?

– В девяностом.

– О-о, значит, задолго до нас – мы купили коттедж два года назад. Я Шэрон Уэддон, а это мой муж Билл.

Шэрон подала руку, которую Тру уважительно пожал.

– Тру Уоллс, – представился он. – Я слышал, как вы говорили о лагерях Момбо и Джекс. Я всю жизнь проработал сафари-гидом и могу вам сказать, что лоджи там замечательные. В Момбо очень много животных, но вообще это совершенно разные лагеря – Джекс находится в пустыне Калахари, одном из лучших мест в мире для наблюдения за сурикатами.

Женщина, чуть наклонив голову, сосредоточенно смотрела на него – у нее даже появилась морщинка между бровей. Она выдержала небольшую паузу, а затем подалась вперед с вопросом:

– Вы сказали, вас зовут Тру Уоллс? Родом из Зимбабве и работали гидом?

– Совершенно верно.

Шэрон повернулась к мужу:

– Помнишь, что мы нашли прошлой весной, когда приезжали в Сансет-Бич и ходили гулять? Я еще пошутила, что это знак – пора ехать в Африку?

Билл кивнул:

– Теперь вспомнил.

Шэрон снова повернулась к Тру с сияющим видом:

– А вам доводилось слышать о «Родственных душах»?

От этих слов у Тру вдруг закружилась голова. Сколько же времени прошло с тех пор, как он слышал это название из уст другого человека? Тру тысячу раз вспоминал ту прогулку и незаметно для себя привык к мысли, что об этом знают только они с Хоуп.

– Вы имеете в виду почтовый ящик?

– Да! – воскликнула Шэрон. – Невероятно! Дорогой, ты представляешь?

Билл только изумленно покачал головой.

– В Сансет-Бич вы познакомились с женщиной по имени... Хелен? Ханна? – Она нахмурилась. – А-а, Хоуп, правильно?

Зал кафе вдруг поплыл перед глазами. Пол уже не казался твердым.

– Да, – запинаясь, ответил Тру, – простите, вы только что застали меня врасплох...

– Присядьте, – велела Шэрон. – Понимаете, в «Родственных душах» лежало письмо, о котором я обязана вам рассказать...

Когда Тру договорил, за окном уже царила ночь. Комнату освещал огонь камина, на кухне тихо мурлыкал радиоприемник. Глаза Хоуп блестели, отражая пламя в камине.

– Через два дня я прилетел в Северную Каролину. Шэрон и Билл помнили не все – они не смогли назвать дату или хотя бы месяц, когда ты будешь меня ждать, но моего имени и деталей биографии им хватило, чтобы вспомнить суть.

– Почему же ты не начал искать меня сразу по прилету?

Тру помолчал несколько секунд.

– Ты хоть помнишь, что за ту неделю, что мы провели вместе, ты ни разу не назвала при мне фамилии Джоша?

– Как это? – не поверила Хоуп. – Наверняка я называла!

– Нет, – сказал Тру, улынувшись почти с грустью. – А я не спросил. Не знал я и фамилий твоих замужних сестер. Спыхватился, только вернувшись в Африку, но тогда это было уже ни к чему. А спустя четверть века без фамилий просто неоткуда было начинать. Я знал твою девичью фамилию, но быстро убедился, что Андерсонов здесь много. К тому же я понятия не имел, где ты живешь и не переехала ли в другой штат. Помня, что Джош хирург-ортопед, я обзвонил ортопедические кабинеты и больницы до самого Гринсборо, спрашивая доктора по имени Джош, но все без толку.

Хоуп сжала губы.

– Тогда как бы ты нашел меня много лет назад, когда не стал садиться на самолет?

– Я об этом не думал. Полагаю, нанял бы частного детектива. Если бы ты не появилась до конца года, я бы так и поступил. Но... – он широко улыбнулся, – я знал, что ты придешь. Знал, что встречу тебя у «Родственных душ», раз ты обещала прийти. Весь сентябрь я просыпался с мыслью, что сегодня увижу тебя.

– И каждый день разочаровывал?

– Да, – подтвердил Тру. – Но одновременно во мне крепла уверенность,

что уж завтра-то настанет тот самый, заветный день.

– А если бы я приехала в июле или августе? Ты не боялся меня пропустить?

– Мне показалось маловероятным, что ты захочешь встретиться со мной в разгар сезона. Я рассчитывал, что ты выберешь день, похожий на тот, когда мы ходили к почтовому ящику, чтобы там не оказалось туристов. Осень или зима подходили больше всего.

Хоуп печально улыбнулась:

– Ты всегда хорошо меня понимал.

В ответ Тру поднес ее руку к губам и поцеловал.

– Я верил в нас.

Хоуп снова почувствовала, что краснеет.

– А хочешь прочесть письмо?

– Оно у тебя?

– У меня копия, – пояснила Хоуп. – В шкатулке на столе.

Она начала вставать, но Тру ее остановил и сам принес резную шкатулку из кухни. Он хотел поставить ее на кофейный столик, однако Хоуп покачала головой:

– Поставь на диван, между нами.

– Тяжелая, – заметил Тру, присаживаясь.

– Из Зимбабве, – похвасталась она. – Открой, письмо на самом дне.

Тру поднял крышку и с удивлением увидел лежавшее сверху приглашение на свадьбу. Ниже находились рисунки и его письмо Хоуп, а на дне был конверт, ненадписанный, гладкий. Его глубоко тронули сохраненные рисунки и прощальное письмо.

– Ты их не выбросила, – пробормотал он, не веря своим глазам.

– Конечно, нет, – ответила Хоуп.

– Почему?

– А ты разве не понимаешь? – она нежно тронула его за локоть. – Даже будучи замужем за Джошем, я все равно любила тебя. Я знала это, когда давала брачную клятву. Мои чувства к тебе были страстными, но... мирными, потому что именно умиротворение не покидало меня всю неделю, что мы провели вместе. Я была в гармонии с собой, будто вернулась домой.

Тру проглотил ком в горле.

– Я чувствовал то же самое, – он посмотрел на письмо. – Потеря тебя казалась утратой почвы под ногами.

– Прочти, – Хоуп кивнула на конверт, – оно короткое.

Сложив остальное в шкатулку, Тру вынул письмо из конверта. Он

читал медленно, повторяя про себя слова и слыша ее голос в каждой строчке. Грудь до краев наполнилась невысказанным чувством. Тру хотел поцеловать Хоуп, но не сделал этого.

– У меня есть чем ответить.

Он прошел к дверям, взял с тумбочки холщовую сумку, вынул альбом и, вернувшись к дивану, подал его Хоуп. На обложке золотом было вытиснено: «Родственные души».

Хоуп смотрела то на Тру, то на альбом; ее одолевало любопытство. Он присел рядом, глядя, как она обводит пальцем золотые буквы.

– Я почти боюсь смотреть, что там, – призналась Хоуп.

– Не бойся, – ободрил Тру, и она наконец открыла альбом. На первой же странице Хоуп увидела собственное изображение на краю пирса – там Тру никогда ее не заставлял. Рисунок был очень хорош – верно схвачено и внешнее сходство, и характер, но так как этот портрет не сыграл никакой роли в их истории, Тру определил его в титульные листы.

Он молчал, когда Хоуп перевернула страницу, рассматривая слева Тру, идущего по пляжу, а справа себя, шагавшую на некотором расстоянии. Можно было разглядеть и Скотти, который несся к дюне.

На следующем развороте снова они – в то утро, когда впервые заговорили друг с другом: Тру держит Скотти, а на лице Хоуп читается тревога. Вот они идут обратно к коттеджу, а вот пьют кофе на веранде за домом. Рисунки отражали последовательность событий, точно кадры фильма. Хоуп не скоро долистала альбом до конца, а когда закрыла его, Тру увидел на ее щеке влажный след от слезы.

– Ты все нарисовал, – проговорила она.

– Да, – согласился он. – По крайней мере, попытался. Это тебе.

– Нет, – возразила Хоуп, – это произведение искусства.

– Это мы, – сказал Тру.

– Когда же ты...

– На это ушло несколько лет.

Хоуп снова погладила обложку.

– Не знаю, что сказать. Но ты не можешь отдать его мне. Это... сокровище.

– Я всегда могу нарисовать еще. С того дня, как альбом был готов, я мечтал снова увидеть тебя и показать, что ты живешь в моей душе.

Хоуп крепко держала альбом, лежавший у нее на коленях, словно не хотела его отпускать.

– Ты изобразил даже ту сцену на пляже, когда я сказала, что Джош сделал мне предложение...

Тру ждал, пока она подыщет слова.

– Не могу передать, сколько же раз я об этом думала... Когда мы шли по берегу, я не знала, как тебе сказать, а мысли в голове ходили ходуном. Я очень боялась и чувствовала, как между нами нарастает отчуждение, потому что уже знала – мы расстанемся. Но я хотела, чтобы это произошло, если можно так сказать, на наших условиях, а получилось, что Джош лишил нас этого права...

Тру слышал мольбу в ее голосе.

– Мне казалось, я знаю, насколько задела тогда твои чувства, но видеть тебя на рисунке в этот момент... так мучительно... Твое лицо... Выражение, которое ты ему придал...

Голос изменил ей, и Хоуп не договорила. Тру молчал, признавая правоту ее слов. Это был один из самых пронзительных рисунков во всем альбоме – он даже колебался, оставлять его или нет.

– А ты... Знаешь, что ты сделал? Ты не стал спорить, злиться или требовать. Твоим первым побуждением было просто меня удержать. Успокоить, хотя это тебя стоило успокаивать. Я этого не заслуживала, но ты почему-то осознавал, что и насколько необходимо мне в жизни, – Хоуп с трудом сохраняла самообладание. – Вот чего мне не хватало в браке с Джошем, – человека, который умеет успокоить и поддержать, когда мир вокруг рушится. А сегодня у почтового ящика, когда я пребывала в шоке и не знала, что сказать, ты снова меня обнял, потому что понимал – я будто сорвалась со скалы и мне нужно, чтобы ты меня подхватил... – Она с грустью покачала головой: – Не знаю, обнимал ли меня Джош хоть раз с такой же чуткостью. Я вновь и вновь думаю, сколько же я потеряла в тот день, когда уехала из Сансет-Бич.

Тру долго смотрел на нее, не двигаясь, и наконец взял шкатулку и переставил на стол. Он положил руку на альбом со своими рисунками, осторожно освободил его от пальцев Хоуп и отложил к шкатулке. После этого Тру обнял женщину, которую обожал всю жизнь, и она прильнула к его груди. Он мягко и нежно поцеловал Хоуп в голову, совсем как двадцать четыре года назад.

– Теперь я здесь, – прошептал Тру. – Мы были влюблены, но как-то не вовремя. Вся любовь в мире не способна бороться с неудачным моментом времени.

– Знаю, – отозвалась Хоуп. – Но мне кажется, нам было бы хорошо вместе. Мы бы могли сделать друг друга счастливыми... – Тру смотрел, как она зажмурилась и медленно открыла глаза. – А теперь уже поздно, – глухо прибавила Хоуп.

Он нежно приподнял ее подбородок. Она смотрела на него, все такая же красивая, как четверть века назад. Тру наклонился к Хоуп, и их губы соприкоснулись.

– Никогда не поздно обнять тебя, – пробормотал он.

Поднявшись с дивана, Тру протянул ей руку. Серебристый свет возшедшей луны за окном соперничал с красноватым огнем в камине. Хоуп медленно поднялась. Тру поцеловал ее руку, которую держал в своей, и мягко, не торопясь, привлек Хоуп к себе. Он обнял ее, а она закинула руки ему на шею и положила голову на плечо. Ее дыхание трепетало у его уха, и Тру думал про себя, что большего от жизни ему и не надо. Он с первой секунды знал, что Хоуп его единственная, и еще двадцать четыре года назад понял – другой никогда не будет.

На улице завывал ветер. Хоуп покачивалась в такт музыке, прильнув к Тру всем своим телом, и он поддался желанию.

Ее рот открылся под натиском его губ, а язык нежно касался его языка, горячий и влажный. Это ощущение не изменилось, оказалось неподвластно времени. Тру крепче прижал Хоуп к себе, словно намереваясь сплавить их тела воедино. Его рука скользнула по ее спине и зарылась в волосы, затем снова принялась поглаживать спину. Он так долго этого ждал, воскрешал воспоминания столько одиноких ночей... Когда поцелуй закончился, Хоуп уткнулась лицом ему в грудь. Тру почувствовал, что она дрожит всем телом.

Услышав всхлип, он с тревогой понял, что Хоуп плачет. Тру немного отстранился, желая посмотреть на нее, но она не подняла головы.

– Что случилось? – спросил он.

– Прости меня, – прошептала Хоуп. – Я виновата, я так виновата! Зачем я вообще тебя оставила? Почему раньше не нашла? Как жаль, что ты в тот раз не сел в самолет...

В ее голосе слышался неподдельный страх, чего Тру не ожидал.

– Я здесь, – повторил он, – и больше никуда не уйду.

– Слишком поздно, – сказала она упавшим голосом. – Прости, но уже слишком поздно. Я не могу с тобой так поступить.

– Все в порядке, – нежно убеждал Тру, борясь с надвигающейся паникой. Он не понимал, что происходит, не знал, чем расстроил ее. – Я понимаю, почему ты тогда ушла. У тебя двое прекрасных детей. Хоуп, все нормально, я понимаю твой выбор...

– Дело не в этом, – она покачала головой. Слова тяжелым грузом ложились на сердце, а в голосе звучала нечеловеческая усталость: – Уже слишком поздно.

– Да о чем ты говоришь? – не выдержал Тру, хватая ее за локти и снова приблизив к себе. – Я не понимаю, о чем вообще речь. Пожалуйста, поговори со мной, Хоуп! – Он в отчаянии попытался заглянуть ей в лицо.

– Я боюсь... И не знаю, как сказать моим детям...

– Бояться нечего, я уверен, они все поймут.

– Нет, нет, – покачала головой Хоуп. – Я помню, как мне самой было тяжело...

У Тру по спине пробежала дрожь. Он с усилием глубоко вздохнул.

– Не понимаю.

Она зарыдала сильнее, цепляясь за него, чтобы удержаться на ногах.

– Я умираю, – проговорила она наконец. – У меня тоже амиотрофический склероз, как у папы, и теперь я умираю.

От этих слов в душе у Тру что-то оборвалось. Отчего-то мелькнула мысль, что тени языков пламени на стенах как живые. Последние слова Хоуп стучали в голове: амиотрофический склероз... я умираю...

Он закрыл глаза, стараясь стать ей опорой, ища в себе силы, но тело будто обмякло. Хоуп стиснула его, шепча:

– О, Тру, мне так жаль... Это все моя вина...

Он чувствовал, как что-то давит изнутри на глаза, а в ушах эхом отдавалось: «Я умираю».

Она уже рассказывала, как тяжело уходил ее отец, как под конец он исхудал настолько, что Хоуп на руках носила его в кровать. Безжалостная и неизлечимая болезнь, рано или поздно лишаящая человека возможности дышать. Тру не знал, что сказать, пока Хоуп отчаянно рыдала у него на груди; все, что он мог, – стоять и не падать.

Мир за окнами был черен. Ночь выдалась не из теплых, но Тру содрогнулся от леденящего холода совсем иного рода. Он всю жизнь ждал Хоуп и нашел ее, но скоро опять потеряет! Мысли метались, он страдал от почти физической боли и отчего-то вспомнил последнюю строчку своей записки, которую оставил в ответ на приглашение к «Родственным душам» много лет назад: *«Остаюсь в предвкушении сюрпризов и надежде, что вы станете моим проводником»*.

Тру не знал, почему эта строчка вдруг всплыла в памяти или как понимать эти слова, утратившие теперь всякий смысл. Хоуп была его мечтой, всем, чего он когда-либо хотел, и вот она умирает. Тру был на грани отчаяния, когда они плакали, держась друг за друга, и их рыдания эхом отдавались в безмолвном доме.

День за днем

– Я знала, что у меня та же болезнь, что и у папы, еще до результатов теста, – рассказывала Хоуп.

Ей не сразу удалось успокоиться, и когда она наконец перестала плакать, Тру тоже вытер слезы, сходил на кухню и принес Хоуп чашку чая. Она сидела на диване, снова подогнув колени под пледом.

Держа чашку обеими руками, Хоуп говорила:

– Помню, отец рассказывал, на что похоже самое начало болезни: постоянная усталость и слабость, как при простуде, только облегчения не наступает. Именно я предположила свой диагноз в разговоре с врачом, но она отнеслась скептически. Дескать, амиотрофический склероз по наследству не передается. Только у каждого десятого больного в семье отмечались случаи заболевания. Но я настояла на анализах, и когда результаты пришли не сразу, то уже все поняла.

– И когда ты узнала?

– В июле прошлого года, чуть меньше полутора лет назад. Я тогда полгода как вышла на пенсию и строила грандиозные планы... – Предугадав следующий вопрос, она сказала: – Отец прожил почти семь лет. У меня пока не так прогрессирует, как у него, но я уже чувствую разницу между тем, что было полтора года назад, когда поставили диагноз, и тем, что сейчас. Сегодня я еле дошла до «Родственных душ».

– Я даже представить не могу, каково узнать такой диагноз, Хоуп.

– Это ужасно, – признала она. – Я пока не знаю, как сказать детям. Они были совсем маленькие, когда умер дедушка, они его не помнят и не знают, каково пришлось тогда всем нам, родственникам... Рано или поздно придется им сказать, и они отреагируют так же, как я в свое время: придут в ужас и будут стараться проводить со мной побольше времени. Но я не хочу, чтобы они откладывали свою жизнь ради меня! Я-то узнала о папиной болезни в тридцать шесть лет, а Рейчел и Джейкоб только начинают жить. Я хочу, чтобы так и продолжалось, но скоро это станет невозможным. Я как-то справилась с болезнью отца только благодаря детям – они были маленькие и не могли без меня обойтись. Но я тебе уже рассказывала, как уходил папа... И каково было смотреть, как он умирает... Поэтому я и положила в прошлом году письмо в ящик – поняла, что...

Хоуп не договорила. Тру коснулся ее руки.

– Ты поняла...

– Поняла, что если начинать совместную жизнь нам с тобой уже

поздно, может, я успею хотя бы извиниться перед тобой. Мне это было необходимо. Я же видела, как ты стоял на дороге, но не остановилась, уехала... Мне пришлось с этим жить, что само по себе наказание, но... мне хотелось бы получить твоё прощение.

– У тебя оно всегда было, – сказал Тру, обнимая её другой рукой и баюкая, как маленькую девочку. – За все сокровища мира я не отказался бы от встречи с тобой, проживи я хоть тысячу жизней, даже если бы заранее знал, что нашему знакомству суждено оборваться. Я не затаил на тебя обиды за твой выбор.

– Но я же сделала тебе очень больно!

Он подался ближе и коснулся её щеки.

– Скорбь и любовь часто идут рука об руку, – сказал Тру. – Я узнал это, потеряв мать и проводив в университет Эндрю. Так уж устроен мир.

Хоуп молчала, обдумывая услышанное, и смотрела на Тру снизу вверх.

– Знаешь, что хуже всего? – сказала она подавленно. – Когда понимаешь, что умираешь?

– Даже не берусь представить.

– Мечты тоже начинают умирать. Когда я узнала свой диагноз, первая мысль была – я не успею стать бабушкой! А мне так хотелось укачивать младенца, учить его рисовать пальчиками за садовым столом, купать... Лишаться вот таких мелочей обиднее всего. Конечно, это ерунда, но я ничего не могу с собой поделать...

Тру некоторое время молчал.

– Лежа в больнице, я тоже испытал что-то похожее, – отозвался он. – Я вдруг очень захотел обойти пешком всю Европу или всерьёз заняться рисованием. На меня навалилась страшная депрессия, оттого что это может никогда не произойти. Но настоящий абсурд заключался в том, что едва я пошел на поправку, пеший туризм и рисование перестали меня интересовать. Видимо, для человеческой натуры естественно желать недостижимого.

– Умом я понимаю, что ты прав, но... я очень хотела стать бабушкой, – Хоуп коротко засмеялась. – В своё время, разумеется, – сперва сыграли бы свадьбу Рейчел, Джейкобу... Но до этого ещё далеко – дети очень дорожат своей независимостью.

Тру улыбнулся.

– Ты вот говоришь, что еле дошла до почтового ящика, но когда мы возвращались, ты будто на крыльях летела!

– Я хорошо себя чувствовала, – согласилась Хоуп. – Иногда так бывает. Физически пока все довольно сносно, если не давать себе чрезмерной

нагрузки. За последнее время мое состояние мало изменилось, если судить по ощущениям. Возможно, я уже смирилась со своей болезнью. Это хорошо, потому что так легче решать, что важно, а что нет. Я уже знаю, как хочу провести оставшиеся годы, а на что времени тратить не стану, но все равно мне бывает грустно или страшно, особенно за детей.

– Я бы тоже боялся. Когда я лежал в больнице, ужас, застывший на лице Эндрю, сидевшего у моей койки, просто разрывал мне сердце.

– Поэтому я и держу пока в секрете свою болезнь, – объяснила Хоуп. – Даже сестры не знают. И подруги тоже.

Тру подался вперед и коснулся лбом ее лба.

– Для меня честь, что ты доверила мне свою тайну.

– Я думала сказать раньше, – призналась она. – Когда ты рассказал о своей аварии. Но мне было так хорошо с тобой, что я не хотела заканчивать нашу встречу...

– Зачем же заканчивать? – возразил Тру. – Я лучше буду здесь, с тобой, чем где-то еще. Несмотря на то что ты мне рассказала, сегодня один из лучших дней в моей жизни.

– Ты хороший человек, Тру, – печально улыбнулась Хоуп. – И всегда был таким.

Она потянулась поцеловать его и вспомнила, как двадцать четыре года назад на щеках у него была такая же легкая щетина.

– Я помню, что твой предел два бокала, но я, пожалуй, выпью еще. Хочешь составить мне компанию? В холодильнике есть закрытая бутылка.

– Я принесу, – отозвался Тру.

Пока он был на кухне, Хоуп устало потерла лицо, не в силах поверить, что ее тайну наконец кто-то узнал. Ей страшно не хотелось говорить Тру о своем диагнозе, но теперь она чувствовала, что сможет повторить эти слова и Джейкобу, и Рейчел, и своим сестрам, и подругам. Даже Джошу. Правда, в отличие от Тру, никто из них не сможет прогнать ее страхи, пусть и на время.

Тру вернулся из кухни с двумя бокалами и подал один ей. Присев на диван, он поднял руку, приглашая Хоуп в свои объятия, и она прижалась к нему, чувствуя себя удивительно уютно рядом с ним. Некоторое время они сидели молча, глядя на огонь. Хоуп никак не могла успокоиться – слишком многое сегодня случилось: возвращение Тру, альбом с рисунками, открытая тайна...

– Я должен был сесть на тот самолет, – сказал Тру, нарушив молчание. – Должен был найти тебя.

– Я тоже должна была искать усерднее, – отозвалась Хоуп. – Но зная,

что ты думал обо мне все эти годы, для меня важнее всего.

– И для меня. Сегодняшний день... это все, о чем я мечтал.

– Но я умираю!

– А мне кажется, ты живешь, – возразил Тру с неожиданной твердостью. – Так и будем жить день за днем, как все люди. Я также не могу гарантировать, что проживу еще год или месяц либо вообще дотяну до завтра...

Она положила голову ему на плечо.

– Да, в этом есть своя правда. Но когда точно знаешь, что времени у тебя немного, все по-другому. Если сравнивать с отцом, то у меня впереди пять, максимум пять с половиной лет, и последний год будет несладким...

– Через четыре с половиной года мне будет семьдесят.

– И что?

– Не знаю, все что угодно может случиться. Понимаешь, я двадцать четыре года мечтал о тебе, желая держать тебя за руку, говорить, слушать, готовить вместе обеды и лежать рядом с тобой в кровати. У меня не было жизни, какая была у тебя, я жил один, и когда узнал о твоём письме, то понял – я один, потому что жду тебя. Я люблю тебя, Хоуп.

– Я тоже тебя люблю.

– Тогда давай больше не тратить попусту ни одного дня. Наше время наконец-то настало, что бы нам ни готовило будущее.

– Что ты такое говоришь?

Он нежно поцеловал ее в шею, и в животе у Хоуп стало горячо, как много лет назад. Заправляя пряди волос ей за ухо, Тру тихо сказал:

– Выходи за меня. Или не выходи, просто будь со мной. Я перееду в Северную Каролину, и мы будем жить, где захочешь. Можем путешествовать, но это необязательно. Можем готовить вместе или каждый день ходить в рестораны, неважно. Я лишь хочу обнимать тебя и любить с каждым вдохом, своим или твоим, сколько уж нам отпущено вдохов... Мне все равно, что ты будешь болеть. Мне нужна только ты. Ты выйдешь за меня?

Хоуп, пораженная, некоторое время смотрела на него, а затем на ее лице расцвела улыбка.

– Ты серьезно?

– Я сделаю все, что ты захочешь, – поклялся он, – лишь бы быть с тобой.

Не говоря ни слова, Хоуп взяла его за руку, поднялась с дивана и повела Тру в спальню. В ту ночь они заново открыли друг друга. Тела двигались, вспоминая иное время, знакомое и одновременно немыслимое.

А потом они лежали рядом, и Хоуп смотрела на Тру с таким же умиротворением, которое читалось и в его глазах. Этого взгляда ей не хватало всю жизнь.

– Я бы хотела... – прошептала она наконец.

– Чего бы ты хотела? – переспросил он.

Хоуп подалась ближе и поцеловала его в нос, а затем в губы.

– Я бы хотела, – снова прошептала она, – выйти за тебя замуж.

Эпилог

Я долго бился над финалом истории Тру и Хоуп. Мне не хотелось подробно описывать долгую борьбу Хоуп с неизлечимой болезнью и бесчисленные способы, которыми Тру пытался облегчить жизнь своей любимой женщины, когда ее состояние ухудшилось. Я добавил дополнительную главу о неделе, проведенной в Каролине-Бич, о разговоре Хоуп с детьми, о венчании Тру и Хоуп, состоявшемся в феврале, и сафари, на которое они отправились в медовый месяц. Глава завершалась описанием их ежегодных походов к «Родственным душам», где они оставляли коричневый конверт, чтобы другие могли узнать их историю. Однако в итоге я не включил эту главу в книгу. Из разговора с Хоуп и Тру я четко понял, что история, которой они хотят поделиться, совсем проста: они полюбили друг друга, затем расстались на долгие годы, но нашли способ воссоединиться, и не в последнюю очередь благодаря волшебной силе «Родственных душ». Я решил не отвлекать внимания читателей от этой почти сказочной фабулы.

Однако история казалась мне несколько неполной, и писатель во мне не мог оставить без внимания события в жизни Тру в ожидании встречи с Хоуп. Поэтому за несколько месяцев до выхода книги я позвонил Тру, чтобы заручиться его одобрением на еще одну мою поездку в Зимбабве: я хотел поговорить с Роми, сыгравшим маленькую, почти несущественную роль в любовной истории Тру и Хоуп.

Роми уже не работал и жил в маленькой деревне в районе Чегути на севере Зимбабве. Как я туда добирался – отдельная история, сама по себе заслуживающая книги. Бандитов в тех краях предостаточно, и я не раз опасался, что меня похитят, но водитель, которого я нанял, оказался хорошо знаком с племенами, контролирующими территорию, и обеспечил мне безопасный проезд. Я пишу об этом только потому, что это лишний раз подчеркнуло беззаконие, царящее в стране, которую я все равно считаю одним из красивейших мест на земле.

Роми оказался тощим и седовласым, смуглее большинства деревенских жителей. У него не было переднего зуба, но, как и Тру, он сохранил удивительную подвижность. Мы говорили, сидя на скамье из шлакоблоков и фрагментов кузова пикапа. Представившись, я рассказал о книге, которую пишу, и объяснил, что приехал в надежде узнать побольше о его друге Тру Уоллсе.

По лицу Роми медленно расплылась улыбка.

– Значит, он все-таки ее нашел?

– Скорее, они нашли друг друга.

Роми нагнулся и поднял с земли прутик.

– Сколько раз вы были в Зимбабве?

– Вот сейчас приехал во второй.

– Знаете, что происходит с деревьями, которые ломают слоны? Ну, вот почему нигде не видно лежащих на земле гигантских стволов?

Я покачал головой, заинтригованный вопросом.

– Термиты, – объяснил Роми. – Жрут все без остатка. Для буша благо, для всего, что сделано из дерева, – плохо. Поэтому скамейка из металла. Термиты все точат и точат, никогда не останавливаются.

– Это вы к чему?

Роми поставил локти на костлявые коленки и подался ко мне, не выпуская прутика из рук.

– Из Америки Тру вернулся словно выеденным изнутри. Он всегда предпочитал одиночество, но тут стал просто нелюдимым. Сидел в своей комнате, рисовал, но рисунки никому не показывал. Я недоумевал, что у него стряслось, но каждый год в сентябре он становился таким печальным, что за него болело сердце.

Роми переломил прут и уронил половинки на землю.

– И вот однажды вечером, спустя пять или шесть лет после той поездки в Америку, я смотрю – Тру сидит на крыльце и пьет. Я устроился рядом покурить. Он повернулся ко мне... такого выражения лица я у него никогда не видел. Спрашиваю: «Ты чего?» Он не ответил, но и не прогнал меня, и я остался сидеть рядом. Спустя несколько минут он протянул мне фляжку. У него всегда водилось хорошее виски, семья-то богатая...

Я кивнул.

– Потом он спросил, что у меня в жизни было самое трудное. Я сказал – не знаю, в жизни много трудностей, а что? Он сказал, что уже совершил самый трудный поступок в своей жизни, и ничто с этим не сравнится.

Роми хрипло и длинно выдохнул и продолжил:

– Дело не в словах, а в том, как Тру это сказал. В его голосе было столько горечи, будто термиты источили его душу. И он рассказал мне о той женщине из Америки... Хоуп.

Роми повернул ко мне голову.

– Я в свое время тоже влюблялся в женщин, – сказал он с широкой улыбкой, которая, впрочем, быстро угасла. – Но такой любви у меня не

было. А когда Тру рассказывал, как прощался... – Роми уставился в землю. – Он плакал, как человек с разбитым сердцем. Я чувствовал его боль. С тех пор при виде Тру я всякий раз думал: ему до сих пор больно, просто он виду не показывает.

Роми замолчал. Мы с ним сидели и смотрели, как на деревню опускаются сумерки.

– Больше он об этом не говорил, а потом я ушел с работы и долго не видел Тру – пока он не попал в аварию. Я приезжал к нему в больницу, вы знаете?

– Да, – ответил я.

– На него было ужасно страшно смотреть, а доктора сказали, что он уже идет на поправку! Тру путал слова, не мог сказать, что хотел, поэтому говорил я. Пытался его развеселить, шутил и спросил, видел ли он Иисуса или Создателя, пока был на том свете. Тру печально улыбнулся – от этой улыбки у меня сжалось сердце – и ответил: «Нет, я видел Хоуп».

По возвращении из Зимбабве я поехал на островок у побережья Северной Каролины, где теперь жили Тру и Хоуп. У меня почти год ушел на подготовку и написание романа, и мне не хотелось нарушать мирное течение их жизни. Однако я все же решил пройти по берегу мимо их коттеджа. Ни Тру, ни Хоуп на веранде не было.

Я пошел дальше. Впереди показался пирс, и я прошелся до края. Несколько человек сидели там с удочками, но я нашел свободное место на углу и оттуда смотрел на океан, а легкий бриз трепал мои волосы. Я чувствовал, что история Тру и Хоуп изменила меня.

Я не видел их несколько месяцев и успел соскучиться, но меня утешало осознание, что они вместе, судьба наконец-то соединила их. Когда на обратном пути я снова проходил мимо, голова сама собой повернулась в ту сторону, но у коттеджа по-прежнему не было ни души.

Вечерело. Небо превратилось в богатую палитру синих, фиолетовых и серых оттенков, и над горизонтом возилась луна, словно весь день прятавшаяся на дне океана.

Сумерки сгущались, и я поймал себя на том, что снова оглядываю берег. Вдалеке виднелся дом героев моей книги. Пляж почти опустел, но Тру и Хоуп, видимо, решили насладиться прекрасным вечером. Сердце у меня затрепетало при виде этой пары, и я снова подумал о долгих годах, которые они провели порознь. Я думал об их будущем, о прогулках, которые они не совершат, и о приключениях, которых у них уже никогда не будет. Я думал о принесенных жертвах и о чудесах. И еще думал о

любви, которую они питают друг к другу, подобной звезде на дневном небе – невидимой, но неизменной.

Хоуп и Тру уже спустились по пандусу – тому самому, который Тру сооружал в день нашего знакомства. Хоуп сидела в инвалидном кресле, ноги прикрыты пледом. Тру стоял рядом, положив руку ей на плечо. В этом простом жесте была любовь длиной в жизнь, и у меня отчего-то перехватило дыхание. Я остановился и смотрел, и Тру, видимо, что-то почувствовал, потому что повернул голову в мою сторону.

Он помахал мне в знак приветствия, и я ответил, хотя и знал, что это скорее прощание. Я считаю Хоуп и Тру своими друзьями, но сомневаюсь, что нам еще удастся встретиться.

Сейчас их время.

От автора

Дорогой читатель!

Мои романы строятся по определенным стандартам (действие происходит в штате Северная Каролина, в центре повествования любовный сюжет), но я стараюсь варьировать темы, характеры и литературные приемы ради увлекательности повествования. Особенно я люблю так называемую «вставку себя», когда сам автор появляется в своем произведении – тот же слегка завуалированный автобиографический рассказчик, как у Воннегута в «Бойне номер пять», или персонаж по имени Стивен Кинг в «Темной башне. Книга шесть» Стивена Кинга, чей вымышленный дневник играет в сюжете определенную роль (и чья смерть упомянута в «Башне» как случившаяся в 1997 году). Один из моих любимых писателей, Герман Воук, в девяносто семь лет создал роман «Конгрессмен», где описал свое вымышленное участие в неудачной попытке поставить фильм в Голливуде, несмотря на дурные предчувствия своей вполне реальной жены Бетти. Мне всегда нравилась многослойность, которую сообщает повествованию «рассказ в рассказе» с участием автора; этот прием представляется мне чем-то вроде литературного эквивалента озорства художников эпохи Ренессанса, изображавших на своих полотнах и себя. Надеюсь, вы согласитесь, что эпилог, который я написал от своего лица, добавляет интересный ракурс классическому в остальном сюжету о разлученных влюбленных.

Мое «обнаружение» истории Тру и Хоуп полностью выдуманно, но атмосфера, описанная в романе, изучена мной на собственном опыте. Впервые я побывал в Африке в 2010 году и сразу и навсегда влюбился в этот континент: нереальной красоты ландшафты, любопытнейшие и очень разнообразные культуры, бурная политическая история и непривычное ощущение застывшего времени. Я ездил в Африку несколько раз, всякий раз стараясь посетить новые регионы, и успел увидеть стремительно исчезающую уникальную природу. Эти поездки стали поистине поворотными в моей жизни консервативного обывателя городка в Северной Каролине. Я встречал десятки сафари-гидов, чей богатый профессиональный опыт и готовность бесконечно рассказывать интереснейшие истории стали зерном для моей творческой мельницы и вдохновили на создание персонажа, жизнь которого с детства неразрывно связана с Африкой.

Каролина-Бич тоже занимает в моем сердце особое место: мне не однажды довелось обращаться к незатейливым радостям этого городка, когда нужно было в одиночестве поразмыслить или прийти в себя после болезни. В мертвый сезон продуваемые всеми ветрами местные пляжи и радушные, общительные жители – идеальное решение в борьбе со стрессом. Долгие прогулки по пустынным песчаным берегам, простая сытная еда в непритязательных местных заведениях, рокот океанских волн – в общем, рекомендую этот остров всем, кто ищет более спокойную альтернативу стандартному пляжному отдыху.

А «Родственные души» действительно существуют – в заповеднике дикой природы на Берд-Айленд возле Сансет-Бич, Северная Каролина. Меня, ветерана эпистолярного жанра, очень тронула сама идея почтового ящика в уединенной местности, поэтому я отвел ему важную роль в моем новом романе. Возможно, однажды и вы посетите этот живописный берег и поделитесь с «Родственными душами» своими мыслями и историями.

Примечания

1

Большие малонаселенные пространства некультивированной земли в Австралии и Южной Африке, покрытые кустарниками. – *Примеч. ред.*

2

Львиный прайд – семейная стая львов. – *Примеч. ред.*

3

Сеть ресторанов. – *Примеч. пер.*

4

Первый понедельник сентября. – *Примеч. ред.*

5

Товарищество собственников жилья, в котором каждая квартира находится в частной собственности, а здание и территория – в совместном владении. – *Примеч. ред.*

6

Шотландская песня на стихи Р. Бёрнса, которую часто поют на новогодних застольях. – *Примеч. ред.*